

№ 33/100

И. М. ГРИНЦЕРЪ.

801-14
3146

ТЕМНИКЪ-ХРЕСТОМАТІЯ.

СБОРНИКЪ СОЧИНЕНІЙ

— СЪ ПЛАНАМИ. —

Отвлеченныя темы.

Выпускъ II.

Книгоиздательство „Наука“
Торговаго Дома М. Гальбрейхъ и М. Фиртековеръ
въ Одессѣ.
1913.

№ 1. Различіе между человѣкомъ и животнымъ.

Первое положеніе естественной исторіи, такъ сказать, базисъ ея, заключается въ томъ, что человѣкъ есть животное. Нельзя не сознаться, что такое утвержденіе заключаетъ въ себѣ нѣчто странное и непріятное для человѣка, который привыкъ считать себя царемъ міра, стоящимъ неизмѣримо выше всего, что не человѣкъ.

Натуралисты же ставятъ человѣка только на высшую ступень въ животномъ мірѣ. Конечно, прежде всего, необходимо оговориться, что такое утвержденіе слѣдуетъ понимать довольно ограниченно: его нужно понимать въ томъ смыслѣ, что въ человѣкѣ есть все то, что есть и въ животномъ. Чтобы подтвердить это, стоитъ лишь сравнить любое изъ животныхъ съ человѣкомъ. Мы найдемъ въ нихъ массу общаго въ анатомическомъ, и если можно такъ выразиться въ данномъ случаѣ, даже въ психическомъ смыслѣ, ибо животныя, какъ существа одушевленные, имѣютъ и свои страсти, и свои привычки, и свои привязанности.

Но первое существенное и глубокое различіе между человѣкомъ и животными это, бесспорно—разумъ. Разумъ даетъ человѣку право противоположить себя природѣ, потому что онъ можетъ сдѣлать такое противоположеніе, имѣетъ на это силу и способность. Человѣкъ мыслить. Это отправление свойственно только человѣку въ цѣлой природѣ. Только обладая этимъ чуднымъ даромъ, человѣкъ имѣетъ и право, и возможность стоять выше природы, онъ обладаетъ способностью къ развитію, совершенствованію, пониманію природы, ея изслѣдованію и многими другими, вытекающими изъ разума, качествами, которыхъ животное лишено. Разумъ же, и только онъ одинъ, даетъ человѣку такія душевныя движенія, на которыя даже нѣтъ намека въ животномъ мірѣ: исканіе Божества, патриотизмъ, стремленіе къ идеалу и тому подобное.

Животное не лишено разума, но обладаетъ имъ лишь въ незначительной долѣ, необходимой для снискиванія себѣ пропитанія и поддержанія вида; человѣку же онъ данъ въ такой мѣрѣ, что помощью его онъ возносится высоко надъ землею, паритъ мыслью въ небесныхъ сферахъ и прорывается въ глубочайшія нѣдра земли. Сверхъ того, человѣкъ обладаетъ еще членораздѣльной рѣчью—онъ одаренъ словомъ, ставшимъ могучимъ орудіемъ человѣка, въ рукахъ необходимымъ и

неотъемлемымъ. Онъ можетъ выражать свои мысли, ощущенія, передавать ихъ грядущимъ поколѣнїямъ, чѣмъ способствуетъ ихъ возвышенію и облегчаетъ имъ путь къ совершенствованію. Теперь становится яснымъ, что насколько человѣкъ имѣетъ много общаго съ животными, настолько же онъ и отличается отъ нихъ.

Извѣстный натуралистъ и изслѣдователь Дарвинъ путемъ наблюденій пришелъ къ выводу, что организмы развиваются по особому закону, названному имъ закономъ естественнаго подбора. Если стать на эту точку зрѣнія, то, очевидно, что человѣкъ есть отборнѣйшее существо природы, владѣющее богатыми и совершенными качествами, которыя дѣлаютъ его непобѣдимымъ для другихъ существъ, какъ органическаго, такъ и неорганическаго міра; человѣкъ заставляетъ всѣхъ ихъ отступать передъ собою и побѣждаетъ ихъ въ борьбѣ за существованіе.

По выраженію одного русскаго философа „человѣкъ есть предѣлъ дарвинской борьбы, потому что тутъ борьба прекращается, является владыка, которому нѣтъ соперниковъ, которому все одинаково покорно.

П. Л.

№ 2. Человѣкъ-животное общественное.

Аристотель.

(См. соч. № 1).

№ 3. Ты—человѣкъ! Постоянно взвѣшивай и обдумывай это.

П Л А Н Ъ.

Введеніе.

Диогенъ зажигалъ фонарь, чтобы найти человѣка. Дѣйствительно, немногимъ удастся выработать изъ себя истинныхъ людей и вести истинно человѣческую жизнь; немногіе рѣшаются даже серьезно поразмыслить о существѣ, объ истинномъ достоинствѣ и назначеніи человѣка.

Изложеніе.

Ты—человѣкъ.

А. Не возносись надъ твоимъ ближнимъ.

- 1) Высокое происхожденіе, санъ, богатство и т. под. блага не могутъ выработать истиннаго человѣка. „Нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отыду тамо“ (Ювва гл. 1).

- 2) Даже нравственные преимущества или превосходство ума —не даютъ тебѣ права презирать ближнихъ твоихъ. Всѣ истинно великіе люди были чужды гордости. Безъ помощи Божьей и человѣческой мало ты значишь, мало имѣешь и мало можешь. Гордость раздражаетъ силы судьбы¹⁾.

Я этимъ, Леонора, не гожусь,

Когда подумаю, какъ мы ничтожны;

А что въ насъ есть хорошаго—и тѣмъ

Всегда другимъ обязаны бываемъ.—

. Повѣрь, я никогда

Заслугою, своимъ—не почитала,

Что мнѣ природой, счастіемъ дано.

Человѣкъ нуждается въ другихъ для достиженія своей великой цѣли: только сообщаясь съ людьми онъ можетъ сдѣлать что-нибудь значительное. Лишь множество капель составляютъ море; лишь большая масса воды приводитъ въ движеніе мельницу.

Б. Не думай, что ты стоишь выше природы и общей судьбы человѣческой.

- 1) Такъ иной воображаетъ себя призваннымъ къ великимъ дѣламъ, а самъ едва можетъ выработать въ себѣ достаточно способности, прилежанія и твердости для выполненія самыхъ обыкновенныхъ жизненныхъ задачъ.

Кто хочетъ сдѣлать что-нибудь порядочное, тотъ долженъ медленно и безустанно сосредоточивать на одномъ опредѣленномъ пунктѣ всю силу.

Шиллеръ.

- 2) Однѣ только радости жизни не выпали на долю ни одному смертному. Нашъ жребій—самоотверженіе и тихая вѣра въ премудрость Всемогущаго. Спартанская мать сказала при извѣстїи о смерти своихъ сыновей: „когда еще я посылала ихъ на битву, то уже знала, что мои дѣти смертны“. Также—и Ксенофонъ, когда сынъ его, Гриллусъ, палъ при Мантиней.

Съ тысячью гордыхъ судовъ юноша въ море несется,

Чуть уцѣлѣвшій челнокъ къ пристани править старикъ.

Шиллеръ.

¹⁾ Когда Павзаній величался своими подвигами, поэтъ Симонидъ напомнилъ ему, что онъ—человѣкъ.—Филиппъ Македонскій—послѣ херонейской побѣды.—Римскаго триумфатора предостерегаетъ *servus publicus* восклицаніемъ: *Te hominem esse memento.*

В. Однако же не снизойди до животного состоянія. Не забывай, что ты, какъ образъ Божій, призванъ къ вѣчности и исполненъ дорогою цѣною.

Будьте небомъ, а не землею!

Заключеніе.

Какъ достигать совершенства—этому учитъ растенье:
Волей стремися къ тому, чѣмъ мимо воли оно!

Холевіусъ.

№ 4. Назначеніе человѣка.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Основные вопросы, которые всегда ставило себѣ человѣчество.

Изложеніе.

Въ чемъ цѣль человѣческой жизни?

1. Въ развитіи душевныхъ силъ и способностей;
2. въ приобщеніи себя ко всему истинно-человѣческому;
3. въ воздѣйствіи на окружающее въ духѣ опредѣленнаго культурнаго идеала.

Заключеніе.

Нашъ руководитель—голосъ „вѣщаго сердца“.

Во все время болѣе глубокаго натуре ставили себѣ вопросъ о цѣли своего существованія. Отвѣтомъ на этотъ мучительный, никогда не исчезающій вопросъ явились разныя философскія системы; на помощь приходила религія и мораль. „Для чего существуетъ человѣкъ?“—спрашивали библейскій многострадальный Іовъ, герой глубокомысленной Гетевской драмы—„Фаустъ“, нашъ Лермонтовъ... Каждая историческая эпоха ставитъ человѣку свои особыя задачи, и онъ призванъ раньше всего для ихъ разрѣшенія; можно, однако, найти нѣчто объединяющее все отдѣльныя стремленія, нѣчто присущее всемъ вѣкамъ и народамъ.

Первымъ своимъ дѣломъ человѣкъ долженъ признать развитіе своихъ душевныхъ силъ и способностей, выработку крѣпкой воли. „Человѣкъ—это звучитъ гордо“, говорится въ одной пьесѣ современнаго автора¹⁾; гордо это слово должно звучать потому, что понятіе „человѣкъ“ объединяетъ много высокиихъ качествъ: „огни ума и звѣзды сердца“. Но не легко приобрѣтаются эти качества: они дѣлаются достояніемъ человѣка только цѣною неустанной борьбы съ самимъ собою и

¹⁾ Въ пьесѣ М. Горькаго: „На днѣ“.

препятствіями, встрѣчаемыми въ окружающемъ мірѣ! „Даромъ ничто не дается—судьба жертвъ искупительныхъ проситъ!“—воскликаетъ Некрасовъ.

Второй задачей слѣдуетъ признать приобщеніе себя ко всему истинно-человѣческому. Гуманитарныя науки знакомятъ насъ съ судьбою человѣчества, съ исторіей его идей и свѣтлыхъ подвиговъ; общественно-политическія знанія помогутъ намъ разбираться въ современныхъ нуждахъ нашихъ братьевъ; естественно-техническія—дадутъ способы облегчить борьбу съ препятствіями, лежащими въ самой окружающей насъ природѣ; религія и философія освѣтятъ намъ идеаль, стремиться къ которому—нашъ долгъ. „Ничто истинно-человѣческое мнѣ не чуждо“—вотъ достойный девизъ!

Идите въ міръ—совѣтуетъ Гете—ищите человѣка,
Поймите думы все загадочнаго вѣка.

Но недостаточно только понять эти думы, недостаточно быть, по выраженію нашего поэта¹⁾, „свѣткомъ наравнѣ“... Послѣдней и самой главной задачей является воздѣйствіе человѣка на окружающее въ духѣ опредѣленнаго культурнаго идеала. Человѣкъ только тогда достоинъ этого названія, когда онъ творитъ, пересоздаетъ. Выковать въ тиши ученаго кабинета, лабораторіи, бібліотеки или музея свои убѣжденія и потомъ броситься, подобно Гетевскому Фаусту, въ самую гущу жизни, оставить слѣдъ своей личности на окружающемъ и затѣмъ умереть съ сознаніемъ, что „совершилъ въ предѣлахъ земныхъ все земное“²⁾—такова должна быть программа человѣческой жизни.

Каждому изъ насъ надлежитъ помнить назначеніе человѣка. „Не даромъ твердитъ сердце вѣщее намъ“—говоритъ Шиллеръ—

Для высшей созданы мы цѣли;
Что внутренній голосъ намъ внятно твердитъ,
То намъ неизмѣнной судьбою горитъ.

А. Гусевъ.

№ 5. Человѣкъ-вѣнецъ творенія.

Достоевскій.

(См. соч. № 4).

¹⁾ Рылѣва.

²⁾ Слова Баратынскаго въ стихотвореніи „На смерть Гете“.

№ 6. Во всякомъ званіи можно быть полезнымъ гражданиномъ.

Планъ и конспектъ.

Вступленіе.

Было время, когда полезными гражданами признавались лишь представители одного какого-нибудь сословія (воины въ древней Спартѣ, рыцари и духовенство въ средневѣковыхъ государствахъ, дворяне во Франціи XV и XVI вѣковъ), но въ настоящее время всѣ добросовѣстные исполнители своихъ обязанностей, не взирая на различіе сословій, къ которымъ они принадлежатъ или званій, которыя они носятъ, считаются одинаково полезными членами общества.

Изясненіе темы.

При сложности современной общественной жизни, основанной на строгомъ раздѣленіи труда между отдѣльными человѣческими группами, усиленная работа каждой соціальной кѣтки необходима государству для правильного отправленія свойственныхъ ему функций.

Обоснованіе.

Современное общество, помимо сословнаго дѣленія, сохранившагося еще въ большинствѣ европейскихъ государствъ, состоитъ изъ опредѣленныхъ классовъ, безъ дружной работы которыхъ не мыслимо существованіе государства; таковы:

- 1) земледѣльческій классъ,
- 2) промышленный,
- 3) военный,
- 4) представители, такъ называемыхъ, свободныхъ профессій (врачи, учителя...),
- 5) писатели, художники и ученые,
- 6) правительственные чиновники,
- 7) духовенство.

Противное.

1) Одна принадлежность къ тому или другому признанному обществу классу не дѣлаетъ еще человѣка полезнымъ или вреднымъ гражданиномъ;

2) „каждый постъ въ государствѣ долженъ быть замѣщенъ достойнымъ стражемъ“. (Фридрихъ Великій).

Подобіе.

Необходимость здороваго состоянія каждаго органа въ животномъ организмѣ для здороваго существованія послѣдняго.

Примѣры.

1) Земледѣльческая страна, не имѣющая своей обрабатывающей промышленности, принуждена продавать свои продукты за безцѣнокъ, лишь бы пріобрѣсти у сосѣдей необходимыя машины.

2) Государство, не имѣющее внушительнаго войска, не въ состояніи отстаивать свои самые законные интересы.

3) Народъ, не выставившій изъ своей среды оригинальныхъ ученыхъ, мыслителей и художниковъ, подпадаетъ подъ вліяніе другого болѣе культурнаго народа и постепенно утрачиваетъ свои духовныя особенности, т. е. перестаетъ существовать, какъ національная особь.

Свидѣтельства.

- 1) Честь тому, кто надъ сохой
Спину гнетъ и въ жаръ и въ холодъ,
Кто могучею рукою
Подымаетъ тяжкій молотъ...
Но вспомнимъ и того,
Кто какъ рабъ, какъ волъ въ неволѣ,
Плугомъ мозга своего
Пашетъ умственное поле. (М. М.)
- 2) Во всякомъ званіи я честность уважаю,
Во всѣхъ, во всѣхъ цѣню согражданахъ любовь...
(Шиллеръ).
- 3) Притча о спорѣ живота съ прочими членами человѣческаго тѣла (въ „Коріоланѣ“ Шекспира).

Заключеніе.

Видоизмѣняя нѣсколько народную русскую поговорку, можно сказать: не званіе краситъ человѣка, а человѣкъ свое званіе.

А. Гусевъ.

№ 7. Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто.

(См. соч. № 4 и 6).

№ 8. Вліяніе среды на личность.

П Л А Н Ъ.

Введеніе.

- 1) Опредѣленіе понятія „среда“.
- 2) Разница между вліяніемъ среды и воспитанія.

Главная часть.

А. Отрицательная сторона среды.

- 1) Вредное воздействие ограниченной среды на интеллигентных людей:
 - а) на умъ,
 - б) на чувства и
 - в) на волю.
- 2) Разлагающее влияние темных людей на простой народъ:
 - а) интенсивность такой порчи въ болѣе темной массѣ.

В. Черты положительнаго воздействия.

- 1) Выгоды влияния культурной среды:
 - а) сообщеніе практическихъ знаній и опыта,
 - б) доставленіе духовнаго удовлетворенія,
 - в) подготовленіе человѣка къ участию въ общественной жизни и
 - г) общественное мнѣніе, какъ регуляторъ дѣятельности индивидуума.

Заключеніе.

Въ отношеніи человѣка къ средѣ ему помогаютъ полученное имъ воспитаніе и природныя задатки.

Для оцѣнки дѣятельности какого-либо человѣка необходимо принять во вниманіе его природныя задатки, а также и полученное имъ воспитаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. ту атмосферу, которой онъ дышалъ, которая давала ему тѣ или иные матеріальныя и духовныя средства, ту или иную умственную и нравственную окраску, такъ или иначе дѣйствуя на его натуру. Такимъ образомъ въ жизни всякой личности помимо ея внутреннихъ даровъ играетъ еще важную роль внѣшнее воздействие въ видѣ подготовительной, воспитательной работы, которая примѣняется далеко не ко всѣмъ, и въ видѣ окружающей всѣхъ насъ среды. Вліяніе среды тѣмъ отличается отъ вліянія воспитанія, что послѣднее дѣйствуетъ на основаніи выработанныхъ, определенныхъ правилъ и опыта и преслѣдуетъ определенную цѣль—подготовленіе человѣка къ жизни, между тѣмъ какъ среда, которой личность принуждена подражать вслѣдствіе поработенія ея воли болѣе могучей силой или коллективнымъ давленіемъ общества, является, такъ сказать, водоворотомъ, безжалостно поглощающимъ все встрѣчное а своимъ пути и выбрасывающимъ свои жертвы въ измѣненномъ видѣ. Какъ динамитъ, при прорытіи туннелей и при злоупотребленіи имъ является необходимымъ и съ другой стороны опаснымъ орудіемъ, такъ вообще всякая сила можетъ приносить пользу и вредъ. Причины такихъ

противоположныхъ результатовъ силы заключаются не только въ ея свойствахъ, но и въ отношеніи къ ней людей. Отсюда и среда можетъ дѣйствовать отрицательно на интеллигентныхъ людей, какъ въ силу таящейся въ ней язвы, такъ и при ихъ слабости и неприспособленности къ жизни. Человѣкъ интеллигентный при переизмѣненіи своей среды, съ которой онъ жилъ общими мыслями, чувствами и желаніями, которая будила его и давала ему духовную пищу и обширную арену для его дѣятельности, постепенно мельчаетъ въ новой обстановкѣ, при болѣе узкихъ задачахъ и интересахъ общества, постепенно теряетъ тамъ лучшія интеллектуальныя и моральныя стороны души, вступаетъ въ компромиссы со своей совѣстью и въ концѣ концовъ, благодаря такимъ поблажкамъ, совершенно ассимилируется въ своемъ міровоззрѣніи и въ образѣ жизни съ окружающими его людьми. Умъ его перестаетъ энергично работать, интересоваться болѣе отдаленными отъ него предметами и вслѣдствіе такого суживанія дѣятельности почти атрофируется, такъ какъ нѣтъ жизненныхъ соковъ, которые бы его питали; чувства его опошляются, потребности и желанія ограничиваются и при такой нравственной смерти человѣкъ для интеллигенціи совершенно теряетъ, если только въ эту драму его жизни не вторгнется во время какакой-нибудь спасительная, оздоровляющая сила, которая вырветъ его изъ мертвящаго, засасывающаго и разлагающаго вліянія среды. Такое постепенное опошленіе человѣка и превращеніе его въ мелкаго эгоиста изображено Гончаровымъ въ „Обыкновенной исторіи“ и отчасти Островскимъ въ „Доходномъ мѣстѣ“. Если интеллигентный человѣкъ съ большей или меньшей духовной подготовкой порою не можетъ отстоять свою независимость при массовомъ давленіи—вслѣдствіе неумѣнія бороться и слишкомъ рѣзкаго неравенства силъ, такъ какъ одинъ въ полѣ не воинъ, то неизмѣримо болѣе среда заѣдаетъ массу, темныхъ людей, обездоленныхъ и въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи. Они вступаютъ въ жизнь безъ всякаго умственнаго развитія, безъ понятія о долгѣ, о правѣ, о нравственности и потому, какъ горючій матеріалъ, легко поддаются развращающему вліянію окружающихъ ихъ людей. Въ подвалахъ, въ ночлежныхъ домахъ и вообще тамъ, гдѣ ютятся бѣдняки, въ людяхъ съ раннихъ лѣтъ появляются задатки всякихъ пороковъ и преступленій, такъ какъ на этихъ людей дѣйствуютъ заразительнымъ образомъ наблюдаемые ими вредныя примѣры, которые служатъ для нихъ гибельной школой. Чѣмъ темнѣе окружающая масса, чѣмъ меньше ея касается просвѣщеніе, чѣмъ отдаленнѣе она отъ культурнаго центра, тѣмъ болѣе она коверкаетъ и искажаетъ людей. Здѣсь, въ этомъ безотрадномъ царствѣ мрака, куда не проникаютъ лучи духовнаго свѣта, человѣкъ утрачиваетъ данныя

ему отъ природы благіе задатки, становится грубымъ, жестокимъ и способнымъ на всякія злодѣянія, такъ что воспитательное вліяніе такой среды крайне опасно. Напротивъ, культурная среда при высокой степени умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ интересовъ благотворно дѣйствуетъ на человѣка, такъ какъ она своимъ приобщеніемъ его къ себѣ вводитъ его въ кругъ своей духовной жизни, путемъ обмена мыслей дѣлится съ нимъ своимъ міровоззрѣніемъ, открываетъ предъ нимъ новые горизонты, дополняетъ и совершенствуетъ его воспитаніе. Чѣмъ шире общественная жизнь, чѣмъ больше у нея источниковъ давать практическія знанія и опытъ, тѣмъ сильнѣе ея цивилизующее воздѣйствіе на личность. Вотъ почему люди стремятся побывать въ большихъ городахъ, гдѣ они не безъ основанія надѣются найти здоровую пищу для своей дрябнувшей въ захолустіи души, чтобы освѣжить свой умъ, воскресить заглохнувшее чувство прекраснаго и возродить себя для новой жизни. Эта культурная среда захватываетъ человѣка въ виду разнообразія ея общественныхъ теченій и вѣяній: будя личность отъ нравственнаго сна и отвѣчая всѣмъ ея законнымъ запросамъ, общество тѣмъ самымъ даетъ ей необходимое для нея духовное удовлетвореніе. вмѣстѣ съ тѣмъ среда развиваетъ въ индивидуумѣ чувство общности, мысль объ общемъ благѣ, о человѣческомъ прогрессѣ. Общественный дѣятель вырабатывается изъ человѣка особенно благодаря вліянію среды, такъ какъ для этой цѣли одного подготовительнаго воспитанія мало. Средствомъ для этого служить, между прочимъ, общественное мнѣніе, которое регулируетъ путемъ прессы и разныхъ собраній мысли поступки частныхъ и государственныхъ дѣятелей и даетъ имъ тонъ. Такимъ образомъ въ полученіи отъ среды хорошихъ или дурныхъ сторонъ имѣетъ огромное значеніе степень ея культурности и степень воспитанія человѣка на ряду съ его природными задатками, такъ какъ эти дары являются регуляторами при массовомъ давленіи на индивидуальность.

Гуревичъ.

№ 9. Интеллигентный человѣкъ—должникъ общества.

(См. соч. № 8).

№ 10. Вліяніе личности на среду.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Въ какомъ отношеніи находится личность въ средѣ?

Изложеніе.

Вліяніе личности на среду.

А. Благопріятныя и неблагопріятныя условія для воздѣйствія на другихъ:

1) Внутреннія условія:

- а) умственное и нравственное развитіе;
- б) сила воли;
- в) практической умъ.

2) Внѣшнія условія:

- а) степень культурности среды;
- б) ея задачи и идеалы;
- в) духъ времени.

Б. Геній и толпа:

1) Связь генія съ толпой:

- а) въ политической дѣятельности;
- б) въ эстетической;
- в) въ научной.

2) Воздѣйствіе генія на толпу:

- а) въ политическомъ отношеніи;
- б) въ эстетическомъ;
- в) въ научномъ.

Заключеніе.

Личность, какъ продуктъ среды, можетъ при благопріятныхъ условіяхъ явиться источникомъ счастья не только для себя, но и для для другихъ.

Человѣкъ созданъ для общежитія и потому всѣ свои задатки и воспитаніе онъ долженъ приспособлять къ условіямъ окружающей его среды, которой онъ обязанъ своими душевными силами. Отъ нея онъ получилъ развитіе своего умственнаго и нравственнаго капитала, позанимствовалъ у нея всѣ стороны выработаннаго вѣками духовнаго наслѣдія, подражалъ ей до достиженія имъ внутренней самостоятельности, такъ что является по отношенію къ средѣ должникомъ. Общественная дѣятельность въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова служить для человѣка такой ареной, на которой онъ долженъ расплатиться съ лю-

дьями и превратиться изъ ученика въ учителя, изъ пассивнаго члена общества въ активнаго. Личность не только получаетъ окраску отъ другихъ, но даетъ при своей оригинальности извѣстный тонъ, извѣстный колоритъ и извѣстное направленіе окружающей ее средѣ, а иногда и всему человѣчеству. Такимъ образомъ она находится во взаимодѣйствіи по отношенію къ обществу, такъ какъ она въ горнилахъ своего духа перерабатываетъ на пользу людямъ получаемый отъ нихъ матеріалъ. Среда представляется въ видѣ нивы, на которой болѣе одаренный въ какомъ-нибудь направленіи человѣкъ долженъ срывать плевелы и затѣмъ начать сѣять разумное, свѣтлое, честное, такъ какъ кому больше дано, съ того больше и спросится. Дѣйствительно, вліять на другихъ дано только богато одареннымъ натурамъ, при томъ только при благоприятныхъ условіяхъ. Если коллективныя внушенія среды легко отражаются на личности, то какъ трудно индивидууму заставить цѣлое общество думать и поступать, какъ онъ! Такой человѣкъ прежде всего долженъ получить возможно болѣе широкое воспитаніе, выработать себѣ устойчивыя идеалы и собственное, независимое міровоззрѣніе, чтобъ имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ средства для расширенія интересовъ среды, для доставленія ей духовной пищи, для удовлетворенія всѣхъ запросовъ, пробуждаемыхъ имъ къ жизни сторонъ души. Имѣть особенное нравственное обаяніе, приковывать къ себѣ всеобщее вниманіе и оправдывать возлагавшіяся на него надежды можетъ только выдающійся въ какомъ-нибудь отношеніи человѣкъ, который только тогда исполнить свой высшій долгъ, назначенную ему цѣль жизни, когда до конца будетъ бороться за правдивыя мнѣнія и за вѣчные идеалы правды, добра и красоты. Такіе двигатели мысли и нравственности обыкновенно появляются въ эпоху общественнаго самосознанія, когда нарождающееся новое теченіе приходитъ въ столкновеніе со старымъ, дряблымъ, отжившимъ складомъ общественной жизни, нуждающимся въ сложной передѣлкѣ на иной ладъ подъ вліяніемъ свѣжаго притока идей. Поборникъ міровоззрѣнія младшаго поколѣнія 20-хъ годовъ Чацкій своей словесной борьбой произвелъ кризисъ въ средѣ представителей старшаго поколѣнія и, хотя въ комедіи онъ уходитъ побѣжденнымъ, онъ все же въ дѣйствительности въ своемъ удаленіи несомнѣнно заставилъ общество призадуматься и стремиться къ самоусовершенствованію, такъ какъ, разъ выведенное изъ нормальнаго теченія своей пошлой жизни, оно не можетъ уже итти по прежнему руслу и принимаетъ новое направленіе. Но для такого воздѣйствія требуется помимо умственнаго и нравственнаго превосходства также огромная сила воли, чтобы не пасть во время борьбы со средою, чтобы не выказать своей слабости въ рѣ-

шительную минуту и не измѣнить своимъ принципамъ и идеаламъ. Тогда наступаетъ тотъ драматическій моментъ въ жизни такихъ просвѣтителей общества, который оказывается въ разладѣ между словомъ и дѣломъ, и который критика называетъ развѣнчаніемъ героя, крупнаго представителя мысли. Передовой человѣкъ конца сороковыхъ годовъ Рудинъ при всемъ краснорѣчьи и при всей своей богатой учености оказывается благодаря своему слабодушію несостоятельнымъ и неспособнымъ провести свои идеи въ жизни. Въ знаменитомъ финалѣ этого романа Рудинъ кажется намъ жалкимъ, подавленнымъ и уничтоженнымъ Наташей, которую онъ же разбудилъ отъ нравственнаго сна и которой онъ, такъ сказать, далъ душу для извлеченія ея изъ житейской тины. Для нравственнаго перевоспитанія общества Рудину недостаетъ еще одного, очень важнаго для этой цѣли качества—практическаго ума и умѣнія приспособляться къ условіямъ среды. Теорія и дѣйствительность очень часто расходятся между собой, и потому учитель жизни для плодотворности своей дѣятельности долженъ умѣть улавливать недостатки общества и находить средства для борьбы не въ области фантазіи, а въ реальной обстановкѣ. Обстановка эта содержитъ различныя условія и отъ нихъ тоже, какъ и отъ самыхъ задатковъ борца, зависитъ успѣшность воздѣйствія. Неблагоприятной для перевоспитанія является среда мало культурныхъ и деморализованныхъ людей, какъ общество, изображенное въ сатиру Кантемира „На хулящихъ ученіе“, въ комедіи Фонвизина „Недоросль“, Грибоѣдова „Горе отъ ума“ и Гоголя „Ревизоръ“. Предметомъ борьбы съ обществомъ являются его задачи и идеалы, которые обусловливаются его психическимъ складомъ и духомъ времени. Въ исторіи развитія человѣчества на различныхъ поприщахъ выдвигались одаренныя свѣтлымъ умомъ и творческой способностью отдѣльныя личности, которымъ выпадало на долю произвести переворотъ въ жизни мѣстной, а иногда и общечеловѣческой. Сыны своей эпохи, эти гении отличались отъ современной имъ толпы обыкновенныхъ людей не содержаніемъ своихъ духовныхъ силъ, а ихъ качествомъ, интенсивностью, которая у нихъ была неизмѣримо выше, чѣмъ у человѣка зауряднаго. Каждый гений носитъ отпечатокъ своего мѣста, своего времени, своей національности; но вотъ въ ихъ душу западаетъ искра, превращается въ огромное пламя и мигомъ охватываетъ горючій матеріалъ всей окружающей ихъ толпы. Нѣтъ рѣзкой ломки ни на поприщѣ политическомъ, ни на эстетическомъ, ни на научномъ: великія событія и крупныя реформы постепенно готовятся всей исторіей даннаго предмета, и только въ народной фантазіи создаются образы героевъ сѣдой старины, которымъ приписываютъ подвиги, со-

ставлявшие долгий коллективный труд, Роль личности, стало быть, сводится къ инициативѣ, къ умѣнной мощью своего генія улавливать духъ времени, сущность явленій и выливать въ новыхъ формахъ накопившейся уже матеріалъ. Петръ Великій, явившийся творцомъ новой Руси, въ сущности продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ, такъ какъ, не говоря уже о торговой связи Новгорода и Пскова съ Ганзейскимъ союзомъ, уже при Иоаннѣ Грозномъ начались сношенія съ англійскими торговыми судами, а при Борисѣ Годуновѣ происходили съ научной цѣлью поѣздки въ Западную Европу. Заслуга Петра, такимъ образомъ, состоитъ въ томъ, что онъ одинъ рѣшился и сумѣлъ осуществить тотъ переворотъ, потребность къ которому уже чувствовалась и намѣчена была исторіей. Создатель новой драмы Шекспиръ никакъ не могъ отрѣшиться отъ средневѣковыхъ традицій, и въ ней на ряду съ новыми формами находятся элементы драмы средневѣковаго періода. Дарвинъ въ своемъ биологическомъ ученіи развилъ законъ эволюціи, постепеннаго перехода низшихъ формъ животнаго и растительнаго царства въ высшія, т. е. законъ, уже задолго до того времени указанный учеными. А между тѣмъ Петръ Великій, Шекспиръ и Дарвинъ явились законодателями, реформаторами, властителями думъ не только для своего времени, но и для послѣдующаго. Они создали новую эпоху, каждый въ своей области, такъ какъ они имѣли огромное вліяніе на свое общество, заставивъ его мыслить, думать и чувствовать, какъ они. Такъ могутъ дѣйствовать на социальный и духовный строй общества только личности гениальныя, которыя считаются съ имѣющимися условіями и находятъ въ себѣ силы удовлетворить насущныя общественныя потребности.

Такимъ образомъ, причины побѣды человѣка надъ средой лежатъ внутри и внѣ его, такъ что, при благопріятныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ, онъ можетъ вліять на общество, передѣлывать его на новый ладъ, давать ему новыя формы существованія и все то, что онъ даетъ, является достояніемъ всей массы, переработаннымъ въ горнилѣ духа индивидуума.

Рошаль.

№ II. Только живя въ обществѣ, человѣкъ можетъ быть вполне счастливъ.

Вполнѣ счастливымъ человѣкомъ можетъ быть названъ тотъ, кто достигъ полного развитія духовныхъ силъ. Въ самомъ дѣлѣ, преимущество человѣка передъ другими животными заключается въ томъ, что,

кромѣ физической жизни, онъ еще живетъ и духовной жизнью. Духовная жизнь заключается въ дѣятельности ума, чувства и воли, и тѣмъ она полнѣе, чѣмъ болѣе развиты эти силы. Всѣ истинныя наслажденія получаютъ человѣкомъ въ сферѣ духовной жизни, и качества ихъ, т. е. высота, сила и чистота, обусловлены ея полнотою.

Чѣмъ болѣе кругъ понятій способенъ охватить человѣкъ, чѣмъ яснѣе онъ представляетъ смыслъ и характеръ жизни, чѣмъ болѣе онъ способенъ чувствовать, чѣмъ возвышеннѣе его стремленія и чѣмъ яснѣе сознаніе своихъ силъ,—тѣмъ болѣе онъ достоинъ названія счастливаго человѣка.

Посмотримъ теперь, насколько жизнь въ обществѣ является необходимымъ условіемъ полноты духовной жизни человѣка.

Замѣтимъ, прежде всего, что сама природа предназначила человѣка для жизни въ обществѣ. Въ самыя отдаленныя времена люди жили не порознь, а вмѣстѣ—семьями или племенами; когда зарождалась историческая жизнь народа,—устройство было общинное. Люди всегда слѣдовательно, выказывали тяготѣніе другъ къ другу, и удаленіе отъ общества является противоестественнымъ: homo est sociale animal et in commune genitus.

Итакъ, природа требуетъ отъ человѣка жизни въ обществѣ; но, входя въ общество, человѣкъ долженъ бываетъ отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ привычекъ, выгодъ, желаній, въ пользу общества. Это первый ударъ эгоизму человѣка; онъ заставляетъ человѣка думать не только о себѣ, но сообразоваться съ жизнью другихъ; интересы человѣка перестаютъ быть только эгоистическими, и имъ сообщается альтруистическій характеръ. Если человѣкъ будетъ думать только о себѣ и о своихъ выгодахъ, то никогда его не будутъ уважать; ut quisque maxime ad suum commodum refert, quaequaque agit, ita minime est vir bonus.

Между тѣмъ, уваженіе тѣхъ людей, среди которыхъ мы живемъ, доставляетъ намъ громадное нравственное удовлетвореніе и побуждаетъ постоянно держаться на извѣстной высотѣ. Уваженіе это пріобрѣтается дѣятельностью на пользу общества, которая можетъ быть разнообразнаго характера. Но какова бы она ни была, сознаніе, что я тружусь для общаго блага, наполняетъ душу благородною гордостью и согрѣваетъ ее.

„Ты ищешь вѣрнаго счастья? Почитай обязанностью быть дѣятельнымъ для пользы общества“.

Жизнь въ обществѣ оказываетъ большое вліяніе на развитіе нашего нравственнаго чувства. Каждое общество имѣетъ свой нравственный критерій, съ точки зрѣнія котораго дурные поступки получаютъ

должное возмездіе. Кромѣ-того, постоянное общеніе съ людьми непосредственно оказываетъ развивающее вліяніе на наши чувства, такъ какъ каждый человѣкъ производитъ на насъ какое-нибудь впечатлѣніе; даѣе, въ обществѣ всегда живутъ идеи добра, любви къ ближнему и взаимопомощи; проводимыя въ жизнь, онѣ смягчаютъ сердце человѣка, научаютъ его снисходительнѣе относиться къ слабостямъ другихъ и любить людей, какъ братьевъ.

Громадное вліяніе оказываетъ жизнь въ обществѣ на умственное развитіе человѣка. Постоянныя сношенія съ людьми заставляютъ безъ отдыха работать нашу мысль. Характеръ людей и ихъ отношенія, смыслъ явленій текущей жизни, наши собственныя дѣла—все это производитъ быструю смѣну впечатлѣній, въ которыхъ приходится разбираться разуму. Сложность нашихъ общественныхъ отношеній не позволяютъ человѣку жить, не отдавая себѣ отчета въ своихъ поступкахъ и поступкахъ другихъ. Наоборотъ, мысль предшествуетъ всякому слову и дѣлу, она же идетъ и позади ихъ, взвѣсивая возможные послѣдствія.

Даѣе, обмѣнъ мыслей и знаній между людьми постоянно вызываетъ къ работѣ разсудокъ, а желаніе быть не хуже другихъ вызываетъ соревнованіе.

Итакъ, жизнь среди людей является могущественнымъ факторомъ въ дѣлѣ развитія, одиночество же останавливаетъ его, потому что нѣтъ передъ глазами этой быстротекущей рѣки, какова наша жизнь, постоянно вызывающей къ дѣятельности духовныя силы человѣка.

«Уединеніе питаетъ страсти», говоритъ Карамзинъ.

Однимъ изъ необходимыхъ условій счастья является самопознаніе и самоусовершенствованіе. Какъ то, такъ и другое возможно только при жизни въ обществѣ.

Вспомнимъ слова Гете: „человѣкъ лишь въ людяхъ свой образъ узнаетъ, и только жизнь его самопознанію научить“¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, постоянныя столкновенія съ людьми заставляютъ насъ сравнивать ихъ между собою и съ нами; изъ сравненія же всегда вытекаетъ истина. Даѣе, сужденія другихъ имѣютъ важное значеніе для человѣка: „aliorum iudicio permuta nobis et facienda et non facienda et mutanda et corrigenda sunt“. Наконецъ, примѣры людей, стоящихъ выше насъ по развитію, вызываютъ подражаніе, и мы, такимъ образомъ, совершенствуемся: «frequens imitatio transit in mores».

Въ заключеніе скажемъ, что характеръ общества имѣетъ большое значеніе въ разсматриваемомъ случаѣ. Только жизнь въ такомъ об-

¹⁾ См. сочиненіе на эту тему.

ществѣ можетъ быть условіемъ счастья, отъ котораго возможно позавидованіе хорошаго, а не дурного: «cum his versare, qui te meliorem facturi sunt»

П. Л.

№ 12. „Хочешь людей изучить: въ сердце къ себѣ загляни.“

(См. соч. № 11).

Шиллеръ.

№ 13. Вліяніе семьи.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Семья обладаетъ исключительнымъ вліяніемъ.

Изложеніе.

Вліяніе семьи на:

1. развитіе умственныхъ способностей человѣка;
2. на развитіе силы воли;
3. на нравственныя способности человѣка;
4. на выработку предрасудковъ и привычекъ.

Заключеніе.

Важность задачи руководителей семьи. Семья—государство.

То или другое вліяніе на человѣка имѣетъ самые разнообразныя факторы: климатическія условія, вообще природа, среда въ видѣ окружающаго общества и многіе другіе. Но по силѣ вліянія на человѣческую натуру ни одинъ изъ этихъ факторовъ не сравнится съ могучимъ вліяніемъ семьи. Это потому, что въ дѣтскомъ возрастѣ, когда мы воспринимаемъ слышанное и видѣнное съ особенной чуткостью и остротой, мы всецѣло находимся подъ вліяніемъ руководителей нашего воспитанія т. е. семьи. Ни одного впечатлѣніе не приходитъ безслѣдно для насъ и въ зависимости отъ поступка, вызвавшаго въ дѣтской душѣ впечатлѣніе, и будетъ реагировать ребенокъ. Дурной, нехорошій поступокъ вызоветъ въ ребенкѣ подражаніе ему и, наоборотъ, хорошій примѣръ также вызоветъ въ ребенкѣ подражаніе. Ребенокъ это воскъ, изъ котораго можно вылѣпить ту или иную фигуру.

То, что ребенок слышит от окружающих его людей неизгладимо запечатлывается в его мозгу, и вот почему важнее всего с самых ранних пор окружить ребенка такой средой, от которой он мог бы получить примеры высокой нравственности в соединении с богатством разумных сведений. В семье складывается мирозерцание ребенка, т. е. его будущее отношение к миру, к равным себе, и здесь особенно важными сказываются те задатки, которые в основу этого мирозерцания положила семья.

В самом раннем детском возрасте начинают проявляться наши первые желания, первые выражения личной воли; последние могут быть удовлетворены или неудовлетворены в зависимости от характера и взглядов семьи. Неограниченное потворство капризам ребенка, или неразумное их подавление, оказывают громадное влияние на развитие силы воли; взрослые люди, которые не могут сдерживать своих страстей, очень часто оказывались в детском и юношеском возрастах очень капризными детьми, малейшим требованиям которых, порою бессмысленным, потворствовали.

Семья имеет также огромное влияние на развитие нравственности ребенка. Первые основы нравственности являются наиболее важными, и вот почему семья в этом отношении играет важную роль. Нравственность той среды, в которой мы выросли и возвращаемся, служит нерядко мерилом нашей собственной нравственности.

Кроме того, привычки и предрасудки воспитателей неизбежно отражаются на детях: приобретенные в раннем возрасте привычки до того дѣлаются достоянием человека, что впоследствии от них очень трудно отвыкнуть.

Итак, важность задачи руководителей семьи очевидна. Будущность ребенка, его счастье нерядко находится в руках его воспитателя. Задача воспитателя становится тем более важной, что дети — это будущие граждане страны, благосостояние которой тѣсно связано с умственным и нравственным состоянием населяющих ее людей.

Бобровъ.

№ 14. Воспитательное значение семьи.

(См. соч. № 13).

№ 15. Значение воспитания в жизни человека.

П Л А Н Ъ.

Вступление.

1. Определение понятия „воспитание“.

2) Дѣление его

- а) на физическое воспитание и
- б) на духовное или
- а) на семейное,
- б) школьное и
- в) общественное.

Главная часть.

А. Что составляет человеческую натуру?

1. Природа человека и закон наследственности:

- а) Задатки положительные и
- б) задатки отрицательные.

2. Внешние факторы воспитания:

- а) среда,
- б) место и
- в) время.

3. Характер человека, как равнодействующая между внутренним и внешним влиянием:

- а) привычка, как основная черта характера.

В. Воспитание, как искусство совершенствовать и дисциплинировать задатки и внешние воздействия.

1. Сущность воспитания:

- а) сравнение воспитания с влиянием человека на внешнюю природу.
- б) средства воспитания и
- в) цель воспитания.

Заключение.

Положительная и отрицательная сторона воспитания.

Все, чем одарен человек и все, что его окружает во все время его жизни, оказывает известное влияние на его формирование, на внутреннюю и внешнюю его природу. В виду различия этих условий для разных людей происходит нестрая смесь представителей противоположных типов. Масса обыкновенно бывает предоставлена самой себе, между тем как средние и высшие классы пользуются для регулирования различных воздействий, теми теоретическими и

практическими и данными, которые составляют предмет воспитания. Так как человек состоит из тела и души, то воспитание сводится къ усовершенствованію человека въ физическомъ отношеніи и также въ духовномъ, т. е. умственномъ и нравственномъ. Идеаломъ воспитанія такимъ образомъ является здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ; но съ другой стороны, такъ какъ человекъ немислимъ безъ общества, наблюдается еще сильная зависимость его индивидуальности отъ коллективной общественной силы помимо систематизированнаго, рациональнаго вліянія школы и домашней среды: семья и школа призваны регулировать человека въ его борьбѣ съ наносными вліяніями, которые порою оказываютъ растлѣвающее дѣйствіе на его натуру. Объектомъ воспитанія является человекъ со всеми его качествами и недостатками. Какъ внѣшняя природа не вездѣ одинаково расточаетъ свои дары, такъ и задатки человека, этотъ фундаментъ въ дѣлѣ воспитанія, далеко не у всѣхъ одинаковы. Современная психологія видитъ связь между физическими и духовными аномаліями потомковъ и предковъ одной и той же линіи такъ, что, благодаря этому закону наследственности, воспитаніе получаетъ еще огромное значеніе для грядущихъ поколѣній. Очевидно, что богато одаренныя натуры (самородки) менѣе нуждаются въ воспитаніи, такъ какъ онѣ сами могутъ дать вѣрное и полезное направленіе своимъ талантамъ, но вообще въ человекѣ бываетъ слишкомъ много несовершенства и зла, которые могутъ безъ надлежащей культивировки заглушить все доброе, все свѣтлое, все лучшее, что таится въ нѣдрахъ его души. Разница между людьми съ различнымъ физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ капиталомъ сказывается тотчасъ же по вступленіи его въ жизнь. Болѣе могучія натуры находятся по отношенію къ средѣ во взаимодействіи, а болѣе слабыя являются въ ея рукахъ игрушкой такъ, что среда вліяетъ на всѣхъ безъ исключенія, и природные таланты бываютъ не такъ благотворны при менѣе благоприятной обстановкѣ. Каждый человекъ въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, при другой атмосферѣ могъ бы выказать себя совершенно инымъ, жить совершенно другой жизнью. И вотъ изъ этихъ-то внутреннихъ и внѣшнихъ вліяній и вырабатывается характеръ, который есть ничто иное, какъ равнодѣйствующая между ними. Основной чертой характера является привычка, которая называется второй натурой и является результатомъ подчиненія физическимъ инстинктамъ или массовому давленію. Итакъ воспитаніе есть искусство искорененія всѣхъ вредныхъ элементовъ человеческой натуры и усовершенствованія хорошихъ. Если для благодѣйствія природы нуждается въ поправкѣ, въ соединеніи рѣкъ каналами, въ прорытіи перешейковъ, въ осушеніи болотъ, то и чело-

вѣческая натура требуетъ ухода съ самыхъ раннихъ лѣтъ и даетъ плоды, какъ растеніе, выращенное подъ наблюденіемъ опытнаго ботаника. Выборъ средствъ для воспитанія составляетъ предметъ педагогики и отчасти методики наукъ. Объемъ воспитанія не исчерпывается лишь образованіемъ, т. е. изученіемъ наукъ и искусствъ, содержащихъ тѣмъ не менѣе огромный воспитательный матеріалъ; оно требуетъ развитія не только ума и эстетическаго чувства, но и нравственности, которую въ концѣ 18-го вѣка считали краеугольнымъ камнемъ воспитанія. Оно не должно быть только свѣтскимъ, преслѣдовать только внѣшній лоскъ и удовлетворять испорченнымъ вкусамъ, какъ это осмѣяно Крыловымъ въ его комедіяхъ и басняхъ о воспитаніи, Пушкинымъ въ лицѣ Онѣгина, но оно должно созидать гармонію между духомъ и тѣломъ, такъ какъ цѣлью его является подготовленіе истинно полезныхъ для общества людей, какъ единственный въ русской литературѣ положительный мужской типъ Чацкаго. Примѣромъ вредныхъ послѣдствій при отсутствіи хорошаго воспитанія можетъ служить Іоаннъ Грозный. Такимъ образомъ значеніе воспитанія заключается въ приспособленіи индивидуальных особенностей человека къ задачамъ и потребностямъ общества, а отрицательная его сторона сказывается иногда съ обезличеніемъ и обезцвѣчиваніемъ воспитанника мыслящаго и чувствующаго по чужому, когда при воспитаніи на человека дѣйствуетъ поработавшая личность вмѣсто среды и своимъ окрашиваніемъ лишаетъ его самостоятельности въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ.

Гуревичъ.

№ 16. Вліяніе воспитанія на развитіе характера человека.

Извѣстно, что дѣти слишкомъ впечатлительны и быстро воспринимаютъ всѣ окружающія ихъ явленія. Если воспитатели стоятъ на высотѣ своего призванія и къ тому сами честны и нравственны, то они, съ одной стороны, легко могутъ угадать способности воспитанника и, съ другой стороны, направить ихъ въ любую сторону. Разъ воспитатели замѣчаютъ, что ихъ питомецъ стремится безсознательно къ чему-то хорошему, то ихъ прямая обязанность толково и ясно для дѣтскаго ума разъяснить ошибку и указать тѣ дурныя послѣдствія, которые могутъ возникнуть въ будущемъ отъ подобныхъ ошибокъ. Чтобы ребенокъ легко послѣдовалъ указаніямъ воспитателя, послѣдній, понятно, долженъ быть кроткимъ, не раздражать своего питомца, а тѣмъ болѣе дѣйствовать

угрозой. Отсюда однако не слѣдуетъ, что болѣе строгое отношеніе наставника къ питомцу исключительно вредно отзывается на дѣло воспитанія. Каждый изъ насъ согласится, что и угроза имѣетъ мѣсто, а иногда, является необходимымъ факторомъ при воспитаніи, но ребенокъ не долженъ привыкнуть къ этимъ угрозамъ, въ противномъ случаѣ онъ только изъ страха постарается слѣдовать указаніямъ наставника въ присутствіи послѣдняго, въ то время какъ въ душѣ ребенка зародится ненависть и нелюбовь къ воспитателю, а слова и указанія послѣдняго не достигнутъ желаннаго результата. Самымъ важнымъ въ воспитаніи это указать ребенку, сообразно съ его умственнымъ горизонтомъ и міросозерцаніемъ, тотъ путь, по которому придется итти въ жизни. Всѣ эти основы должны быть крѣпко вкоренены во внутренней мірѣ ребенка, въ душѣ котораго должны развиваться самыя лучшія стороны человѣка. Что человѣкъ приобретаетъ въ дѣтствѣ, то невольно въ большей или меньшей мѣрѣ отражается впоследствии. Воспитаніе настолько вліяетъ на человѣка, что отъ него главнымъ образомъ, зависитъ, явится ли человѣкъ полезнымъ или вреднымъ членомъ общества. Даже самъ человѣкъ въ своихъ поступкахъ неоднократно хвалитъ или порицаетъ своихъ бывшихъ наставниковъ, причемъ называетъ послѣднихъ главными виновниками всего дурного или хорошаго, совершеннаго имъ.

Если же воспитатели относятся къ такому серіозному дѣлу, какъ воспитаніе, халатно, а занимаются своимъ воспитанникомъ, лишь бы только прошло время, думая исключительно о своихъ личныхъ выгодахъ, то нисколько не удивительно, что въ ребенкѣ развиваются самыя дурныя качества, хотя бы онъ по природѣ обладалъ высоко-нравственными качествами. Что же слѣдуетъ сказать о такомъ воспитанникѣ, который совершаетъ нежеланные поступки безсознательно и не останавливается своими наставниками. Такой ребенокъ поневолѣ привыкаетъ ко всему дурному и въ концѣ концовъ становится вреднымъ членомъ общества. Такой человѣкъ дѣйствуетъ впоследствии по своему усмотрѣнію, старается все сдѣлать такъ, какъ бы ему самому было выгоднѣе, нисколько не думая о пользѣ ближняго. Свои интересы онъ ставитъ выше всего на свѣтѣ и для осуществленія своихъ прихотей пренебрегаетъ самыми священными правами человѣчества, не стыдится окружающей среды, отталкиваетъ отъ себя cadaго, лишь бы удовлетворить свое я.

Наглядными примѣрами неблагоговрнаго вліянія воспитанія на развитіе характера человѣка могутъ служить Іоаннъ Грозный и Обломовъ. Іоаннъ Грозный, какъ извѣстно изъ исторіи, былъ одаренъ прекрасными способностями, на которыя вовсе не обращали вниманія его

воспитатели-бояре. Послѣдніе, думая только о своихъ интересахъ, мало занимались своимъ воспитанникомъ, дурныя наклонности котораго постоянно брали верхъ. Молодой князь постоянно видѣлъ вокругъ себя разныя дурныя поступки своихъ наставниковъ и окружающихъ лицъ, которые совсѣмъ забывали, что вблизи ихъ находится воспитанникъ, будущій государь. Результаты, конечно, были плохіе. Въ дѣтскомъ возрастѣ уже въ душѣ Іоанна развивались жестокость и суровость, которыя достигли крайнихъ предѣловъ впоследствии; государь сдѣлался страшнымъ и грознымъ для всѣхъ, ненавидѣлъ даже своихъ воспитателей и близкихъ окружающихъ его сановниковъ, считая ихъ виновниками и главной помѣхой всего того, что онъ замышлялъ и дѣлалъ и что ему не удавалось выполнить.

Точно также не поняла своего дѣла окружающая среда Обломова. Среда эта не заботилась о развитіи умственныхъ способностей мальчика, не позволяла ему трудиться, такъ какъ считала трудъ недостойнымъ и неприличнымъ дѣломъ дворянъ. Эта беззаботность и лѣность оставили глубокіе сдѣды въ душѣ Обломова до конца его жизни. Хотя Обломовъ, какъ человѣкъ съ высоко-нравственными качествами, могъ бы принести своимъ согражданамъ громадную пользу, но воспитаніе рѣшительно испортило его. Обломовъ замышлялъ многое, даже брался за разныя дѣла въ увѣренности, что все легко сдѣлается, но лѣнь, зародившаяся въ немъ съ дѣтства, всегда служила главной помѣхой и причиной его бездѣйствія, а всѣ проекты оставались одними проектами и не могли сколько-нибудь подвинуться впередъ.

Имѣются факты, что одна и та же окружающая среда можетъ дѣйствовать различно на развитіе характеровъ разныхъ лицъ. Таковыми можно назвать Остапа и Андрія, сыновей Тараса Бульбы. Оба они воспитывались въ Киевской бурсѣ; оба имѣли одинаковыхъ воспитателей, которые старались закалить ихъ душу и сдѣлать ихъ вѣрными сынами казачества. На дѣлѣ оказалось что-то странное. Остапъ является правдивымъ типомъ казака, украшеіемъ вольности, отваги, мужества, защитникомъ православной вѣры, готовымъ переносить всякаго рода мученія, и до послѣдней минуты патріотизмъ не оставляетъ его. Совсѣмъ другимъ является его братъ Андрій, получившій съ нимъ такое же воспитаніе, но вліявшее на него неблагоговрно. Въ рѣшительную минуту Андрій забываетъ все, что должно быть дорого и мило казаку. Любовь къ полячѣмъ заглушаетъ въ немъ самыя высокія чувства патріотизма; онъ передается на сторону поляковъ и сражается противъ своихъ же казаковъ. Если человѣческая натура бываетъ иногда слишкомъ слабой, поддается разнаго рода слабостямъ и можетъ заслужить снисхожденія у

слабыхъ же людей, то такъ не поступитъ исторія, которая производитъ строгій судъ надъ каждымъ отдѣльнымъ фактомъ, беспощадно караетъ виновныхъ, а потому для исторіи Андрій навсегда останется измѣнникомъ, достойнымъ самаго суроваго наказанія, и въ развитіи его характера будутъ постоянно порицать его воспитателей.

Итакъ, мы видимъ, что воспитаніе имѣетъ большое значеніе въ жизни человѣка. Послѣдній до достиженія совершеннолѣтія долженъ нуждаться въ наставникахъ, отъ которыхъ зависятъ въ будущемъ всѣ его поступки, поэтому намъ слѣдуетъ критически относиться къ выбору воспитателей.

А. Григоровичъ.

№ 17. Условія, способствующія умственному развитію человѣка.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Цѣнность умственного развитія.

Изложеніе.

Необходимыя условія умственного развитія:

- а) личныя способности чловѣка,
- б) среда, въ которой вращается чловѣкъ,
- в) полученіе правильнаго образованія,
- г) чтеніе книгъ,
- д) образовательныя путешествія,
- е) матеріальное благостояніе,
- ж) свободный досугъ,
- з) жизнь въ культурныхъ центрахъ.

Заключеніе.

Мѣры для поднятія уровня народнаго просвѣщенія, принимаемыя правительствами культурныхъ народовъ.

Если чловѣчество достигло высокаго уровня своей культуры, который даетъ ему полную возможность вести успѣшную борьбу съ природой для добыванія жизненныхъ благъ, то этимъ состояніемъ оно обязано только своему высокому умственному развитію, котораго оно достигло. Какъ въ жизни всего чловѣчества, такъ и въ жизни отдѣльнаго лица умственное развитіе играетъ чрезвычайно важную роль, оно даетъ въ руки чловѣка незамѣнимое орудіе для успѣшныхъ дѣйствій

на всѣхъ жизненныхъ поприщахъ. Русская народная пословица справедливо говоритъ, что за ученаго двухъ неученныхъ даютъ и то не берутъ. Дѣйствительно, цѣнность людей развитыхъ въ умственномъ отношеніи неизмѣримо выше цѣнности людей неразвитыхъ. Въ то время какъ первые выступаютъ въ жизнь во всеоружіи способностей и знанія, жизнь передъ ними разворачивается, какъ прочитанная книга, въ которой имъ извѣстно содержаніе каждой страницы, вторые блуждаютъ въ жизни, какъ въ потемкахъ, не зная, куда направить свой путь и плывутъ по житейскому морю какъ корабль, безъ руля и безъ вѣтриль. Такое положеніе глубоко плачевно для людей неразвитыхъ въ умственномъ отношеніи, но кромѣ такихъ чисто практическихъ лишеній, ихъ жалкая доля еще усугубляется тѣми духовными лишеніями, которыя имъ приходится имѣть благодаря ихъ умственной неподготовленности. Мы знаемъ, что знаніе, возможность приобщенія къ нему приноситъ чловѣку много часовъ высокаго духовнаго наслажденія. Чловѣкъ видитъ часто въ знаніи утѣшеніе отъ горестей земной жизни и сладчайшій отдыхъ послѣ тяжелыхъ трудовъ, но нужна подготовка для воспріятія духовныхъ наслажденій, а ея лишены люди умственно неразвитые. Этимъ обстоятельствомъ печальное ихъ положеніе еще усиливается, такъ какъ они лишены одного изъ наиболѣе дѣйствительныхъ способовъ для полученія истиннаго наслажденія.

Для полученія умственного развитія существенны весьма многія условія, опредѣляющія, какъ возможность этого умственного развитія, такъ и степень его. Однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ условій слѣдуетъ считать личныя способности и качества чловѣка. Если чловѣкъ по всѣмъ даннымъ является совершенно невоспримчивымъ въ смыслѣ умственного развитія, если его способности настолько неудовлетворительны по качеству, что всякое обученіе его чему-нибудь является бесплоднымъ усиліемъ, если, наконецъ, у него отсутствуетъ всякое желаніе учиться и воспринимать какое-либо знаніе, то, разумѣется, излишнимъ будетъ всякое стараніе что-либо сдѣлать въ направленіи поднятія умственного уровня такого чловѣка, пробужденія въ немъ интересовъ высшаго порядка, надъ такимъ чловѣкомъ можно поставить крестъ. Конечно въ нѣкоторыхъ, крайне рѣдкихъ случаяхъ удастся повліять на такихъ людей, причѣмъ это вліяніе иногда приноситъ хорошіе плоды, но это вліяніе всегда появляется извнѣ, исходитъ изъ окружающаго подобнаго чловѣка общества. Вообще вліяніе среды и общества въ смыслѣ умственного развитія чрезвычайно сильно и не напрасно мы его включили въ число важнѣйшихъ условій, способствующихъ умственному развитію людей. Если чловѣкъ выросъ и вращается въ та-

кой средѣ, гдѣ умственные интересы не находятся въ загонѣ, то, естественно, онъ самъ проникается этими интересами и его развитие, питаемое ими, растетъ. Напротивъ, если умственными интересами въ данной средѣ пренебрегаютъ, то и человѣкъ, состоящій въ этой средѣ также проникается всякими другими интересами, кромѣ умственныхъ. Но если человѣкъ получилъ образованіе въ достаточной мѣрѣ, то это уже вліяетъ на выборъ имъ той или другой среды и можно быть увѣреннымъ, что человѣкъ, уже вкусившій изъ благъ знанія, не избересть такой среды, гдѣ умственные интересы находятся въ полномъ загонѣ. Конечно, такое правило нельзя обобщать; подъ вліяніемъ различныхъ условій мы видимъ какъ разъ низкое нравственное паденіе людей высокообразованныхъ, но такіе случаи все же рѣдки и гораздо вѣрнѣе будетъ другое утвержденіе, что порокъ всегда сопутствуетъ невѣжеству. Правильное образованіе такимъ образомъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ условій для полученія умственного развитія, но къ сожалѣнію, не всѣ люди имѣютъ возможность получить школьное не только высшее, но даже и среднее образованіе, въ такомъ случаѣ оно компенсируется самообразованіемъ, усиленнымъ чтеніемъ, размышленіемъ и проч. Чтеніе книгъ играетъ еще большую роль, чѣмъ обученіе въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи, потому, что тотъ небольшой запасъ знаній, который въ концѣ концовъ пріобрѣтается въ школѣ не можетъ принести такихъ осязательныхъ результатовъ, какъ систематическое чтеніе и размышленіе. Послѣднія являются гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для полученія умственного развитія. Кромѣ чтенія книгъ, мы въ качествѣ прекраснаго средства умственного развитія назовемъ образовательныя путешествія, посѣщеніе театровъ, музеевъ и проч., но все это, въ особенности путешествія, требуетъ большихъ денежныхъ затратъ; такимъ образомъ и матеріальное благосостояніе является однимъ изъ существенныхъ условій для умственного развитія человѣка. Если къ этому прибавить, что досугъ необходимый для чтенія, образованія и т. д. является въ большинствѣ случаевъ только удѣломъ людей богатыхъ, то значеніе богатства въ данномъ отношеніи еще больше возрастаетъ. Къ сожалѣнію, въ настоящее время образованіе еще не стало достояніемъ всѣхъ людей, какъ это было бы желательнымъ, но весь процессъ историческаго развитія непрерывно клонится къ большому проникновенію просвѣщенія въ широкіе слои народныхъ массъ. Въ настоящее время во многихъ странахъ введено всеобщее бесплатное начальное обученіе для желающихъ пополнить свои знанія раскрытыя двери народныхъ университетовъ, воскресныхъ школъ и проч. Наука идетъ по пути все большей демократизаціи и недалеко то время, когда

условія настолько видоизмѣнятся, что она станетъ достояніемъ всѣхъ. Параллельно этому пойдетъ и ростъ умственного развитія населенія. Такимъ образомъ мы видимъ, что вводится новый факторъ въ число условій, способствующихъ умственному развитію—дѣятельность государства по народному просвѣщенію, появленіе котораго можно только пріивѣтствовать.

3. *Нелидовъ.*

№ 18. Развитие достигается самодеятельностью.

(см. соч. № 17)

№ 19. Кого мы называемъ умнымъ человекомъ?

Когда говорятъ: «У такого-то человѣка врожденный умъ», этимъ указывается лишь на основы или силы души; но если врожденный умъ получить очень односторонній матеріалъ для своего развитія или необыкновенно скудный, ничто не помѣшаетъ ему превратиться въ глупость. Умъ творитъ идеи изъ матеріала, и сужденіе безъ данныхъ или фактовъ невозможно. Если матеріалъ или факты будутъ очень бѣдны, и для безошибочнаго вывода будетъ недоставать еще многого, то откуда же взяться вѣрному выводу? Вотъ почему можно быть умнымъ въ математикѣ и глупцомъ въ исторіи; можно превосходно судить о военномъ искусствѣ и не понимать ничего въ сельскомъ хозяйствѣ; можно быть превосходнымъ архитекторомъ и жалкимъ философомъ; наукѣ; можно быть отличнымъ бухгалтеромъ и жалкимъ философомъ; наконецъ, можно быть превосходнымъ администраторомъ и очень глупымъ семьяниномъ. Соедините всѣ эти умы въ одинъ умъ—и вы получите дѣйствительно умнаго человѣка; но такъ такое соединеніе очень рѣдко, то, конечно, чѣмъ человѣкъ знаетъ меньше и чѣмъ его мыслительная способность вращалась въ болѣе узкой сферѣ предметовъ мышленія, тѣмъ и умъ его будетъ ограниченнѣе и одностороннѣе. Одни знанія помогаютъ большому развитію ума, напримѣръ, исторія, въ которой уму приходится имѣть дѣло съ массой многоразличныхъ фактовъ; еще большій умъ создаетъ философія, которая обнимаетъ всѣ категоріи міровыхъ явленій. Но какую же чудотворною силой обладаетъ, напримѣръ, математика, архитектура, сельское хозяйство, географія, грамматика, чтобы заурядные сельскіе хозяева, архитекторы, географы, грам-

матики были непременно умны въ сужденіяхъ о судьбахъ человѣчества въ философіи и въ пониманіи и оцѣнкѣ человѣческихъ поступковъ и отношеній, если эти люди не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о законахъ души? Скажите этимъ людямъ, что умъ общественный и умъ семейный два разныхъ ума, они съ вами заспорятъ. Скажите имъ, что можно быть честнымъ въ общественной дѣятельности и подлецомъ въ семьѣ, и они вамъ скажутъ: „вздоръ“. Конечно, тутъ есть недоразумѣніе въ словахъ, и если вы возьмете общественнаго дѣятеля въ его идеальномъ представленіи, въ томъ видѣ, какъ понимаетъ его Европа, и въ томъ видѣ, какъ она его представляетъ, противорѣчія не будетъ: но быть чиновникомъ—еще не значить быть общественнымъ дѣтелемъ, быть бухгалтеромъ на самой широкой общественной службѣ—еще не значить быть Фоксомъ, Питтомъ, Линкольномъ и Вашингтономъ. Когда умъ владѣетъ всего десятью руководящими правилами, то регулирующей силой является чувство и доброжелательство, но если человѣкъ стыдится чувствъ и, начитавшись, но не понявъ новѣйшихъ англійскихъ писателей, упрется на непогрѣшимости своего ограниченаго ума; если ему неизвѣстно, что основой единоличнаго человѣческаго счастья служитъ удовлетворенное чувство свободы, то бѣдный умный человѣкъ будетъ очень глупъ и жалокъ. И люди, такъ-называемые добрые и хорошіе, очень часто бываютъ неизмѣримо выше тѣхъ умниковъ съ деревяннымъ сердцемъ, которые считаютъ непогрѣшимыми только свои десять куриныхъ принциповъ.

Н. Языковъ.

№ 20. Сила уму уступить.

П Л А Н Ъ.

(По хриі).

- A. Вступленіе** (Dictum cum laude auctoris). О пословицахъ вообще. Происхожденіе и содержаніе пословицъ (съ примѣрами). Отношеніе народа къ пословицамъ.
- B. Изясненіе темы** (expositio). „Сила“ физическая, „умъ“—нравственное превосходство.
Нравственная сила, слѣдовательно, выше физической.
- C. Доказательства** (causae):
- 1) Успѣхи, достигаемые нравственной силой, больше, чѣмъ достигаемые физической.
- Примѣръ: борьба человѣка съ природой.

- II) Успѣхи, достигаемые нравственной силой, прочтѣе.
 - III) Нравственная сила дѣйствуетъ на душу человѣка.
- D. Противное** (contrarium). Физическая сила должна стоять ниже нравственной.
- E. Сравненіе** (simile). Нравственная сила и трость, физическая сила и дубъ.
Дубъ и трость во время бури.
- F. Примѣры** (exemplum). Война русскихъ съ французами 1812 года.
Причины успѣха русскихъ. Борьба римлянъ съ греками.
- G. Свидѣтельство** (testimonium). Библейскія слова о силѣ, о нравственномъ совершенствѣ.
- H. Заключение** (conclusio). Краткій обзоръ сказаннаго и общій выводъ.

Въ ряду произведеній нашей родной словесности видное мѣсто занимаютъ народныя произведенія, принадлежащія не перу какого-либо одного человѣка, а составленныя самимъ народомъ. Въ этихъ произведеніяхъ мы удивляемся глубокой мудрости нашего народа, преклоняемся предъ его взглядами на идеальнаго человѣка и предъ его нравственными требованіями. Существуетъ нѣсколько видовъ народныхъ произведеній. Въ настоящемъ случаѣ мы скажемъ нѣсколько словъ объ одномъ изъ нихъ. Этотъ родъ произведеній замѣчательнъ, съ одной стороны, краткостью и простотой изложенія, съ другой стороны, останавливаетъ на себѣ наше вниманіе своимъ внутреннимъ содержаніемъ, исполненнымъ правды и мудрости. Рѣчь идетъ у насъ о пословицахъ, къ числу которыхъ принадлежитъ изреченіе, служащее предметомъ нашего разсужденія. Скажемъ вкратцѣ о содержаніи пословицъ вообще, объ ихъ происхожденіи, объ отношеніи самого народа къ этимъ изреченіямъ.

Пословица есть плодъ мысли не одного человѣка, а цѣлага народа. Она не есть трудъ намѣренный, какъ произведенія писателей, а случайный. Какое-либо явленіе жизни чѣмъ-либо подѣйствовало на нашъ впечатлительный народъ, вызвало его на размышленіе, и, можетъ быть, въ разговорѣ кто-нибудь случайно произнесъ нѣсколько словъ жизненной правды. Такимъ путемъ явилось большинство пословицъ. Можно думать, что только впоследствии тотъ же народъ далъ этимъ изреченіямъ внѣшнюю обработку, а сначала это были безыскусственныя по внѣшности слова. Пословицы чрезвычайно разнообразны по внутреннему содержанію. Однѣ изъ нихъ явились въ годину народныхъ бѣдствій и отразили на себѣ какое-либо чужеземное иго; другія были вызваны реформами, какъ, напримѣръ, пословица: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день»; третьи затрагиваютъ религіозные вопросы, указывая, съ одной стороны, на язычество, съ другой на Богооткровенную христіанскую ре-

лигію. Мы не будем приводить здѣсь многихъ примѣровъ, основываясь на томъ обстоятельстве, что пословицы извѣстны въ достаточной мѣрѣ каждому, а для поясненія сказаннаго приведемъ только нѣсколько: „Жилъ въ лѣсу, молился пнямъ“, „Взялъ боженку за ноженьку, да объ полтъ“—(эта пословица принадлежитъ ко времени переменъ религіи, о чемъ можно судить по ироническому отношенію къ богамъ, уже отжившимъ свое время); „Не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ велитъ“; „Пропалъ какъ шведъ подъ Полтавой“; „Деньги безъ ума—дырявая сума“ и т. д. На ряду съ пословицами глубоко-нравственнаго содержанія мы можемъ встрѣтить и такія, какъ „Стыдъ не дымъ—глаза не выѣсть“; «Пьянъ да уменъ—два угодыя въ немъ».

Невольно возникаетъ вопросъ, какъ согласить такіе разнорѣчивые взгляды и можно ли, вообще, довѣрять пословицамъ? Эти послѣднія пословицы, отразившія въ себѣ отрицательныя черты народа, собственно говоря, не могутъ назваться пословицами. Вѣдь самъ народъ говоритъ: „Пень не околица, глупая рѣчь не пословица“. Ясно, что народъ не сочувствуетъ подобнымъ словамъ нездраваго разсудка, не сочувствуетъ въ такой же степени, въ какой расположенъ къ другимъ. „Пословица не даромъ молвится, вѣкъ не сломится“, говоритъ народъ, и часто мы имѣемъ случаи наблюдать, какъ простой народъ въ подтвержденіе своей мысли приводитъ ту или другую пословицу. Народъ глубоко вѣритъ въ эти изреченія, и мы не имѣемъ основанія не довѣрять имъ. Нужно замѣтить только одно, что пословицы часто приходится понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, который она выражаетъ на первый взглядъ. Поэтому, прежде чѣмъ приводить извѣстную пословицу, нужно поглубже вдуматься во все внутреннее содержаніе, нужно изучить эту пословицу. Такъ поступимъ мы и въ настоящемъ случаѣ.

„Сила уму уступить“—какъ мало здѣсь словъ, и какъ много смысла, если разобратъ въ этомъ изреченіи!.. Подъ «силой» здѣсь нужно разумѣть только грубую, физическую силу въ обширномъ смыслѣ, а подъ «умомъ» не только умственное развитіе человѣка, а и нравственныя его качества, такъ что слово «умъ» равносильно здѣсь понятію «нравственная сила человѣка». Слѣдовательно изреченіе: «сила уму уступить» въ раскрытой формѣ представится такъ: нравственная мощь человѣка выше его физической силы. Вотъ, какое положеніе скрыто въ этой пословицѣ, и его мы постараемся доказать различными фактами частной и общественной жизни.

Жизнь человѣка—это своего рода тяжелый трудъ. На каждомъ шагу онъ встрѣчается съ препятствіями, которыя онъ долженъ преодолѣть, чтобы быть въ состояніи продолжать свое существованіе. Борьба

человѣка съ природой—вотъ одно изъ проявленій нашей жизни. Возьмемъ, на примѣръ, стихійныя силы. Эти силы, если человѣкъ не противопоставитъ имъ свою собственную, могутъ уничтожить его, стереть съ лица земли. Какъ же человѣкъ можетъ защищаться отъ этихъ силъ? Различнымъ образомъ. Если ему угрожаетъ наводненіе, онъ старается преградить доступъ разбушевавшейся водной стихіи, своими руками возводитъ различныя укрѣпленія, но большей части неудачно: вода разрушаетъ насыпь! Овладеетъ огонь его жилищемъ, онъ старается погасить его, заливая ведромъ воды огненное море. Если не помогаетъ это, онъ старается спасти только свое имущество и на своей спиной уноситъ весь свой скарбъ. Вотъ какъ поступалъ человѣкъ въ прежнее время.

Теперь онъ дѣйствуетъ иначе. Возьмемъ тѣ же самые случаи его жизни. Опасаясь наводненія, онъ отводитъ русло рѣки въ другое мѣсто такъ, чтобы водный потокъ не захватилъ его жилища. Въ случаѣ пожара, онъ пускаетъ въ ходъ различныя машины, и часто съ помощью нѣсколькихъ рукъ ему удается погасить пламя и спасти жилище. Въ чемъ же здѣсь разница? Почему въ первомъ случаѣ та же сила, тѣ же самыя руки не достигли успѣха, какъ во второмъ? Причина довольно ясна. Сила была одна и таже, но во второмъ случаѣ къ этой физической силѣ присоединяется еще нѣчто, что дало возможность человѣку, даже съ меньшей затратой физическаго труда, достигнуть болѣе благоприятныхъ результатовъ. Это нѣчто есть умъ человѣка, который заставилъ одну стихію служить человѣку противъ другой, который, вообще, поставилъ человѣка во главѣ міра. Возьмемъ еще болѣе характерный случай изъ жизни человѣчества. Въ древнія времена, если человѣку являлась необходимость видѣться съ другими, отдѣленными отъ него, на примѣръ, воднымъ пространствомъ, первый садился въ утлую ладью и поручалъ себя водной стихіи. Не только въ бурю, но и въ ясную тихую погоду, онъ долженъ былъ безпрестанно работать веслами и напирать всѣ свои силы къ тому, чтобы медленно подвигаться впередъ. Но это еще не все. Мы взяли болѣе счастливыя обстоятельства. Представимъ себѣ теперь пловца въ другихъ условіяхъ. Грязно-свинцовое небо; синія волны острыми гребнями вздымаются высоко вверхъ, кругомъ воеетъ вѣтеръ, и среди этого круговорота то мелькнетъ ладья, то пропадетъ вновь. Сила человѣка! что значить она въ сравненіи съ могуществомъ природы?! Человѣкъ погибалъ, если какая-либо посторонняя причина не избавляла его отъ гибели. Вотъ почему сложилась пословица: „Кто на морѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ!“ Совершенно въ иныя условія поставленъ современный человѣкъ. Для той же цѣли

онъ садится на пароходъ, и подь руководствомъ одного опытнаго кормчаго спокойно переплываетъ даже и бурное море.

Теперь тотъ человѣкъ, который со страхомъ смотрѣлъ на море и боялся бури, бросаетъ послѣдней такой вызовъ: «грянетъ буря, мы поспоримъ!» Такая перемѣна въ отношеніи человѣка къ этой стихіи опять является слѣдствіемъ его развитія, слѣдствіемъ того, что къ физической силѣ явился на помощь умъ. Много можно было бы привести много подобныхъ примѣровъ, но думаемъ, что и на основаніи этихъ двухъ можно сказать, что путемъ ума человѣкъ достигаетъ болѣе благоприятныхъ результатовъ, чѣмъ помощью грубой физической силы. Но этого мало, мы должны были бы сказать: «не только болѣе благоприятныхъ, но и болѣе прочныхъ». Въ самомъ дѣлѣ, все, что человѣкъ дѣлаетъ путемъ физической силы, нуждается въ поддержкѣ, на что постоянно затрачивается та же сила. Не стало рабочихъ рукъ, не могутъ существовать и произведенія этихъ рукъ, такъ какъ одинъ человѣкъ не можетъ часто замѣнить другого, обладающаго большей физической силой.

Не такъ дѣло происходитъ въ томъ случаѣ, когда для достиженія чего-либо затрачивается нравственная сила и, въ частности, умъ человѣка. Погибъ человѣкъ, но не погибла его мысль, которую онъ передалъ своимъ потомкамъ. Послѣдніе пользуются ей съ равнымъ и, часто даже, большимъ успѣхомъ, чѣмъ инициаторъ этой мысли. Вотъ еще новое и видное преимущество нравственной силы!..

Борьба съ природой, сказали мы выше, есть одно изъ проявленій жизни человѣка. Вѣдь не только съ природой приходится сталкиваться человѣку, а также и съ подобными ему людьми. Приходится ему часто въ виду своихъ цѣлей заставлять другого дѣйствовать въ пользу себя, измѣнять его убѣжденія. Здѣсь онъ также можетъ дѣйствовать двояко: грубый человѣкъ можетъ физической силой (сюда можно включить угрозы, насиліе, страхъ) и, вообще, силой заставить другого дѣйствовать вопреки его убѣжденіямъ, или, какъ говорится, «плясать подь свою дудку». Человѣкъ гуманный будетъ дѣйствовать иначе. Онъ постарается убѣдить другого въ правотѣ своего мнѣнія и своего дѣла, уговорить его, склонить путемъ живого слова на свою сторону. Результатъ будетъ, по видимому, одинъ и тотъ же, но только по видимому. Въ первомъ случаѣ, человѣкъ, согласившись изъ страха дѣйствовать по чужой волѣ, продавши ему свою, будетъ дѣйствовать неохотно, а какъ непроизводительный трудъ подневольный! Во второмъ случаѣ, дѣйствуя по волѣ другого, которая почти стала его собственной, онъ исполняетъ дѣло такъ, какъ бы оно было его собственнымъ. Такимъ образомъ, два или цѣлое общество, соединившись въ одно цѣлое, объединенныя общей идеей,

идутъ рука объ руку на жизненномъ пути; ихъ совмѣстный трудъ приноситъ прекрасные результаты, по пословицѣ: «умъ хорошо, а два лучше». Такіе результаты приносятъ нравственное воздѣйствіе. Далѣе, если одинъ насильно заставитъ другого дѣйствовать по своей волѣ, развѣ онъ можетъ поручиться за успѣхъ предпріятія? Конечно, нѣтъ. Пропадетъ его сила, и рухнетъ его дѣло. Нравственное же воздѣйствіе такъ сильно вліяетъ на человѣка, что можетъ быть вѣрнымъ ручательствомъ за успѣхъ. Предположимъ, что даже умеръ тотъ человѣкъ. Его убѣжденія, переданныя имъ другому лицу, останутся и послѣ его смерти. Словомъ, нравственная сила достигаетъ вѣрныхъ и прочныхъ результатовъ во всемъ, чего нельзя сказать о физической.

Вдумываясь глубже, мы найдемъ еще одно превосходство. Нравственная сила, дѣйствуя на душу человѣка, заставляетъ его измѣнять свои мысли и какъ бы перерождаться; нравственной силой обладаетъ одинъ только человѣкъ, а физическую имѣютъ и животныя, при этомъ, иногда въ большей степени, чѣмъ человѣкъ. Нравственная сила—это наше святое достояніе, это великое наше благо, которое мы должны оберегать какъ святыню и дѣйствовать ею только на пользу другимъ, не злоупотребляя ею.

Не много мы сказали о преимуществѣ нравственной силы предъ физической, но и этого достаточно, чтобы сдѣлать заключеніе: физическая сила по результатамъ и цѣли своей дѣятельности, по объекту дѣйствія должна быть нравственной. Въ самомъ дѣлѣ, кого мы поставимъ выше: силача-дикаря или слабого образованнаго человѣка? На этотъ вопросъ не приходится и отвѣчать, такъ какъ отвѣтъ слишкомъ ясенъ. Да и всегда ли примѣнима физическая сила? Есть такія обстоятельства въ духовной жизни человѣка, когда безъ нравственной поддержки онъ долженъ былъ бы погибнуть. Что онъ сдѣлаетъ своей физической силой, когда его постигаетъ горе? Ничего. Физическая сила—это дубъ, а нравственная—гибкая трость. Подь напоромъ бури первый стоитъ незыблемо, пока онъ въ силахъ, но достаточно ему немного погнуться, какъ онъ весь рушится. Такъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ пропадаетъ внезапно физическая сила человѣка. Трость, подь порывомъ вѣтра, склоняется до самой земли и снова бодро встаетъ, когда проходитъ буря.

И нравственная мощь человѣка, перенесши испытанія, снова готова на борьбу и снова въ силахъ вынести горе. Человѣкъ, съ нравственной силой—великанъ въ сравненіи съ тѣмъ, кто обладаетъ физической грубой силой. Примѣры этому мы часто встрѣчаемъ и въ нашей обыденной жизни, и исторія ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Остановимся на

двухъ историческихъ фактахъ. 1812 годъ, незабвенный для нашей родины, ясно доказалъ справедливость изреченія: «сила уму уступить». Съ одной стороны, стояла грозная армія «двунадесяти языкъ», руководимая опытными полководцами и гениемъ Наполеона, съ другой—сравнительно небольшой русскій отрядъ, руководимый нравственной силой, вѣрой въ Бога, крѣпкимъ единеніемъ между собой и преданный Государю. Угрозы Наполеона, обѣщаніе наградить войско богатствами Москвы, и кроткое обращеніе императора Александра I къ войску: „Идите спасать Россію“,—вотъ оружіе, которымъ боролись два народа въ славный двѣнадцатый годъ. И что же?.. Грозныя полчища Наполеона разсѣялись предъ нравственной силой нашего воинства!

Перенесемъ теперь мыслью въ болѣе древнія времена. Могущественные римляне, завладѣвши всѣмъ „orbis terrarum“, покорили, наконецъ, и грековъ, болѣе развитой народъ, чѣмъ сами римляне. И что же? Повидимому, умъ уступилъ силѣ? Нѣтъ! Побѣжденные всегда были выше своихъ побѣдителей. Они оказали вліяніе на ихъ литературу, вѣрованія и, вообще, на всю жизнь. Много можно было бы привести примѣровъ, но мы сошлемся теперь на слова того, кто сказалъ: «Богъ помянетъ кротость твою и дастъ тебѣ хотѣніе сердца твоего», другими словами: „за твои нравственные совершенства, за твою нравственную силу ты получишь исполненіе своихъ желаній“. Въ одномъ мѣстѣ говорится: „Что есть сила человѣка? дунеть вѣтеръ, и нѣтъ ея». Вотъ, какъ судили люди, устами которыхъ говорилъ Духъ Святой.

Руководясь указанными причинами, основываясь на приведенныхъ примѣрахъ, принимая во вниманіе мнѣніе другихъ, мы должны признать превосходство нравственной силы предъ физической. Не трудно исполнить какую-либо физическую работу, но трудно такъ устроить, чтобы сдѣлать ее легко и прочно. Не трудно насильно заставить другого стать на свою сторону, но не легко убѣдить его добровольно сдѣлать это. Трудно дѣйствовать нравственной силой и умомъ, да зато надежнѣе. Физическая сила—непостоянна и всегда уступить уму. Итакъ, правъ былъ народъ, сказавъ тѣ золотыя слова, которыя мы сейчасъ разъяснили.

Только истинный мудрецъ могъ сказать, только нравственное чувство подсказало ихъ человѣку. Умъ всегда долженъ сопутствовать физическимъ силамъ. Если въ головѣ человѣка зародится извѣстная мысль, явится извѣстный планъ дѣйствія, то исполненіе этого плана и осуществленіе этой мысли не представитъ затрудненія. Вѣдь, по слову того же народа: «не трудно сдѣлать, да задумать трудно».

А. Николаевъ.

№ 21. Чужимъ умомъ не проживешь.

Поговорка предостерегаетъ насъ отъ рабскаго подчиненія чужому авторитету. Слѣпое слѣдованіе авторитету одинаково опасно не только въ наукѣ, но и въ жизни.

Научное мышленіе подъ вліяніемъ подчиненія авторитету теряетъ самостоятельность,—наука превращается въ букву. Въ практической жизни авторитетъ полезенъ и необходимъ, но только въ томъ случаѣ, когда онъ примѣняется, какъ разумное средство, не исключая личной инициативы—выбора. Мудрый совѣтъ, правило, принципъ (наставленіе) и проч. хороши, но только тогда, когда они пошли въ плоть и кровь человѣка, когда они сдѣлались его собственнымъ убѣжденіемъ; тогда они служатъ свѣтомъ, который, освѣщая множество путей, не отнимаетъ у человѣка свободы въ выборѣ той или другой жизненной дороги „Люби ближняго, будь честенъ, благороденъ“—совѣтъ мудраго, но какъ любить, какъ быть благороднымъ, честнымъ и проч.—добивайся самъ. Указанія же для отдѣльныхъ случаевъ, частныя предписанія, совѣты, наставленія и проч., даваемые съ самыми добрыми намѣреніями, приводятъ къ неутихательнымъ результатамъ. Опекунство надъ поступками человѣка, или жизнь „чужимъ умомъ“, предостерегая отъ мелкихъ ошибокъ и паденій, убиваетъ самостоятельность и энергію мысли, а главное отнимаетъ возможность того, что характеризуется выраженіемъ „сила характера“. Умственная слабость, прекрасно охарактеризована въ народной сказкѣ о „набитомъ дуракѣ“; нагляднымъ же и крайне тяжелымъ примѣромъ того, до какой степени отупляетъ умственно опека, служитъ Китайская Имперія, вырождающаяся, одряхлѣвшая подъ вліяніемъ 1000 церемоній Конфуція.

Въ нравственно-практической жизни—«чужой умъ» создаетъ не приспособленность, непримѣнимость къ обстоятельствамъ жизни.

Вотъ отчего такъ часто юноши, подающіе богатыя надежды на школьной скамьѣ, оказываются ничтожными въ жизни.

№ 22. Голова безъ ума, что фонарь безъ свѣчи.

(см. соч. № 19, 20 и 21)

№ 23. Не перомъ пишутъ, а умомъ.

(см. соч. № № 19, 20, 21)

№ 24. Сила уму могила.

(см. соч. № 20)

№ 25. Разумъ и разсудокъ.

Психическія силы человѣка раздѣляются наукой, изслѣдующей ихъ явленія,—психологіей, на три группы: явленія познанія, чувствованія и воли. Это дѣленіе вытекаетъ изъ самого положенія человѣка, какъ мыслящаго индивидуальнаго существа среди величественной природы. Познаніе судитъ о томъ или иномъ предметѣ, стремится узнать его содержаніе; чувствованіе вызывается предметомъ (напр. чувствованіе боли, страха), воля стремится оказать извѣстное воздѣйствіе на предметъ. Всѣ эти три группы душевныхъ силъ важны въ жизни человѣка, какъ устанавлиющія связь человѣка съ внѣшнимъ міромъ и отношеніе къ нему.

Разумъ и разсудокъ вмѣстѣ со способностью ощущенія и претставленія принадлежатъ къ явленіямъ познанія, слѣдовательно, къ душевной дѣятельности наиболѣе безпристрастной. Что же такое разумъ и что такое разсудокъ?

Извѣстно, что предметы внѣшняго міра, дѣйствуя на наши чувства, вызываютъ въ нихъ извѣстное ощущеніе: изъ этихъ ощущеній образуются представленія о предметахъ, а изъ отдѣльныхъ представлений—понятіе о данномъ предметѣ. Вотъ эти ощущенія, представленія и понятія и составляютъ содержаніе разсудка, который собственнаго содержанія не имѣетъ. Дѣятельность разсудка и состоитъ въ образованіи понятій, а затѣмъ въ болѣе сложныхъ формахъ мышленія—сужденія и умозаключенія.

Содержаніе разума составляютъ идеи, то-есть стремленіе къ чему-то безконечному въ томъ или другомъ отношеніи. Главныхъ, основныхъ идей насчитывается три: идея истиннаго, соответствующая способности познанія, идея добраго—способности желанія, идея прекраснаго—способности чувствованія. Всѣ эти три идеи объединяются въ идею Бога, какъ Абсолютной Истины, Добра и Красоты.

Идеи эти, или содержаніе разума, прирождены человѣку; слѣдовательно, содержаніе разума въ противоположность содержанію разсудка, не заимствовано. Дѣятельность разума состоитъ въ созерцаніи идей, въ примѣненіи ихъ къ жизненной дѣятельности, цѣлью которой должно быть самоусовершенствованіе. Но созерцаніе это само по себѣ мало сознаетъ себя, не ясно въ человѣкѣ и выясняется по мѣрѣ развитія въ

человѣкѣ способности разсудка, который, такимъ образомъ, влияетъ, если не на самый разумъ, то на его проявленіе.

Но несравненно болѣе обратное, влияніе—разума на разсудокъ. Если человѣкѣ дѣйствуетъ исключительно подъ влияніемъ разсудка, онъ не идетъ далѣе узкаго логическаго процесса образованія понятій, сужденій и т. п.; идея разума пробуждаетъ въ немъ желаніе искать истину ради нея самой, проникнуть въ самую сущность вещей, что порождаетъ великія открытія и изобрѣтенія и расширяетъ количество и содержаніе наукъ.

Что же важнѣе въ жизни человѣка: разумъ или разсудокъ? Сопоставляя сказанное, мы должны сказать, что дѣятельность одного не приноситъ полныхъ результатовъ безъ дѣятельности другого. Но все-таки разумъ, какъ носитель общихъ идей, выражающихъ въ себѣ цѣль человѣческой жизни, важнѣе разсудка.

Д. Д. Полевой.

№ 26. Талантъ и геній.

Для означенія различныхъ степеней дара творчества употребляются болѣею частію два слова: Талантъ и геній. Подъ первымъ разумѣется низшая, подъ вторымъ—высшая степень способности творить. Но такое раздѣленіе довольно неопредѣленно: оно не даетъ мѣры (критеріума) для опредѣленія высоты художественной силы. Правда, талантъ и геній отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что первый ниже второго, а второй выше перваго; но чѣмъ же именно ниже или выше—вотъ вопросъ! Одно изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ качествъ генія есть оригинальность и самобытность, потомъ всеобщность и глубина его идей и идеаловъ, и, наконецъ, историческое влияніе ихъ на эпоху, въ которую онъ живетъ. Геній всегда открываетъ своими твореніями новый, никому до него не извѣстный, никѣмъ не подозрѣваемый міръ дѣйствительности. Толпа живетъ и движется, но бессознательно; переживши извѣстный историческій моментъ и уже нося въ самой себѣ всѣ элементы новаго существованія, она тѣмъ упорнѣе держится формъ стараго. Является геній и возвѣщаетъ людямъ новую жизнь, начала которой они уже носили въ себѣ, и корень которой скрывался уже въ самомъ прошедшемъ. Но толпа не признаетъ своего участія въ дѣлѣ генія; дико и враждебно смотритъ она на новый міръ мысли и формы, открывающіяся въ его твореніяхъ, и только немногіе берутъ его сторону, и только новыя поколѣнія упрочиваютъ за нимъ побѣду. Имя ге-

нія—милліонъ, потому-что въ груди своей носитъ онъ страданія, радости, надежды и стремленія милліоновъ. И вотъ въ чемъ заключается всеобщность его идей и идеаловъ: они касаются всѣхъ, они всѣмъ нужны, они существуютъ не для избранныхъ, не для того или другого сословія, но для цѣлаго народа, а черезъ него и для всего человѣчества. Частность и исключительность, напротивъ, есть достояніе таланта,—и потому бываютъ таланты, произведенія которыхъ нравятся или только веселымъ и счастливымъ, или только меланхоликамъ и несчастнымъ, или только образованнымъ классамъ общества, или только низшимъ слоямъ его, и т. д. Есть люди, которые нечаянно открывали въ себѣ талантъ черезъ какой-нибудь внѣшній и случайный толчокъ: одинъ оттого, что ослѣпъ, другой оттого, что лишился любимой имъ женщины, третій оттого, что пострадалъ за правое дѣло, или за преступленіе, въ которомъ былъ невиненъ, и т. д. Безъ этихъ случайностей всѣ эти люди никогда не сдѣлались бы поэтами. Естественно, что изъ нихъ поэтъ на одинъ и тотъ же ладъ и всегда одно и то же, и потому нравятся только людямъ, которые одинаково съ нимъ настроены и находятъ въ его произведеніяхъ отголоски своихъ личныхъ ощущеній, или примѣненія къ обстоятельствамъ своей жизни. Отсутствие оригинальности и самобытности всегда есть характеристическій признакъ таланта: онъ живетъ не своею, а чужою жизнью, его вдохновеніе есть не что иное, какъ «плѣнной мысли раздраженіе»—мысли, захваченной у генія или подслушанной у самой толпы. Талантъ не управляетъ толпою, а льститъ ей, не утверждаетъ даже новой моды, а идетъ за модою; куда дуетъ вѣтеръ, туда стремится и онъ. Поди онъ противъ—и его сейчасъ забудутъ, а этого онъ и боится больше всего на свѣтѣ. Иногда онъ кажется оригинальнымъ и, въ свою очередь, порождаетъ толпу подражателей; но эта оригинальность тотчасъ исчезаетъ, какъ скоро привыкнуть и приглядятся къ ней, и оказывается или результатомъ чужого вліянія, или проявленіемъ дурного вкуса эпохи; а толпа подражателей доказываетъ только то, что и талантъ имѣетъ степени, и менѣе талантливые подражаютъ болѣе талантливому.

Очевидно, что геній и талантъ суть только крайнія степени, противоположные полюсы творческой силы, и что между ними должно быть что-нибудь среднее. Въ самомъ дѣлѣ, иначе міръ искусства былъ бы очень скуденъ, состоя изъ однихъ геніальныхъ твореній, окруженныхъ развалинами эфемерныхъ произведеній таланта. Напротивъ, во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности исторія сохранила имена людей, которые не были геніями, не были полномочными властелинами своего времени, но тѣмъ не менѣе имѣли на него свое дѣйствительное вліяніе

и потому заняли хотя и второстепенныя, но почетныя мѣста въ благодарной памяти потомства. Въ сферѣ искусства такихъ людей называютъ большими и великими талантами, въ отличіе отъ геніевъ и обыкновенныхъ талантовъ. Но это названіе довольно неопредѣленно. Мы думаемъ, къ такимъ людямъ лучше бы шло названія геніальныхъ талантовъ, какъ выражающее ихъ сродство и съ геніемъ, и съ талантомъ, и ту средину, которую они занимаютъ между тѣмъ и другимъ.

Но слова ничего не значатъ, если не выражаютъ идеи, доказывающей ихъ необходимость и дѣйствительность. И потому мы должны оправдать употребленное нами выраженіе „геніального таланта“, показавши его отношеніе къ «генію» и «таланту». Геніальный талантъ отличается отъ обыкновеннаго таланта тѣмъ, что подобно генію, живетъ своею жизнью, творитъ свободно, а не подражательно, и на свои творенія налагаетъ печать оригинальности и самобытности, со стороны какъ содержанія, такъ и формы. Отъ генія же онъ отличается объемомъ своего содержанія, которое у него бываетъ менѣе обще и болѣе частно. И потому, геній есть полный властелинъ своего времени, которое носитъ на себѣ его имя,—тогда какъ вліяніе геніального таланта, какъ бы оно ни было сильно, всегда простирается только на одну какую-нибудь сторону искусства и жизни. Другими словами: геній захватываетъ и наполняетъ собою цѣлую область современной ему дѣйствительности, геніальный талантъ—одинъ уголокъ ея. Что въ геніи составляетъ полноту его существованія,—то въ геніальномъ талантѣ есть какъ бы отблескъ генія. Но сходное и общее между ними, несмотря на всю огромность раздѣляющаго ихъ пространства, это та оригинальность и самобытность, которая порождаетъ множество подражателей, но ни одного самостоятельнаго таланта, и которой можно подражать, но которой невозможно усвоить. И вотъ гдѣ существенное отличіе геніального таланта отъ обыкновеннаго. Послѣдній есть не болѣе, какъ посредникъ между геніемъ и толпою, родъ фактора, необходимаго для облегченія сношеній между ними: невольно увлекаясь идеями генія, онъ ихъ совлекаетъ съ ихъ высокого, недоступнаго толпѣ пьедестала, и тѣмъ самымъ приближаетъ ихъ къ разумнѣй толпѣ. Подъ рукою таланта идеи генія, такъ сказать, мельчаютъ и опошляются, но этимъ самымъ онъ и дѣлается популярными, становятся всѣмъ доступными и каждому извѣстными. И потому талантъ совершаетъ великое дѣло; но въ этомъ случаѣ онъ дѣлается жертвою собственного успѣха: по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе знакомитъ и сближаетъ толпу съ геніемъ, добродушно думая знакомить и сближать ее только съ самимъ собою—толпа все болѣе и болѣе отворачивается отъ него, обращаясь все болѣе и болѣе къ самому генію,

непосредственныя сношенія съ которымъ стали для нея уже возможными и доступными. Сдѣлавши свое дѣло, таланты (потому что для такого дѣла одного таланта мало, а нужна толпа талантовъ) забываются: имена ихъ остаются въ исторіи литературы, но сочиненія предаются болѣе или менѣе полному забвенію.

Но мы все-таки еще не сказали послѣдняго слова о существенномъ различіи между гениальнымъ и обыкновеннымъ талантомъ. Оно заключается въ тайнѣ натуры человѣка. Въ человѣкѣ, владѣющемъ обыкновеннымъ талантомъ, талантъ есть сила абстрактная, родъ капитала, который принадлежитъ своему владѣльцу, но который—не одно съ нимъ. Продолжимъ наше сравненіе. Потерявши капиталъ, можно нажить другой: капиталъ—внѣшнее средство для жизни, но не сама жизнь. Какъ часто видимъ мы людей, которые, долгое время пользовались огромною извѣстностью и которые, несмотря на то, сумѣли вознаградить себя другими благами жизни: приобрѣли большіе чины или большія деньги и прекрасно живутъ себѣ безъ таланта и безъ славы. Не таковъ человѣкъ, одаренный гениальнымъ талантомъ: его нельзя отдѣлать отъ его таланта, его талантъ—его жизнь, его кровь, его духъ, его плоть, биеіе его сердца, дыханіе его груди, словомъ—весь онъ самъ, Это роковая сила, которая всегда будетъ мчать его къ одной цѣли, къ одной дѣятельности, наперекоръ судьбѣ, рожденію, воспитанію, всѣмъ внѣшнимъ обстоятельствамъ его жизни, какъ бы ни были они сильны. Онъ страстенъ къ славѣ и очень не чуждъ самолюбія; но еще не въ этомъ только источникъ его ничѣмъ неудержимаго стремленія къ творчеству: у него—инстинктъ, натура, страсть. По отношенію къ своему призванію онъ смѣло можетъ сказать о себѣ:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.

Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеніи не молю.

Сила гениальнаго таланта основана на живомъ, неразрывномъ единствѣ человѣка съ поэтомъ. Тутъ замѣчательность таланта происходитъ отъ замѣчательности человѣка, какъ личности, какъ натуры, тогда какъ обыкновенный талантъ отнюдь не обуславливаетъ

собою необыкновеннаго человѣка; тутъ человѣкъ и талантъ—каждый самъ по-себѣ, и человѣкъ, въ отношеніи къ таланту, есть то же, что ящикъ по отношенію къ деньгамъ, которые въ немъ лежатъ. Сильная и богатая натура всегда отличается отъ натуръ обыкновенныхъ, никогда на нихъ не похожа, всегда оригинальна,—и удивительно ли, если печать этой оригинальности налагаетъ она и на свои творенія? Самобытность поэтическихъ произведеній есть отраженіе самобытности создавшей ихъ личности.

У всякаго человѣка есть лицо, слѣдовательно, всякій человѣкъ есть личность; и однако-жъ въ человѣческомъ родѣ гораздо больше существъ неопредѣленныхъ, безцвѣтныхъ, безхарактерныхъ, слѣдовательно, безличныхъ, нежели существъ съ рѣзкимъ выраженіемъ особенности. Лицо есть выраженіе, душа человѣка; но вѣдь есть лица, которыхъ нельзя забыть, разъ увидѣвши, и есть лица, которыя видишь безпрестанно цѣлые годы и забываешь, не видя недѣлю. Слѣдовательно, личность имѣетъ свои степени и свою постепенность, Чѣмъ обще, тѣмъ ничтожнѣе она, чѣмъ болѣе поражаетъ оригинальностью, тѣмъ она выше. Поэтому гений есть высочайшее развитіе личности. Тайну гения составляетъ собственно не умъ; умъ, и часто весьма замѣчательный, бываетъ и у обыкновенныхъ людей; не талантъ: талантъ, и притомъ весьма замѣчательный, часто бываетъ и у обыкновенныхъ людей; не сердце: оно также, и очень часто, бываетъ удѣломъ людей обыкновенныхъ. Нѣтъ, тайна гения заключается больше всего въ какой-то непосредственной творческой способности вдохновенія, похожаго на откровеніе и составляющаго тайну личности человѣка. Это что то такъ же неуловимо и невыразимо словомъ, какъ выраженіе фізіономіи, какъ органическая жизнь. Намъ извѣстны средства жизни, ея органы, ихъ отправленія; но фізіологическая жизнь все таки для насъ тайна. Мы не можемъ выразить сущности гения, но всегда вѣрно чувствуемъ преобладающее надъ нами вліяніе не только гения, но и всякой сколько-нибудь высшей намъ личности. Иногда гениальная личность, не надѣленная образованіемъ и не подозрѣвающая своего значенія, со смиреніемъ и съ робостью подходитъ къ человѣку обыкновенному, но образованному, развитому и ученіемъ и свѣтскою жизнью; но дѣло всегда оканчивается тѣмъ, что первая незамѣтно беретъ верхъ надъ послѣднимъ и обыкновенный человѣкъ, въ присутствіи гениальнаго невѣжды, какъ-то невольно дѣлается осторожнымъ, какъ бы боясь проговориться. Вотъ, что значить личность, натура,—и талантъ тогда только бываетъ плодотворенъ и живучъ, когда онъ тѣсно соединенъ съ личностью, съ натурой человѣка. И вотъ почему иногда бываютъ люди съ талантомъ,

не имѣя ни ума, ни сердца: это таланты обыкновенные, которые могут существовать безъ связи съ личностью и натурой человѣка.

Когда талантъ въ человѣкѣ есть не просто внѣшняя сила производить на основаніи влеченія самобытными образцами, но выраженіе внутренней сущности человѣка, его личности, его натуры—тогда, каковъ бы ни былъ объемъ этого таланта, онъ уже сила творческая, живительная, слѣдовательно, въ немъ уже заключается искра гениальности—и если, по его объему, его нельзя назвать „гениемъ“, то можно и должно назвать „гениальнымъ талантомъ“.

В. Бѣлинскій.

№ 27. „Истинный талантъ, платя дань вѣку, творить и для вѣчности“.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Национальность и общечеловѣчность въ поэзіи.

Главная часть.

Міровое и временное значеніе талантовъ:

Англійская драма:

- 1) Марло—талантъ „вѣка“;
- 2) Шекспиръ—талантъ „вѣчности“.

Русскій байронизмъ:

- 1) общечеловѣчность Лермонтова;
- 2) краткая слава Марлинскаго.

Малороссійская повѣсть:

- 1) классическое значеніе Гоголя;
- 2) забытый талантъ Кукольника.

Заключеніе.

Справедливость основной мысли сочиненія.

Среди каждаго народа, достигшаго извѣстной степени культурнаго развитія, въ разное время появляются писатели, которые изображаютъ отрицательныя и положительныя стороны своего народа и той эпохи, въ которую имъ пришлось жить. Судьба этихъ писателей довольно различна.

Произведенія однихъ авторовъ приобретаютъ любовь не только у своихъ соотечественниковъ, но становятся однимъ достояніемъ всего

цивилизованнаго міра; произведенія же другихъ умираютъ вмѣстѣ съ своими творцами, и объ ихъ существованіи мы узнаемъ только изъ исторіи литературы.

Кто, напримѣръ, не знаетъ автора безсмертныхъ трагедій: «Отелло», «Гамлетъ», «Король Лиръ»? Это—Вильямъ Шекспиръ, родившійся въ 1564 году. Онъ былъ однимъ изъ выдающихся придворныхъ писателей королевы Елизаветы въ Англии.

Изъ современниковъ Шекспира особенное вліяніе на него оказывалъ Марло, который въ свое время имѣлъ громкую славу. Шекспиръ заимствовалъ у него даже сюжеты для своихъ произведеній, но только иначе обрабатывалъ ихъ и придавалъ имъ окраску и живость, которой не было у Марло. Но удивительно!—находясь въ нѣкоторой зависимости отъ Марло, Шекспиръ въ короткое время сдѣлался всеобщимъ любимцемъ и извѣстностью не только въ родной Англии, но и у всего образованнаго міра, а объ его современникѣ мы узнаемъ только изъ исторіи англійской литературы, несмотря на то, что какъ тотъ, такъ и другой были сынами одного и того же народа, одной и той же эпохи. Все это зависитъ отъ того, что Шекспиръ будучи истиннымъ талантомъ, удовлетворяя потребностямъ своихъ соотечественниковъ, создалъ въ тоже время такіе типы, съ которыми приходится считаться и потомству, а Марло ограничился только тѣмъ, что заплатилъ дань вѣку. Изъ тридцати семи Шекспировскихъ пьесъ не менѣе двадцати пяти до сихъ поръ принадлежатъ постоянному репертуару всѣхъ большихъ сценъ. До сихъ поръ онѣ производятъ такое же неотразимое впечатлѣніе, какъ и при жизни драматурга. Онѣ переведены на всѣ европейскіе языки, на нихъ воспитались всѣ позднѣйшіе драматурги. Вообще, Шекспиръ не только составилъ себѣ имя въ литературѣ, но его произведенія сами породили цѣлую литературу. Въ Англии есть даже общества, которыя специально занимаются разборомъ Шекспировскихъ произведеній. Шекспиръ, при всемъ своемъ гениальномъ дарованіи, былъ истиннымъ сыномъ своего вѣка, который нигдѣ такъ ясно не отражается, какъ въ его драмахъ. Дань вѣку, заплаченная Шекспиромъ, дѣйствительно, была велика. Ужасныя картины звѣрскихъ убійствъ, наполняющія страницы первыхъ его драмъ, напримѣръ, «Титъ Андроникъ»,—угождали грубому вкусу мало развитой толпы XVI и XVII вѣка.

Его современники любили въ поэтическихъ произведеніяхъ встрѣчать неприличные шутки, рѣзкія выраженія, и Шекспиръ не останавливался предъ употребленіемъ ихъ, но, все-таки, не заходилъ такъ далеко, какъ, напримѣръ, Бенъ Джонсонъ и др. Точно также, Шекспиръ увлеклся игрой словъ. Игра словъ попадаетъ въ изобиліи даже въ

серьезныхъ его произведеніяхъ и составляетъ камень преткновенія для переводчиковъ. Но потомки не замѣчаютъ отрицательныхъ чертъ драматической поэзіи Шекспира, а цѣнятъ его исключительно на основаніи хорошихъ сторонъ.

То же самое мы можемъ увидѣть въ нашей литературѣ.

Лермонтовъ и Марлинскій, воспитанные оба на произведеніяхъ одного и того же „властиителя думъ“ Байрона и писавшіе чуть ли не на однѣ и тѣ же темы, имѣютъ совсѣмъ противоположную участь. Лермонтовъ сдѣлался всемірной извѣстностью, а Марлинскаго не знаютъ даже многіе изъ образованныхъ русскихъ.

Вотъ еще подобный примѣръ.

Гоголь и Кукольникъ, учившіся въ одномъ лицѣ, пользуются не одинаковой популярностью въ потомствѣ. Кукольникъ въ былое время имѣлъ огромный успѣхъ, а Гоголь съ своей первой юношеской поэмой потерпѣлъ неудачу, да и потомъ подвергался различнымъ нападкамъ нѣкоторыхъ критиковъ. Въ концѣ концовъ Гоголь былъ отнесенъ къ числу нашихъ классиковъ, а слава Кукольника не пережила его самого.

Сопоставляя, такимъ образомъ, писателей одного и того же народа, одной и той же эпохи и даже направленія въ ихъ произведеніяхъ, мы видимъ, что сочиненія писателей посредственнаго таланта умираютъ вмѣстѣ со смертью своихъ творцовъ, а произведенія истинныхъ талантовъ живутъ вѣчно, или по крайней мѣрѣ, нѣсколько столѣтій по кончинѣ своихъ авторовъ.

А. Николаевъ.

№ 28. Не зарывайте таланта своего въ землю.

(См. соч. 27).

№ 29. Кто вездѣ—тотъ нигдѣ.

Это мудрое правило выражаетъ ту мысль, что человѣкъ не долженъ разбрасываться, если желаетъ, чтобъ его дѣятельность была успешна.

Въ эпоху младенчества человѣчества, когда его потребности были очень ограничены, и культура бѣдна, каждый индивидуумъ самъ добывалъ себѣ все необходимое для жизни, каждый обладалъ всѣми знаніями и искусствами, какія къ тому времени могли существовать.

Позже, съ развитіемъ цивилизаціи, человѣческія знанія и профессіи стали специализироваться. Жизнь усложнилась, выдвигая новыя потребности. Накоплялись знанія, усовершенствовались искусства, и человѣкъ уже долженъ былъ значительную часть своей жизни посвятить подготовкѣ къ какой-нибудь практической дѣятельности. Ему приходилось, поэтому, ограничиться только одной какой-либо вѣтвью знанія или искусства. Въ древней Финикии, Палестинѣ, Греціи, Римѣ мы уже встрѣчаемъ многослойное общество, распадающееся на многочисленныя группы, различныя не только по имущественному положенію, но и по занятіямъ. Эти страны уже имѣютъ отдѣльную касту жрецовъ, классъ профессиональныхъ воиновъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ.

На зарѣ науки мы встрѣчаемъ универсальный гений, въ лицѣ Аристотеля, обнявшаго своимъ великимъ умомъ все человѣческое знаніе. Какъ извѣстно, нѣтъ такой отрасли наукъ, въ которой замѣчательный греческій ученый не сказалъ бы своего авторитетнаго, глубокаго слова. Въ эпоху Возрожденія мы находимъ подобное же явленіе въ Италіи, одинъ изъ величайшихъ сыновъ которой, Леонардо-да-Винчи, былъ одновременно гениальнымъ живописцемъ, скульпторомъ, зодчимъ, математикомъ и философомъ.

Но это все исключенія.

Съ теченіемъ времени увеличилась специализація даже въ сферѣ каждой науки въ отдѣльности. Хорошій знатокъ гражданскаго права въ наше время не всегда какъ, слѣдуетъ, знакомъ съ уголовнымъ; специалистъ по дѣтскимъ болѣзнямъ безпомощенъ въ области хирургіи или психіатріи,—и наоборотъ.

Съ непрерывной скоростью возрастаетъ специализація въ области техники, благодаря все болѣе широкому примѣненію принципа раздѣленія труда. Современный производитель рѣдко создаетъ цѣлую вещь. Въ окончательномъ своемъ видѣ, предметы нашего обихода представляють продуктъ многихъ рукъ. Отдѣльныя части производятся въ разныхъ фабрикахъ и мастерскихъ, а потомъ собираются въ специальныхъ заведеніяхъ.

Чтобы овладѣть всѣмъ запасомъ сложныхъ знаній, нужныхъ для успешнаго занятія какимъ-нибудь дѣломъ, человѣку приходится затратить много времени и силъ. Посвятивъ себя опредѣленному занятію, онъ вынужденъ весь отдаться ему, такъ какъ современныя профессіи требуютъ напряженія всѣхъ силъ человѣка. Немудрено, что ему нельзя разбрасываться. Кто хочетъ знать слишкомъ много, всегда останется дилетантомъ. При соединеніи различныхъ дѣлъ въ рукахъ одного чело-

вѣка, немислимо, чтобы каждое или только вѣкоторыя не страдали отъ этого.

Мы видимъ вокругъ себя много примѣровъ, какъ профессоръ, занимающійся интенсивной политической жизнью, вынужденъ оставить кафедру въ университетѣ; врачъ, адвокатъ, отдавшійся литературѣ, прекращаютъ свою профессиональную дѣятельность.

Н. Григорьевъ.

№ 30. Положительное и отрицательное значеніе авторитетовъ.

П Л А Н Ъ.

А. Приступъ.

I. Какъ часто слышимъ мы совѣтъ-пословицу: „живи своимъ умомъ“ и какимъ жалкимъ кажется намъ человѣкъ, всю жизнь опирающійся на чужой опытъ и неумѣющій разобраться самостоятельно въ самыхъ простыхъ повседневныхъ вопросахъ.

II. Но порою смѣшна и излишняя самоувѣренность; она нерѣдко приводитъ человѣка къ легкомысленному отрицанію всего процесса исторіи, къ отрицанію опыта предшествующихъ поколѣній. Также отрицаніе авторитетовъ дѣлаетъ человѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніи совершенно одинокимъ и беспомощнымъ; нашему отрицателю неоткуда ждать себѣ поддержки; онъ живетъ въ „людномъ мірѣ, какъ въ глухой пустынѣ“.

Б. Изъясненіе темы.

Слово «авторитетъ» происходитъ отъ латинскаго «auctoritas» — величина, значеніе. Авторитетами въ вопросахъ философіи, науки, политики называются люди съ такою прочною извѣстностью въ той или другой области, что эта извѣстность служитъ гарантіей истинны высказаннаго ими мнѣнія. Вѣра въ авторитеты является однимъ изъ проявленій духовной зависимости человѣка отъ людей, которыхъ онъ признаетъ достойными уваженія или поклоненія; это — добровольный отказъ отъ попытки провѣрить чужое мнѣніе. Можно ли признать такую вѣру положительной чертой человѣка?

В. Историческіе и литературные примѣры.

Въ исторіи человечества была эпоха, когда вся духовная дѣятельность находилась подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ авторитетовъ: это средніе вѣка. Ученые богословы старались тогда свести свои ученія къ буквѣ, къ слову, встрѣчающемуся въ книгахъ Св. Писанія; философы

стремились обосновать свои отвлеченныя построенія на мнѣніяхъ Аристотеля и т. д. Напротивъ, исторія знала и другія эпохи, когда человѣкъ отвергалъ все, предлагаемое ему на вѣру, и старался укрѣпить свое мировоззрѣніе исключительно на данныхъ личнаго опыта. Таковъ былъ французскій раціонализмъ XVIII вѣка; такова была полоса увлеченія естественными науками, которыя, давая въ руки реторту и микроскопъ, требовали только систематическихъ наблюденій, цѣлесообразно устроенныхъ опытовъ и точныхъ подсчетовъ. Ботаникъ, зоологъ и анатомъ ничего не принимаютъ на вѣру въ области своихъ наукъ. Эта полоса коснулась и русской жизни. Рѣзкое отрицаніе всякихъ авторитетовъ въ нашей литературѣ воплотилось въ лицѣ героя романа Тургенева „Отцы и дѣти“ — Базаровъ.

Г. Разрѣшеніе поставленнаго въ темѣ вопроса.

I. Положительное значеніе авторитетовъ.

- 1) Вѣра въ авторитеты развиваетъ извѣстную осторожность къ выводамъ человѣка изъ своего личнаго, часто недостаточно продуманнаго опыта;
- 2) развиваетъ уваженіе къ труженикамъ науки, искусства и патріотамъ — политическимъ дѣятелямъ;
- 3) ставитъ и личную жизнь подъ контроль великихъ умовъ и великихъ сердецъ, даетъ человѣку высокій образецъ, которому онъ долженъ слѣдовать во всѣхъ случаяхъ жизни.

Недаромъ сказалъ поэтъ:

Въ безсонной тишинѣ и въ суетѣ дневной
Умы великіе бесѣдуютъ со мной,
Мнѣ руку подають въ минуты затрудненія
И гонятъ облако холоднаго сомнѣнья...

- 4) Отрицаніе всякихъ авторитетовъ можетъ привести человека къ безпринципности, къ легкомысленному пренебреженію выводами науки и житейской мудрости народовъ, накопившимися въ теченіе вѣковъ. Вотъ почему, напримеръ, Герценъ признавалъ базаровщину явленіемъ болѣзненнымъ; онъ вѣрилъ, что русскій нигилизмъ исчезнетъ, какъ исчезаютъ дѣтскія болѣзни по мѣрѣ возмужанія человѣка. „Въ сплошномъ, безопадномъ отрицаніи много молодого задору, много даже душевной смѣлости, но много и недомоганія“.

II. Отрицательное значение авторитетовъ.

Вѣра въ авторитеты иногда мѣшаетъ развитію въ человѣкѣ самостоятельности въ мышленіи и чувствованіи, дѣлаетъ его вѣчнымъ ученикомъ.

Д. Заключение (выводы). Мы должны уважать мнѣнія великихъ людей, но не имѣемъ права отказываться отъ священнаго дара—самостоятельно мыслить и выбирать жизненный путь, согласно нашимъ культурнымъ идеаламъ.

А. Гусевъ.

№ 31. „Изучая жизнь великихъ людей, мы совершенствуемся сами!“

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Важность чтенія книгъ вообще.

Главная часть.

Польза чтенія книгъ, описывающихъ жизнь „великихъ“ людей:

- a) нахожденіе читающимъ достойнаго примѣра подражанія;
- b) ссылка на жизнь Петра I;
- c) представитель самостоятельности и самообразования изъ русскаго общества (Ломоносовъ, Сперанскій);
- d) польза чтенія біографій «великихъ» людей для всего общества и отдѣльныхъ его членовъ на пути къ прогрессу.

Заключеніе.

Необходимость рекомендовать сочиненія, описывающія жизнь „великихъ“ людей подрастающему поколѣнію.

Никто не станетъ отрицать, что чтеніе книгъ оказываетъ громадное вліяніе на душевное развитіе человѣка. Фактъ достовѣрный; истина его обусловливается различными состояніями цивилизаціи и просвѣщенія цѣлыхъ государствъ. Почти всякій человѣкъ сознаетъ, что книга правильно развиваетъ всѣ способности и силы человѣческаго духа. Она благотворно вліяетъ на его мысль, просвѣтляетъ и побуждая ее къ постоянной дѣятельности, умягчаетъ и облагораживаетъ сердце, дѣлаетъ его чуткимъ къ нравственному закону и совѣсти, способнымъ любить, страдать и сочувствовать; при помощи той же книги человѣкъ воспитываетъ характеръ, энергію и силу воли, направляя ее къ благимъ цѣлямъ и намѣреніямъ. Однимъ словомъ изъ книги онъ наглядно узнаетъ жизнь, состоящую въ согласной работѣ души и тѣла, во взаимныхъ проявленіяхъ двухъ началъ человѣческаго существа. Читая извѣстный ро-

манъ или повѣсть, мы прослѣживаемъ жизнь и дѣянія цѣлаго общества, замѣчаемъ его положительныя и отрицательныя стороны, анализируемъ поступки и характеры дѣйствующихъ лицъ, дѣлаемъ оцѣнку имъ и, найдя достойное подражанія, поучаемся и подражаемъ героямъ того или другого произведенія.

Въ дѣлѣ воспитанія и развитія хорошаго примѣра всего благотворнаго вліяетъ на нравственное совершенство человѣка. Сила примѣра—это основа воспитанія. Одинъ человѣкъ подражаетъ другому, перенимая у него хорошія качества; если послѣдній живетъ, согласно съ требованіями долга, то первый, заимствуя въ своемъ развитіи его добрыя свойства, совершенствуется. Чтеніе научныхъ разсужденій и теорій приноситъ скорѣе пользу уму и разсудку. Сердце же и воля воспитываются, главнымъ образомъ, на примѣрахъ и идеалахъ, выводимыхъ въ книгахъ преимущественно беллетристическаго характера и, болѣе всего, при чтеніи біографій великихъ людей, гдѣ представляются образцы чистой дѣятельности.

Жизнь великаго человѣка является идеаломъ въ полномъ значеніи этого слова, достиженіе котораго возможно каждому, занимающемуся самовоспитаніемъ и подражаніемъ хорошему. Вѣдь, и замѣчательные люди имѣли отъ природы тѣ же дары, какъ и большинство людей; отличіе же ихъ отъ окружающей массы, за которое они награждены эпитетомъ „великихъ“, заключалось помимо талантовъ, въ энергіи, несокрушимой рѣшимости стремиться къ избранной цѣли, во что бы то ни стало, работать на пользу отечества и ближняго. Много поучительнаго, назидательнаго и примѣрнаго найдетъ для себя изучающій жизнь великаго человѣка, который своей жизнью, своими дѣяніями завѣщаетъ потомкамъ воспитывать высокое души своей. Развѣ Петръ Великій не есть образецъ благихъ порывовъ человѣческой природы, когда онъ, обладая непреклонной предъ ударами общественныхъ упрековъ волей, даетъ государству новую жизнь, доселѣ ему невѣдомую? Онъ идетъ въ гору, тогда какъ десять человѣкъ тащатъ его внизъ: онъ крѣпокъ и стоикъ въ своихъ убѣжденіяхъ и замыслахъ. Терпѣніе и трудъ—вотъ его девизъ. Онъ не гнушается никакой работой, потому что видитъ въ этомъ назначеніе и достоинство человѣка. Развѣ изучающій жизнь этой свѣтлой и гениальной личности не захочетъ подражать ему, хотя въ чемъ-нибудь быть подобнымъ царю-работнику? Съ такой желѣзной волей и терпѣніемъ, какъ у Петра Великаго, можно добиться всего на свѣтѣ, что только не выходитъ за предѣлы возможнаго для человѣка. На силѣ рѣшительности зиждется все великое на землѣ. Терпѣніе, энергія и трудъ—вотъ принципы разумной и полезной жизни; воспитаніе въ

себѣ этихъ высокихъ началъ есть стремленіе къ идеалу, славы и, вмѣстѣ съ тѣмъ къ безсмертію въ потомствѣ... Не бѣдна Россія представителями самообразования и самодѣтельности!.. Сперанскій, мало того, что принесъ пользу государству своими реформами и многими трудами въ разныхъ служебныхъ отрасляхъ, какъ отдѣльный человѣческій характеръ, представляетъ явленіе замѣчательное. Изъ скромнаго семинариста выработался могущественный министръ великой державы. При своей энергичной дѣятельности, при неутомимыхъ трудахъ, соединенныхъ всегда съ аккуратностью въ исполненіи своихъ обязанностей, при удивительномъ присутствіи духа во всѣхъ превратностяхъ судьбы, Сперанскій является вполне заслуживающимъ подражанія. Вникая въ добрыя качества человѣка, сознавая его величество въ нихъ, наконецъ, видя пользу, оказанную цѣлому обществу, невольно плѣняешься достоинствомъ и цѣною души такого человѣка, стараешься, насколько сила хватаетъ, подражать ему и наследовать его лучшія качества души.

Ломоносовъ, заслуживая наибольшаго вниманія передъ другими свѣтилами русской литературы своимъ происхожденіемъ, является вѣрнымъ проводникомъ добрыхъ чувствъ въ народную массу. Сгорая жаждою знанія, Ломоносовъ покидаетъ отчій домъ, пристращается къ книгѣ, проходитъ горнило бѣдствій и, наконецъ, достигаетъ неувядаемой славы, какъ первый русскій ученый и поэтъ. Онъ не палъ духомъ предъ трудностями, встрѣтившимися ему на пути къ просвѣщенію; сохраняя во все время терпѣніе и твердость духа, онъ вынесъ на своей груди цѣлый рядъ бѣдствій. Онъ мужественно боролся съ препятствіями, мѣшавшими его свободной работѣ мысли и самодѣтельности, и вышелъ побѣдителемъ съ вѣнкомъ безсмертія и славы.

Развѣ изучающій жизнь Ломоносова не удивится такому самопожертвованію ради науки? Развѣ останется это изученіе безъ вліянія на душевный складъ изучающаго? Нѣтъ, оно, безъ сомнѣнія, оставитъ слѣдъ по себѣ: посѣетъ сѣмена любви къ наукѣ и книгѣ!..

Много свѣтлыхъ образчиковъ для самоусовершенствованія содержитъ въ себѣ исторія нашей гражданственности. Знакомство съ этими образцами ведетъ къ прогрессу въ жизни какъ индивидуальной, такъ и общественной. Человѣкъ, изучающій жизнь великихъ людей, развивается интеллектуально къ лучшему. Изученіе это производитъ незамѣтный и сильный толчекъ въ самовоспитаніи человѣка; оно кладетъ въ немъ крѣпкія основы къ земному жизнеприсхожденію, оно создаетъ достойнаго сына отечества и члена общества. Такова польза изученія, а сколько удовольствія, сколько пищи для ума и сердца!..

Л. Николаевъ.

№ 32. „Великихъ нѣтъ, но подвиги ихъ живы“.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Причины, способствующія появленію великихъ людей:

- а) стремленіе народа къ прогрессу,
- б) стремленіе подвести итоги дѣятельности.

Изложеніе.

А) Судьба великихъ людей

а) при жизни ихъ:

- а) одиночество,
 - а') примѣръ (Петръ Великій, Пушкинъ).
- б) непонятность,
 - б') примѣръ (Колумбъ).
- в) общая ненависть;
 - в') примѣръ (Галилей, Коперникъ).

б) послѣ смерти:

- а) результаты ихъ дѣятельности,
- б) благодарность потомства.

Б) Примѣры.

а) въ области религіи:

- а) Магометъ,
- б) Лютеръ.

б) въ области философіи:

- а) Сократъ,
- б) Ж. Ж. Руссо.

в) въ области науки:

- а) Коперникъ и Галилей,
- б) Ньютонъ,
- в) Бэконъ.

г) въ области искусства:

- а) Фидій,
- б) Шекспиръ,
- в) Пушкинъ.

д) въ области государственной жизни:

- а) бр. Гракхи,
- б) Карлъ Великій,
- в) Петръ Великій.

Заключеніе.

«Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудеть,
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.»

(Державинъ). А. Семеновъ.

№ 33. Значеніе великихъ людей для современниковъ и потомства.

(См. соч. № 31 и 32).

№ 34. Великіе люди безсмертны.

(См. соч. № 31 и 32).

№ 35. Значеніе памятниковъ, сооруженныхъ великимъ людямъ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа.

А. Пушкинъ.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Значеніе великихъ людей.

Изложеніе.

Памятники и ихъ значеніе:

А. «Нерукотворные»:

- а) произведенія великихъ людей.
- б) отношеніе къ нимъ современниковъ.
- в) память въ потомствѣ.

Б. Монумены, воздвигаемые великимъ людямъ:

- а) какъ награда за ихъ великіе труды.
- б) какъ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ.
- в) историческая цѣнность.

Заключеніе.

Ошибки въ оцѣнкѣ великихъ людей (примѣръ Иоганна Гуттенберга)

На протяженіи всей исторіи человѣчества мы видимъ, какъ ярки-ми пятнами, оставляющими неизгладимый слѣдъ, проявлялась жизнь и дѣятельность немногихъ великихъ людей, дѣла которыхъ приносили людямъ столь великую неоцѣнимую пользу.

Въ силу тѣхъ или другихъ условій, коренящихся въ характерѣ и природѣ людей, нѣкоторыя личности выдвигаются надъ толпой, становятся во главѣ ея и направляютъ жизнь, науку и искусство согласно стремленіямъ своей гениальной натуры. Въ наукѣ еще до сихъ поръ не рѣшенъ въ опредѣленной формѣ вопросъ о взаимодействіи между „героемъ и толпой“, является ли герой неотъемлемымъ отъ толпы и приваннымъ только формулировать и претворять то, что уже претворила его эпоха или онъ совершенно автономенъ въ своихъ мысляхъ и, дѣйствіяхъ, совершенно независимъ отъ толпы и эпохи и, еще болѣе, направляетъ толпу по своему гениальному усмотрѣнію.

Повторяемъ, вопросъ этотъ въ наукѣ еще не рѣшенъ, но ясно лишь одно, что роль и значеніе великихъ людей при томъ или этомъ взглядѣ на нихъ ничуть не становится меньше. Является ли герой только воплотителемъ идей современности, или онъ самъ творитъ эти идеи, а онѣ отъ него переходятъ въ современность, лишь степень вліянія и значенія этихъ идей является мѣриломъ значенія самого героя. А идеи, которымъ служитъ великій человѣкъ, дѣйствительно, чрезвычайно велики и имѣютъ огромное значеніе въ жизни людей. Великіе люди во всѣхъ областяхъ, будь это наука, искусство, общественная жизнь или военное дѣло—ихъ роль неизмѣрима; достаточно вспомнить исторію человѣчества, какъ экономическую, такъ и культурную, для того, чтобы убѣдиться въ неоспоримости этого положенія.

Но, если роль великихъ людей такъ велика, если они приносятъ столь неоцѣнимыя услуги человѣчеству, то возникаетъ вопросъ, какъ благодарное человѣчество реагируетъ въ отвѣтъ на эту великую творимую для него работу, чѣмъ вознаграждаетъ оно своихъ героев, ученыхъ, писателей и т. п. Приходится сказать, къ сожалѣнію, что люди еще далеко не научились цѣнить по справедливости тѣхъ людей, кто всю кровь своего сердца, всю энергію своего мозга отдають на служеніе имъ. Мы знаемъ изъ біографій, какъ много великихъ людей, презрѣнные современниками и забытые потомствомъ, гибли отъ голодной смерти; только за послѣднее время люди стали больше цѣнить своихъ выдающихся представителей ума и духа—и празднованіе ихъ юбилеевъ превращается въ градіозныя народныя манифестаціи. Но истинный великій человѣкъ уже великъ въ силу величія своихъ твореній, въ нихъ онъ можетъ черпать всю награду за понесенные имъ великіе труды, и рано или поздно его великія творенія создадутъ ему имя и славу въ потомствѣ. Примѣръ Иоганна Гуттенберга, знаменитаго изобрѣтателя книгопечатанія на лицо: какъ много пришлось ему вынести и перетерпѣть лишней рани, чѣмъ его великое дѣло стало приносить человѣчеству

крупные плоды, онъ такъ и умеръ въ нищетѣ и лишеніяхъ, а теперь всѣ культурные люди съ благоговѣніемъ произносятъ его имя.

Но рано или поздно люди правильно оцѣниваютъ значеніе великаго человѣка и приносятъ ему благодарность, свято чтя память его. Въ какой же формѣ можетъ быть выражена благодарность? Люди задумались до увѣковѣчиванія памяти ихъ посредствомъ монументовъ, украшающихъ лучшія мѣста столицъ и городовъ. Конечно, ничего нельзя имѣть въ принципѣ противъ подобнаго увѣковѣчиванія памяти великихъ людей, но есть другой способъ увѣковѣчиванія, на нашъ взглядъ болѣе цѣлесообразный и ближе достигающій своей цѣли. Мы имѣемъ въ виду созданіе полезныхъ учреждений, носящихъ на себѣ имя того лица, память котораго желаютъ увѣковѣчить. Въ той области, гдѣ это лицо работало, въ области того дѣла, которому оно посвятило всѣ свои силы необходимо создать учрежденія, которыя явились бы продолженіемъ его дѣла и продолжали бы служеніе человечеству. Такой способъ увѣковѣченія представляется наиболѣе желательнымъ, потому что кромѣ исполненія акта благодарности къ покойному, достигается еще другая великая цѣль—служеніе тому дѣлу, которому покойный служилъ. А продолженіе его дѣла есть высшая награда, потому что дѣло не прерывается, а продолжаетъ развиваться и расти, принося свои полезные результаты. Потомству, въ особенности молодому поколѣнію, дается яркое свидѣтельство великаго дѣла, это свидѣтельство побуждаетъ лучшихъ представителей молодежи также отдаться добродѣлю и посвятить свои молодя, добрыя силы служенію ему.

Такимъ образомъ, выяснивъ значеніе великихъ людей и тѣ мѣры при помощи которыхъ люди выражаютъ свое благодарное отношеніе къ ихъ памяти, остается только выразить пожеланіе, чтобы не повторялось въ дальнѣйшемъ протяженіи человѣческой исторіи то, что, къ сожалѣнію, имѣло мѣсто въ цѣломъ рядѣ случаевъ—ошибки въ оцѣнкѣ значенія людей. Конечно беспристрастный судъ можетъ произнести только исторія, но и современники при надлежащемъ внимательномъ отношеніи могутъ съ достовѣрностью оцѣнить великихъ людей и почитать ихъ своей благодарностью: случаи, подобные Гуттенбергскому, являются тяжелой и неисправимой ошибкой.

3. Нелидовъ.

№ 36. По смерти слава хороша.

(См. соч. № 35).

№ 37. „Народамъ миль и дорогъ тотъ, Кто спать ихъ мысли не даетъ“.

(Пушкинъ).

(См. соч. №№ 31, 32, 35).

№ 38. Что такое героизмъ, и какіе люди могутъ быть героями?

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Понятіе о героѣ и его смыслъ.

Изложеніе.

Что такое героизмъ, и какіе люди могутъ быть героями.

А. Что такое героизмъ?

- 1) Способность къ самопожертвованію и самоотверженію.
- 2) Способность выдающихся людей стоять во главѣ.
- 3) Сущность героизма.
- 4) Примѣры: (Сусанинъ, Антигона, Леонидъ, Горацій, Коклесь, Муцій Сцевола).

Б. Какіе люди могутъ быть героями?

- 1) Люди, одаренные сильнымъ чувствомъ.
- 2) Люди, обладающіе твердой волей.

Заключеніе.

Героизмъ въ обыденной жизни.

Слово „герой“—греческаго происхожденія и означаетъ собственно „полубогъ“. Этимъ именемъ древніе греки называли тѣхъ людей, которые, отличаясь отъ прочихъ выдающимися особенностями, совершали много трудныхъ подвиговъ на пользу своей земли. Такими героями въ Греціи были: Гераклъ, Тезей и др. Цѣлый періодъ греческой исторіи, отличающійся чудесными подвигами такихъ людей, называется героическимъ. Съ теченіемъ же времени слово герой утратило свой первоначальный смыслъ, и его стали примѣнять къ людямъ, оказавшимъ важныя услуги отечеству съ опасностью для собственной жизни. Въ настоящее же время оно еще болѣе расширило свой смыслъ и происходящее отъ него слово героизмъ приобрѣло также болѣе широкое значеніе. Разсмотримъ теперь, что такое героизмъ въ современномъ значеніи, и какіе люди способны на героическіе подвиги.

Въ настоящее время словомъ героизмъ обозначается во-первыхъ, способность къ самопожертвованію и къ самоотверженію, а во-вторыхъ способность выдающихся людей стоять во главѣ другихъ, вызывать ихъ къ различнымъ поступкамъ и руководить ими. Герои второй категоріи могутъ быть, по выраженію Карлейля, „вождями человѣчества“, людьми, въ которыхъ конкретно воплотилось высшее начало, и они являются въ большинствѣ случаевъ великими людьми, ихъ героизмъ—величіе.

Такимъ образомъ сущность героизма есть способность жертвовать собою ради благой цѣли и ради своихъ убѣжденій. Жизнь, «даръ мгновенный и даръ прекрасный», составляетъ высшее благо для человѣка, которое только однажды дается ему и однажды отнимается. Въ рѣдкихъ только случаяхъ жизнь не представляетъ никакой цѣны для человѣка, и онъ бываетъ готовъ разстаться съ нею. Если же намъ бываетъ трудно разставаться съ другими благами, то каково разставаться съ жизнью? Ясно, что это величайшая изъ жертвъ, на какія только способенъ человѣкъ. Тѣмъ не менѣе нерѣдко человѣкъ жертвуетъ своей жизнью для другихъ людей или изъ нежеланія поступиться своими убѣжденіями. Такъ, на примѣръ, Костромскій крестьянинъ Иванъ Сусанинъ, видя, какая опасность грозитъ отечеству со стороны поляковъ, не задумался пожертвовать собою, лишь бы только спасти царя. Сусанинъ понималъ, что его жизнь—ничто въ сравненіи со спасеніемъ цѣлаго отечества и царя, что будетъ ли онъ живъ или нѣтъ, это составляетъ интересъ лишь немногихъ лицъ его семьи, тогда какъ будетъ ли живъ царь или нѣтъ,—является вопросомъ, важнымъ для всей Россіи. Сусанинымъ руководили высшія соображенія: онъ думалъ о счастья отечества и предпочелъ его своему личному; онъ дѣйствовалъ, какъ герой и какъ патриотъ. Другой примѣръ героизма мы видимъ въ дѣйствіяхъ Антигоны, главной героини трагедіи Софокла: „Антигона“. Несмотря на то, что Креонтъ запретилъ подъ страхомъ смертной казни хоронить тѣло Полиекта, эта угроза не пугаетъ рѣшительной и благородной Антигоны; она выше всего ставитъ божескіе законы, священныя узы крови, она рѣшается слѣдовать голосу сердца, нравственнымъ законамъ. Она сознаетъ себя безусловно правой, что доказывается ея рѣшеніемъ совершить дѣло не тайкомъ и не украдкою, но на глазахъ у всѣхъ. Она знаетъ, что ее ждетъ смерть, и охотно жертвуетъ жизнью ради того, что считаетъ своимъ священнѣйшимъ долгомъ, а затѣмъ безъ всякаго колебанія идетъ на судъ и смерть, нисколько не сожалѣя о совершенномъ поступкѣ. Много можно еще привести примѣровъ, такъ какъ исторія каждаго народа представляетъ рядъ героевъ, совершающихъ героическіе подвиги, которые не всегда, конечно, сопряжены съ потерю жи-

зни, но все же показываютъ самопожертваніе ради защищаемого дѣла: Леонидъ, Горацій Коклесь, Муцій Сцевола и др.

Мы ограничимся только приведенными примѣрами и приступимъ теперь къ разрѣшенію вопроса, какіе люди способны на героическіе поступки, т. е. способны быть героями. Всѣ героическіе подвиги совершаются подъ вліяніемъ какого-либо сильнаго чувства. Желаніе спасти отечество, друга, брата и т. д. всегда истекаетъ изъ сильной любви, которая и заставляетъ рисковать жизнью. Наконецъ, сильная воля является вполне необходимымъ качествомъ героя. Какъ бы онъ могъ рѣшиться на дѣло, въ которомъ можно потерять жизнь, если бы не было у него твердой воли? Его постоянно удерживали бы разныя сомнѣнія и колебанія, потому что много надо рѣшимости и присутствія духа, чтобы жертвовать собою.

Правда, что совершать геройскій подвигъ человѣка заставляетъ обыкновенно сильное чувство, заглушающее всякія возраженія разсудка. Передъ человѣкомъ стоитъ одна цѣль, одно желаніе,—и все остальное для него не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, «кто, жертвуя собою, вздумалъ бы сперва разсчитывать и взвѣшивать всѣ послѣдствія, всю вѣроятность пользы своего поступка, тотъ едва ли былъ бы способенъ на самопожертваніе»—такъ говоритъ Тургеневъ.

Посмотримъ, на примѣръ, такъ ли это. Можетъ быть, Иванъ Сусанинъ и Антигона не обладали такими качествами и все-таки совершили геройскіе подвиги? Если бы Иванъ Сусанинъ не обладалъ здравымъ умомъ, онъ не сообразилъ бы, какая опасность грозитъ Россіи отъ поляковъ со смертью царя, онъ не догадался бы распорядиться такимъ образомъ, чтобы все устроилось хорошо. Если бы онъ не питалъ глубокаго чувства къ отечеству, онъ предпочелъ бы свое спокойствіе и счастье его спасенію и уже никакъ не сталъ бы жертвовать жизнью. Если бы онъ не обладалъ твердою волею, то не рѣшился бы на такое дѣло и не исполнилъ бы его, такъ какъ его начали бы обуевать всевозможныя колебанія и сомнѣнія. Итакъ, для совершенія такого подвига, каковъ подвигъ Сусанина, необходимо было обладать здравымъ умомъ, глубокимъ чувствомъ и сильною волею. Далѣе, еслибы Антигона стала холодно взвѣшивать всѣ возможные слѣдствія своего поступка, то развѣ ей умъ позволилъ бы ей совершить дѣло, ведущее за собою смерть? Затѣмъ, еслибы она не любила такъ сильно своего брата, то неизвѣстно, рѣшилась ли бы она итти противъ воли царя. Между тѣмъ сила ея любви такова, что она утѣшаетъ себя слѣдующею мыслію: «Я лягу въ могилу съ милымъ братомъ, какъ милая ему сестра». Твердость воли Антигоны доказывается тою настойчивостью, съ которою она стремится

къ осуществленію своего плана. Довольно основательныя возраженія Исмены только раздражаютъ ее, а не отклоняютъ отъ принятаго намѣренія. Смерть за погребеніе брата она считаетъ даже пріятною. Она не удовольствовалась однимъ формальнымъ исполненіемъ обряда, но несмотря на бурю и ураганъ, пришла удостовѣриться, не уничтожилъ ли кто ея работы, и снова на глазахъ у стражи исполняетъ всѣ погребальные обряды. Она нашла даже въ себѣ достаточно твердости и умѣнья отстаивать передъ Креонтомъ свое завѣтное убѣжденіе, зная, что ее ожидаетъ въ скоромъ времени смерть. Сколько бы примѣровъ мы ни приводили, всегда мы замѣчаемъ одно, что героическіе подвиги совершаются людьми, одеренными глубокимъ чувствомъ и твердою волею, и что безъ этихъ качествъ они не могли бы совершить ихъ. И съ полнымъ правомъ мы можемъ сказать, что только такіе люди могутъ совершать героическіе подвиги.

Герой, какъ человѣкъ, побуждающій другихъ людей къ различнаго рода поступкамъ, также долженъ обладать болѣе развитыми духовными качествами, которыя выдѣляли бы его среди людей и возвышали бы надъ ними. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы пріобрѣсти власть надъ толпой необходимо своимъ умомъ поработить ея умы, свои чувства передать ей и ея волю подчинить своей. Такъ, Мартинъ Лютеръ, герой—пастырь, обладалъ такими качествами.

Въ заключеніе скажемъ, что героизмъ, какъ самопожертвованіе, встрѣчается и въ обыденной жизни. Часто одинъ человѣкъ жертвуетъ своимъ спокойствіемъ ради другого, желая оказать тому какую-нибудь услугу. И такой героизмъ заслуживаетъ, конечно, вниманія.

Рошаль.

**№ 39. „Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудеть,
Въ могилѣ буду я, но буду говорить“.**

(Державинъ).

(См. соч. 35 и 38).

№ 40. Слово, какъ высшій даръ человѣка.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Преимущество человѣка передъ другими существами, благодаря способности слова.

Изложеніе.

Значеніе слова:

А. Достоинство человѣческой рѣчи:

- а) богатство звуковъ,
- б) ихъ членораздѣльность,
- в) разнообразное сочетаніе ихъ,
- г) символическій характеръ,
- д) гибкость и музыкальность.

Б. Примѣненіе слова:

- а) какъ посредника въ человѣческомъ обществѣ,
- б) какъ фактора умственнаго и нравственнаго развитія людей,
- в) какъ средства для художественнаго воплощенія идеаловъ и возвышенныхъ стремленій.

Заключеніе.

Тѣсная связь слова съ мыслью, какъ создателей человѣческой культуры.

Въ ряду многихъ живыхъ существъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ іерархической лѣстницы стоитъ существо, одаренное способностью слова, стоитъ человѣкъ. И эта его способность живой рѣчи, способность излагать и передавать свои мысли и чувства сразу отграничиваетъ человѣка рѣзкой чертой отъ всѣхъ другихъ представителей высшаго животнаго міра. Съ тѣхъ поръ, какъ человечество получило даръ слова, съ тѣхъ поръ, какъ полилась живая человѣческая рѣчь, вначалѣ въ видѣ неуловимыхъ, едва членораздѣльныхъ звуковъ, съ тѣхъ поръ началась общественная жизнь людей. Мы знаемъ, что общественная жизнь существуетъ среди нѣкоторыхъ высшихъ представителей животнаго царства и даже насѣкомыхъ, но у нихъ мы сталкиваемся съ бессознательнымъ органическимъ жизненнымъ процессомъ, у людей же общественная жизнь, которой человечество обязано своей культурой и образованностью, носятъ на себѣ яркій отпечатокъ сознанія, который и проникаетъ всю ее цѣлкомъ. Сознаніе, которое является, такимъ образомъ, необходимымъ элементомъ человѣческой жизни, мыслимо лишь при существованіи слова, при условіи совмѣстнаго выясненія людьми своихъ общихъ нуждъ и интересовъ, на почвѣ удовлетворенія которыхъ построена ихъ совмѣстная общественная жизнь. Такимъ образомъ, при самомъ изученіи человѣческой жизни въ ея генетическомъ развитіи мы наталкиваемся на огромное преимущество людей передъ другими зоологическими типами, преимущество, пріобрѣтенное благодаря способности слова.

Но раньше чѣмъ перейти къ выясненію всего значенія слова въ исторіи развитія человѣчества, мы должны остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ особенностей и характеристическихъ чертъ слова, которыя сыграли особую роль въ данномъ развитіи, на положительныхъ свойствахъ этой способности человѣка. Слова состояются изъ отдѣльныхъ звуковъ, а ихъ имѣется такое множество, что они съ успѣхомъ могутъ быть примѣнены для составленія разнообразнѣйшихъ словъ съ цѣлью передать самые тонкіе едва уловимые оттѣнки человѣческой мысли и настроеній. Но кромѣ количества звуковъ большое значеніе имѣетъ также ихъ членораздѣльность, такъ какъ это только гарантируетъ возможность воспріятія другимъ лицомъ мыслей, вложенныхъ въ слова, произносимые даннымъ человѣкомъ. Членораздѣльность является, такимъ образомъ, вторымъ важнымъ достоинствомъ слова; далѣе идетъ возможность разнообразнаго сочетанія звуковъ для передачи разнообразнѣйшихъ мыслей. Мысли и чувства людей, въ особенности на высокомъ уровнѣ культурнаго развитія, до такой степени разнообразны и многосторонни, что нѣтъ возможности свести ихъ къ какому-нибудь одному опредѣленному шаблону; необходимо безчисленное множество формъ и видовъ для ихъ воплощенія, и эту огромную и сложную работу съ успѣхомъ выполняетъ слово. Оно является крайне эластичнымъ и гибкимъ и можетъ воплощать въ себѣ тончайшіе оттѣнки, самые сложные нюансы и изгибы человѣческой души въ ихъ безконечно различномъ сочетаніи. Здѣсь слову приходится на помощь его способность символизировать звуки и комбинаціи звуковъ, которые, будучи проникнуты символическимъ содержаніемъ, способны отражать физически неотражаемое, способны освѣщать сознаніе при помощи слова особымъ символическихъ свѣтомъ.

Охарактеризовавъ въ немногихъ словахъ главнѣйшія отличительныя черты слова, мы можемъ перейти къ непосредственному выясненію значенія слова въ его реальномъ жизненномъ значеніи. Общественная жизнь людей, какъ мы уже раньше говорили, была бы невысказима безъ способности человѣка полно и свободно передавать свои мысли и желанія. Совмѣстная работа, всякаго рода общественная дѣятельность, даже въ самыхъ элементарныхъ ея формахъ была бы невозможна безъ участія слова, какъ средства согласовать, координировать работу, вести ее по опредѣленному плану, въ опредѣленныхъ рамкахъ. Въ общественной и даже семейной жизни большую роль играетъ помощь одного человѣка другому въ томъ или другомъ дѣлѣ, эту помощь было бы невозможно организовать и правильно ею пользоваться, не будь слова, которое даетъ возможность дѣлиться мыслями и намѣреніями съ другими людьми. Но помимо такой часто практической пользы отъ общенія

съ людьми, это общеніе имѣетъ другое не столь практическое, но однако, не менѣе важное значеніе, какъ духовно объединяющее начало между людьми. Умственное и нравственное развитіе человѣчества всегда протекало подъ флагомъ общности, пріобрѣтенія, которыя сдѣланы человѣкомъ въ области умственнаго и нравственнаго прогресса, обязаны своимъ возникновеніемъ исключительно тому проникающему началу общности, которое характеризуетъ человѣчество въ цѣломъ. Поступательное шествіе впередъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи имѣетъ своимъ главнымъ и необходимымъ условіемъ объединеніе людей, каковое возможно только путемъ слова; не будь слова, не было бы и объединенія, не было бы тѣхъ великихъ культурныхъ пріобрѣтеній, которыми мы пользуемся. Лишь путемъ слова можно выразить мысли и чувства, волнующія общество, лишь путемъ слова, искренняго и горячаго можно пробудить въ одномъ человѣкѣ или въ цѣлой аудиторіи благородные порывы, высшія стремленія.

Въ области искусства значеніе слова также чрезвычайно велико. Поэзія, являясь однимъ изъ главнѣйшихъ видовъ искусства, имѣетъ своимъ матеріаломъ для производства художественныхъ образовъ исключительно слово, подобно тому какъ живопись пользуется красками а скульптура мраморомъ или глиной. Мы знаемъ, до какой степени поэзія—искусство слова выполняетъ свою роль проводника въ общество людей художественныхъ и чисто жизненныхъ идеаловъ, мы знаемъ, какъ возвышенны, какъ обширны эти идеалы, какимъ благороднымъ и одухотвореннымъ содержаніемъ они наполнены, и приходится сказать, что главнѣйшая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ слову, тому единственному матеріалу, изъ котораго поэзія лѣпитъ свои чудные образы и одухотворяетъ ихъ своей чудной силой.

Между мыслью человѣческой и словомъ существуетъ непрерывная и органическая связь, каковая существуетъ между содержаніемъ и формой. Мысль воплощается въ словѣ и тогда только она отдѣляется отъ ума, ее породившаго, и можетъ стать всеобщимъ достояніемъ. Въ слова для мысли нѣтъ другого пути вырваться наружу и произвести свою надлежащую работу, но путь слова существуетъ и притомъ онъ наиболѣе приспособленъ быть проводникомъ индивидуальной мысли въ человѣчество. При помощи мысли и слова человѣчество поднялось на такую грандіозную высоту, при помощи ихъ оно сдѣлало такія огромныя завоеванія въ области техники, искусства и морали. Мысль и слово содѣйствуютъ дальнѣйшему ея процвѣтанію, измѣняясь и вырастая вмѣстѣ съ нею до величайшихъ предѣловъ.

3. *Нелидовъ.*

№ 41. Даръ слова—даръ Божій.

(См. соч. № 40).

№ 42. Языкъ мой—врагъ мой.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Смыслъ данной пословицы.

Изложение.

Языкъ мой—врагъ мой.

Вредъ, приносимый языкомъ:

- 1) Разнузданность и болтливость.
- 2) Неловкое положеніе.
- 3) Потеря довѣрія изъ-за болтовни.
- 4) Клевета, предательство и злословіе.

Заключеніе.

Польза, приносимая языкомъ, и необходимость въ рѣчи.

Среди даровъ, получаемыхъ человѣкомъ отъ природы, даръ слова занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Этотъ даръ, при помощи котораго мы можемъ передавать другому то, что мы думаемъ и мыслимъ, обмѣниваться съ другими знаніями и различными свѣдѣніями, имѣеть громадное значеніе въ нашей жизни. Если мы вспомнимъ, какъ трудно приходится человѣку, попадающему среди людей, не понимающихъ его языка, гдѣ онъ тоже въ положеніи нѣмого, для насъ станетъ ясно, насколько дорогимъ и цѣннымъ является этотъ даръ. Но даръ слова, какъ и всякій душевный или тѣлесный даръ, можетъ быть употребленъ на пользу или вредъ себѣ и другимъ. Дарованія становятся вредоносными всякій разъ, когда человѣкъ уклоняется отъ своей цѣли и употребляетъ свои средства не по назначенію. Пословица „языкъ мой—врагъ мой“, возникшая еще съ давнихъ поръ, образовалась въ народѣ изъ наблюденій надъ жизнью. Смыслъ ея тотъ, что языкъ человѣка, т. е. его способность говорить, можетъ ему во многихъ случаяхъ причинить вредъ.

Злоупотребленія языкомъ имѣють всегда, какъ увидимъ ниже, очень дурныя послѣдствія. Всегда легче и чаще человѣкъ злоупотребляетъ языкомъ, т. е. словомъ. Первымъ видомъ такого злоупотребленія словомъ является болтливость. Болтливость не есть продуктъ злой воли или желанія повредить другому, а является свойствомъ людей легкомы-

сленныхъ, совершенно не задумывающихся надъ своими словами и поступками, дѣлающихъ все, не считаясь съ результатами того или иного шага; такіе люди, чаще всего безъ всякаго злого умысла, говорятъ слишкомъ много, говорятъ то, о чемъ не слѣдовало бы говорить, а затѣмъ очень часто жалѣють о сказанномъ, но такъ какъ „слово, что воробей: упустишь и не поймашь“, то дѣлу помочь бываетъ очень трудно. Такая болтливость людей легкомысленныхъ имѣеть почти всегда дурныя послѣдствія: она приноситъ вредъ, какъ самому болтливому, такъ и другимъ. Но себѣ онъ обыкновенно приноситъ большій вредъ: себя самого и другихъ онъ ставитъ въ очень неловкое положеніе, въ затрудненія, изъ которыхъ не легко бываетъ выйти. Болтливый человѣкъ никогда не пользуется ни довѣріемъ, ни уваженіемъ другихъ, какъ человѣкъ, на скромность коего нельзя положиться.

Другой видъ злоупотребленія словомъ является клевета, злословіе, предательство, которое выдаетъ чужія тайны по расчету, намѣренно. Клеветать на другого съ цѣлью причинить другому вредъ широко практиковалось еще при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, когда бояре по наговору опричниковъ казнили и ссылались, а опричники пользовались ихъ имуществомъ. Даже при Петрѣ Великомъ была учреждена особая должность фискаловъ, на обязанности которыхъ лежало доносить о поведеніи гражданъ, чѣмъ фискалы въ высшей степени злоупотребляли. Предательство всегда руководится низкими страстями. Пользоваться своимъ положеніемъ во зло другому могутъ люди или мало развитые, не отдающіе себѣ яснаго отчета во вредъ, причиняемомъ ими, или же стоящіе на низкихъ ступеняхъ нравственнаго развитія, для которыхъ личные и матеріальные интересы стоятъ выше всего. На ряду съ предательствомъ стоитъ также и клевета и злословіе. Клеветать или злословить, т. е. давать на человѣка ложныя показанія, приписывать ему несуществующіе у него пороки и преступленія, однимъ словомъ,—стараться очернить и втоптать въ грязь кого бы то ни было ради личныхъ интересовъ широко распространено въ обществѣ и въ настоящее время. Конечно, ими пользуются только люди низкіе, мелочные и неспособные, которые добиваясь, напримѣръ, повышенія на службѣ, стараются сбросить лицъ, стоящихъ имъ на дорогѣ, съ такими честными средствами, какъ клевета и злословіе, наговоры на другого. Клеветникъ изобрѣтаетъ вины и преступленія, взводя ихъ на ближняго, дабы лишить его чести и уваженія, самыхъ дорогихъ для человѣка сокровищъ. Часто клевета удается, но всегда она обнаруживается, и клеветникъ причиняетъ себѣ неустрашимый вредъ, такъ какъ на него накладывается печать общественнаго презрѣнія. За клеветой слѣдуетъ злословіе, которое вслѣдствіе людской

болтливости и разнузданности, будет всегда существовать въ обществѣ. Никакой разговоръ такъ успѣшно не поддерживается, какъ сплетни, между тѣмъ эта невинная по внѣшности болтовня влечетъ за собой серьезные послѣдствія, портя иногда репутацію достойнаго человѣка. Такимъ образомъ мы видимъ, какой громадный вредъ можетъ принести высшій даръ природы человѣку—даръ слова, при злоупотребленіи имъ.

Зато какую громадную пользу приноситъ живое, честное слово. Какое это сильное и могущественное оружіе въ рукахъ умѣющаго имъ владѣть и пользоваться. Вспомнимъ, какъ благодаря слову силою своихъ убѣдительныхъ доводовъ проповѣдники увлекли за собой въ христіанство толпы людей; вспомнимъ, какое магическое вліяніе имѣетъ словоброшенное, какъ искра, въ наэлектризованную толпу, и на какіе подвиги способна такая толпа, возбужденная сильно и красиво произнесенной рѣчью. Сколько невинно привлеченныхъ къ суду удалось вырвать изъ рукъ палачей только благодаря слову, сколько полезнѣйшихъ и необходимѣйшихъ знаній распространяется въ широкихъ народныхъ массахъ путемъ популярныхъ лекцій, чтеній и т. д. Велика и могущественна сила слова—она способна холодную, равнодушную толпу заставить пойти на самые трудные и опасные подвиги, способна увлечь человѣка на самое рискованное дѣло—она творитъ чудеса. Все это возможно, конечно, при условіи разумнаго пользованія этой крупнѣйшей силой.

Изъ всего вышесказаннаго мы видимъ, сколько пользы и вреда могутъ принести слова человѣка, а потому, сознавая всю важность значенія нашей рѣчи, мы должны всегда зрѣло обдумывать свои слова и всесторонне обсуждать высказываемыя нами мысли, и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не увѣрены въ своихъ знаніяхъ или опытности, лучше промолчать, слѣдуя пословицѣ „молчаніе золото, а слово—серебро“, потому что сказаннаго вернуть назадъ уже нельзя.

Рошаль.

№ 43. „Языкъ есть благодѣтельныйшій духъ природы“.

(См. соч. № 40 и 42).

№ 44. „Языкъ—зеркало нравовъ.“

Шишковъ.

(См. соч. № 40 и 42).

№ 45. Слово не воробей: вылетитъ—не поймаешь.

(См. соч. № 40 и 42).

№ 46. Слово серебро, а молчаніе золото.

(См. соч. № 40 и 42).

№ 47. Злословіе—откровенность злыхъ людей.

Клопштокъ.

(См. соч. № 40 и 42).

№ 48. Мать всякаго подвига есть мысль.

Всякому, конечно, извѣстно, что существуетъ два дара природы человѣку, которые ставятъ его во главѣ всѣхъ живыхъ существъ міра: мысль и слово. Животныя вовсе безсловесны, мысль же, если она и проявляется у наиболѣе развитыхъ экземпляровъ животнаго царства, то она крайне первобытна. Человѣкъ же, благодаря способности мыслить, явился царемъ земнаго міра, „вѣнцомъ созданія“. Животное не руководствуется въ своихъ поступкахъ мыслью, оно не размышляетъ предъ дѣйствіемъ, оно поступаетъ лишь такъ, какъ ему подскажетъ инстинктъ. Истинно же человѣческимъ поступкамъ, тѣмъ болѣе подвигамъ, предшествуетъ мысль. Говоря: истинно-человѣческіе поступки, нужно имѣть въ виду, что человѣкъ иногда опускается до животнаго, т. е., что его поступки подчасъ могутъ быть и не истинно-человѣческими. Ясно, напримѣръ, что человѣкъ, который въ пылу спора станетъ оставлять свою мысль кулаками или въ запальчивости поднимать на кого либо руку—опускается до животнаго—и только потому, что онъ, ослѣпленный минутной вспышкой гнѣва, теряетъ способность мыслить и начинаетъ дѣйствовать такъ, какъ въ этомъ случаѣ дѣйствовало бы животное. Въ нормальномъ же состояніи, человѣкъ всегда долженъ стремиться къ тому, чтобы всякому его поступку предшествовало размышленіе, мысль. Къ сожалѣнію, это слишкомъ непомѣрное требованіе отъ обыкновеннаго человѣка: люди всегда предпочитаютъ меньше думать, потому-то такъ часто приходится имъ раскаиваться, что они поступили въ томъ или другомъ случаѣ опрометчиво, т. е. не подумавши. Въ особенности подвигъ требуетъ, чтобы ему предшествовала мысль. Подвиги могутъ быть чрезвычайно разнообразны и могутъ имѣть мѣсто во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Ученый мыслитель, обогащающій

науку своими изслѣдованіями, совершаетъ подвигъ, которому предшествуетъ долгая умственная работа; полководецъ, блестяще выигрывающій сраженіе, тоже совершаетъ подвигъ, которому также предшествуетъ составленіе плана кампаніи или битвы, т. е. опять таки предшествуетъ мысль. Такимъ образомъ, всякій подвигъ требуетъ предварительнаго размышленія, и чѣмъ выше и сильнѣе мысль, которая легла въ основу подвига, тѣмъ выше и благороднѣе подвигъ. Человѣка нельзя заставить силою думать иначе, нельзя заставить его имѣть ту или другую мысль—вотъ причина тому, что въ исторіи такъ часто встрѣчаются люди, умиравшіе за ту или другую идею, которою они не хотѣли поступиться; ихъ убивали, сжигали, но не могли заставить думать иначе, чѣмъ они думали: ихъ мысль была слишкомъ сильна и висока для нихъ—вотъ почему и самая смерть ихъ была высокимъ подвигомъ.

П. Л.

№ 49. Грѣшно бояться мысли и не довѣрять ей.

(См. соч. № 48).

№ 50. Различіе человѣческихъ идеаловъ.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Что называется идеаломъ?

Изложеніе.

Виды идеаловъ.

- 1) По развитію ихъ творцовъ:
 - а) индивидуальныя;
 - б) общественныя;
 - в) народныя.
- 2) По объему, захватываемому художественнымъ воплощеніемъ:
 - а) частныя и
 - б) общія.

Заключеніе.

Идеаломъ называется совершенный образъ, созданный философскою мыслью или поэтической фантазіей, къ достиженію котораго стремится

отдѣльная личность или извѣстная культурная группа: на примѣръ, интеллигенція даннаго народа или даже весь народъ. Въ этомъ отношеніи идеалы могутъ быть индивидуальныя, общественныя и общенародныя. Такъ, народы древней Греціи въ эпоху героическаго быта воплотили свой идеалъ воина и мужа въ образѣ Ахилла; русское общество въ удѣльный періодъ видѣло воплощеніе всѣхъ необходимыхъ православному человѣку чертъ въ младшемъ богатырѣ Кіевского цикла—Ильѣ Муромцѣ; коллективная фантазія поэтовъ, вышедшихъ изъ среды средневѣковаго рыцарства, создала привлекательный образъ племянника Карла Великаго—молодого безумно-храбраго Роланда. Это все идеалы общенародныя или по крайней мѣрѣ идеалы многочисленныхъ общественныхъ группъ; создаются они въ тайникахъ народнаго творчества. Но бываетъ и такъ, что опредѣленный образъ принадлежитъ перу, кисти отдѣльной личности—художника или политическаго дѣятеля, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ образѣ собраны нравственныя черты, которыя признаны желательными цѣлымъ классомъ, а иногда и всѣмъ народомъ. Приведемъ подтверждающіе нашу мысль примѣры. Владимиръ Мономахъ изобразилъ намъ въ своемъ знаменитомъ „поученіи“ типъ идеальнаго князя, какимъ онъ представлялся автору, но можно, не рискуя ошибиться, сказать, что этотъ образъ былъ въ то же время собраніемъ чертъ, желательныхъ въ князѣ, для всего русскаго общества. Образъ же князя, созданный могучей фантазіей неизвѣстнаго намъ пѣвца „Слова о полку Игоревѣ“, носитъ въ большей степени отраженіе идеаловъ извѣстной группы—въ данномъ случаѣ княжеской дружины. Наконецъ, типы, созданные новыми писателями, въ большинствѣ случаевъ, если они только являются типами идеальными, суть порожденіе индивидуальныхъ настроеній автора, его подчасъ очень своеобразнаго представленія о красотѣ, добрѣ и злѣ. Героиня Пушкинскаго романа: „Евгеній Онѣгинъ“—Татьяна является общественнымъ типомъ, т. е. типомъ, въ которомъ воплотились основныя черты духовной организаціи современнаго ей русскаго дворянскаго общества, но, какъ изображеніе идеальное, она должна быть разсматриваема только съ точки зрѣнія требованій, какія предъявлялъ Пушкинъ къ человѣку вообще и къ женщинѣ въ частности; можетъ статься, что и мы, читатели, присоединимся ко взгляду автора на Татьяну, какъ на идеальную женщину, но это не помѣшаетъ намъ признать этотъ идеалъ идеаломъ индивидуальнымъ, соответствующимъ духовнымъ запросамъ опредѣленной выдающейся личности. Иногда критикъ, да и обыкновенный, рядовой читатель можетъ не соглашаться съ мнѣніемъ автора, создавшимъ тотъ или другой художественный типъ, именно потому, что оцѣнка нравственныхъ свойствъ этого типа явля-

ется здѣсь дѣломъ личныхъ вкусовъ и взглядовъ на мѣръ, общество и человѣка, а не результатомъ коллективнаго пониманія, не проявленіемъ группового или даже національнаго чувства. Штольца, напримѣръ, авторъ „Обломова“ считалъ типомъ идеальнымъ, а вотъ Добролюбовъ, современникъ Гончарова, назвалъ этого самого Штольца „типичнѣйшимъ филистеромъ“.

По объему, захватываемому извѣстнымъ художественнымъ воплощеніемъ, идеалы могутъ быть частные и общіе. Идеаль, изображенный Владимиромъ Мономахомъ въ его „Почуеніи“, есть идеаль человѣка вообще; напротивъ, герой автора „Слова о полку Игоревѣ“ является прежде всего идеаломъ князя-патріота.

Пушкинскій старикъ-цыганъ выведенъ поэтомъ, какъ идеаль истиннаго мудреца, ограничившаго свои интересы простыми явленіями повседневной жизни, сохраняющаго способность разсуждать даже и тогда, когда въ сердцахъ большинства людей говорятъ одни порывы и страсти, но идеаль Гете, воплощенный въ образѣ доктора Фауста, конечно, несравненно шире: передъ нами человѣкъ, которому, дѣйствительно ничто истинно-человѣческое не чуждо: стремленіе проникнуть въ тайны природы и человѣческой души, испытать всѣ глубокія чувства, когда либо волновавшія человѣческое сердце, наконецъ, стремленіе пересоздать окружающее въ духѣ опредѣленнаго культурнаго идеала (во II-й части драматической поэмы Гете) дѣлаетъ Фауста идеаломъ все-человѣка.

А. Гусевъ.

№ 51. Значеніе идеала въ жизни человѣка.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Значеніе образцовъ въ духовной жизни человѣка.

Изложеніе.

Что даютъ намъ идеалы?

- 1) Освобождаютъ отъ колебаній при выборѣ жизненнаго поприща;
- 2) даютъ мужество бороться съ препятствіями;
- 3) составляютъ начало, объединяющее отдѣльныя стремленія человѣка;
- 4) помогаютъ переносить бѣдствія;
- 5) являются источникомъ высокихъ радостей.

Заключеніе.

Значеніе религіи, науки, философіи и поэзіи для выработки идеаловъ.

Дитя, складывающееся изъ игрушечныхъ кирпичиковъ домъ, строитъ его или по крайней мѣрѣ старается строить по образу и подобию того дома, въ которомъ живетъ оно съ родителями, братьями и сестрами. Сынокъ моряка особенно охотно изображаетъ въ играхъ со своими сверстниками путешествіе по морю, ночную бурю, крушеніе корабля и спасенье на лодкахъ. Такъ подражаетъ ребенокъ тому, что видитъ и слышитъ, что воспринимаетъ изъ разсказовъ старшихъ. Но идеаль есть образъ, которому и дѣти и взрослые слѣдуютъ уже сознательно: они выбираютъ изъ тысячи извѣстныхъ имъ образовъ одинъ, который и становится ихъ путеводною звѣздой.

Какое значеніе имѣетъ идеаль въ жизни человѣка?

Раньше всего онъ освобождаетъ его отъ томительныхъ колебаній при выборѣ жизненнаго поприща: юноша прочелъ біографію великаго филантропа Э. П. Гааза и рѣшилъ отдаться изученію медицины, чтобы впоследствии, по мѣрѣ силъ, облегчать страданія своихъ ближнихъ; случайно набрелъ гимназистикъ на описаніе жизни Г. Шлимана, открывшаго міру древнюю Трою и „золотообильные“ Микены, и воспыалъ любовью къ прекрасной Греціи; съ особымъ вниманіемъ онъ будетъ съ этихъ поръ изучать ея исторію, ея литературу и современемъ переживетъ, можетъ быть, высокую радость человѣка, открывшаго нѣчто новое и важное въ избранной имъ области человѣческихъ знаній.

Идеаль, къ которому стремишься и который свѣтитъ тебѣ путеводною звѣздочкой, даетъ мужество бороться съ встрѣчающимися препятствіями; даетъ стойкость побѣждать всѣ соблазны, отвлекающіе тебя отъ высокой цѣли; даетъ единство отдѣльнымъ стремленіямъ, даетъ энергію въ движеніи впередъ. Человѣкъ, не имѣющій опредѣленныхъ идеаловъ, сегодня поступитъ подъ влияніемъ случайныхъ обстоятельствъ такъ, а завтра совершенно иначе: на него нельзя никогда положиться. Это корабль безъ руля, кормчій безъ компаса.

Высокій нравственный идеаль одухотворяетъ человѣка; послѣдній легко побѣждаетъ грубые инстинкты; близкимъ становится ему совѣтъ нѣмецкаго идеалиста Гердера: „будьте небомъ, а не землею“. Средневѣковые астрологи говорили: „если долго глядишь на звѣздное небо, оно отражается въ тебѣ“; мы можемъ, нѣсколько измѣнивъ это выраженіе, сказать, что „если долго стремишься къ достиженію высокаго идеала, этотъ идеаль отражается въ тебѣ самомъ“.

Вѣрность идеалу дѣлаетъ человѣка менѣе чувствительнымъ къ бѣдствіямъ жизни, „мы можемъ потерять лишь очень небольшое—заявили стойки,—потому, что главное и единственно-важное, нравственныя цѣнности, заключаются въ насъ самихъ“.

Велико значеніе идеаловъ въ жизни и безцѣннымъ благомъ должно быть признано все то, что даетъ намъ ихъ религія, философія, поэзія, исторія. О послѣдней (вѣрнѣе о ея способности вырабатывать идеалы) совершенно правильно сказалъ великій поэтъ¹⁾: „лучшее, что даетъ намъ исторія—это вдохновеніе“.

А. Гусевъ.

№ 52. Люди умираютъ—идеи живутъ.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Афоризмъ Писарева и его ошибочность.

Изложеніе.

- 1) Безсмертіе великихъ идей. Примѣры.
 - а) атомическая теорія;
 - б) ученіе въ обществѣ, какъ въ единственной сферѣ, въ которой можетъ развиваться духъ человѣка;
 - в) гипотеза о сохраненіи матеріи и энергіи;
 - г) мысль о миссіи народовъ;
 - д) взглядъ на значеніе въ поэзіи трагическаго начала.
 - е) развитіе положеній естественнаго права.
- 2) Значеніе для человѣка вѣры въ безсмертіе великихъ идей.

Примѣры преемственности поколѣній въ борьбѣ за осуществленіе идей:

- а) идея освобожденія негровъ;
- б) проповѣдь Джона Говарда.

Заключеніе.

Только благодаря тому, что идеи не умираютъ вмѣстѣ съ людьми, ихъ носителями, возможно сознаніе связи между отдѣльными поколѣніями, сознаніе единства всего человѣческаго рода.

Подъ портретомъ критика Писарева красуется его автографъ такого содержанія: „мысли и иллюзіи гибнутъ, факты остаются“, но такъ ли это въ дѣйствительности? Если подѣ фактами разумѣть людей, въ

¹⁾ Гете.

которыхъ единственно идеи и могутъ овеществляться, то мы придемъ какъ разъ къ противоположному выводу.

„Много ли дней въ жизни человѣка?“—спрашиваетъ извѣстный поэтъ и отвѣчаетъ со скорбнымъ чувствомъ, что жизнь наша—одинъ вздохъ, одно мгновеніе... Нѣкоторыя же идеи насчитываютъ за собой тысячелѣтія и переходятъ онѣ отъ одного поколѣнія къ другому, не какъ мертвая традиція, а постепенно развиваясь и обогащая своихъ сторонниковъ все новыми и новыми выводами. За великими идеями необходимо признать безсмертіе.

Атомическая теорія развивалась уже греческими мудрецами—отъ положеній Демокрита до формулировки ея въ современной физикѣ—прошли вѣка, тысячелѣтія... Признаніе общества единственной сферой, въ которой можетъ плодотворно развиваться духъ человѣка—мы встрѣчаемъ въ „Политикѣ“ Аристотеля, и съ тѣхъ поръ эта идея иллюстрировалась все новыми историческими фактами и, наконецъ, теперь легла въ основу социологіи и науки о государствѣ. Намеки на одно изъ самыхъ удивительныхъ обобщеній человѣческаго ума, именно на гипотезу о сохраненіи матеріи и энергіи, имѣются уже въ древнихъ египетскихъ и индусскихъ ученіяхъ; эпоха „Возрожденія искусствъ и наукъ“ обогатила эту гипотезу доводами Леонардо-де-Винчи, а новое время обставило ее строго-научнымъ аппаратомъ. Послѣ работъ Лавуазье, Майера ее можно считать окончательно установленной. Въ сочиненіяхъ греческихъ историковъ нерѣдко мелькаетъ предложеніе, что каждый народъ имѣетъ свою опредѣленную задачу; до нихъ, въ болѣе категорической формѣ, этотъ выводъ звучалъ въ устахъ еврейскихъ пророковъ; послѣ нихъ въ метафизическихъ построеніяхъ нѣмецкихъ мыслителей (особенно ярко у Шиллинга), наконецъ положеніе это легло, какъ извѣстно, въ основу ученія нашихъ славянофиловъ. Таково было развитіе, еще далеко не закончившееся идеи о миссіи народовъ.

Значеніе трагическаго начала въ поэзіи, какъ очищающаго человѣческую душу, указанное Аристотелемъ, и подчеркивалось черезъ много вѣковъ великимъ Кантомъ.

Зародышъ ученія о естественномъ правѣ мы находимъ у римскихъ юристовъ, умѣющихъ отличить *jus gentium* отъ *jus naturale*; затѣмъ ученіе это принимаетъ подѣ влияніемъ средневѣковой схоластики оттѣнокъ религіозный или мистическій; въ новое время оно нашло выраженіе въ работахъ голландца Гуго Гроція, англичанъ Гоббса и Локка, француза Жанъ Жака Руссо и, наконецъ, нашихъ соотечественниковъ, современниковъ императрицы Екатерины II—князя Щербатова и Радищева.

Такимъ образомъ, изучая исторію развитія философскихъ и научныхъ идей, убѣждаемся, что умираютъ только ихъ носители-люди, а сами идеи живутъ и развиваются.

Вѣра въ безсмертіе великихъ идей вдохновляетъ человѣка—борца за извѣстный культурный идеалъ. Знать, что дѣло, которое ты отстаивалъ, не погибнетъ вмѣстѣ съ тобою, что у тебя найдутся преемники—великое утѣшеніе. Изъ дрожащихъ рукъ умирающаго вождя знамя переходитъ въ руки молодыя, крѣпкія, его замѣстителя. Ни одинъ благородный поступокъ не пропадаетъ даромъ, и въ нравственномъ мірѣ, какъ и въ мірѣ физическомъ, можетъ быть установленъ законъ о вѣчномъ сохраненіи энергіи. Сторонники освобожденія негровъ бесплодно боролись съ представителями интересовъ крупныхъ американскихъ фермеровъ въ XVI-мъ вѣкѣ; европейскія государства (въ особенности Испанія и Англія) поддерживали послѣднихъ, но идея о признаніи всѣхъ людей, какова бы ни была окраска ихъ кожи, свободными по самой природѣ своей, не замирала: она привлекала въ ряды своихъ приверженцевъ все новыхъ мечтателей, которые, наконецъ, побѣдили противниковъ и, въ настоящее время никто не рѣшается громко заявить себя человѣкомъ, отстаивающимъ рабство. Джонъ Говардъ проповѣдывалъ необходимость гуманнаго обращенія съ заключенными въ тюрьмахъ; послѣ смерти Говарда нашлось много продолжателей его дѣла. Нѣтъ, видно, только люди умираютъ, идеи же ихъ живутъ и развиваются.

Только благодаря тому, что идеи не умираютъ вмѣстѣ съ людьми, ихъ носителями, возможно сознаніе связи между отдѣльными поколѣніями, сознаніе единства всего человѣческаго рода. Представители народа могутъ сказать другъ о другѣ:

Тѣ же знанья намъ умъ просвѣщали,
Тѣ же радости, тѣ же печали,
И одни намъ даны испытанья
И о благѣ всеобщемъ мечтанья...

№ 53. „Мысли и иллюзіи гибнутъ, факты остаются“.

(См. соч. № 52).

№ 54. Значеніе для человѣка вѣры въ безсмертіе великихъ идей.

(См. соч. № 52).

№ 55. Значеніе религіи въ жизни человѣка.

Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды.
Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ!
Майковъ.

Безъ Бога ни до порога.
(Пословица).

Какъ бы далеко мы ни углубились въ сѣдую древность, неоспоримымъ остается фактъ всеобщности религіи въ человѣческомъ родѣ: религія существуетъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. И раньше, и теперь можно встрѣтить племена и даже народы, не поднявшіеся выше первой ступени культуры, племена безъ прихотливыхъ жилищъ, безъ намека на просвѣщеніе, но не было и нѣтъ народа безъ святилищъ, народа, не знающаго какихъ либо молитвъ, заклинаній, не имѣющаго своего бога. Очевидно уже по одному этому факту, что явленіе столь поразительное и столь устойчивое—не можетъ не играть выдающейся роли въ жизни каждого человѣка, и подтвердить это чрезвычайно легко. Несмотря на то, что человѣкъ именуется себя царемъ природы, несмотря на ту массу знаній, которыми онъ обладаетъ и несмотря на то огромное разстояніе, которое отдѣляетъ культурнаго человѣка нашего времени отъ первобытнаго дикаря—милліоны вещей и явленій остаются для человѣка загадками, и въ этихъ загадкахъ онъ всегда видѣлъ и видитъ Бога, въ нихъ—основаніе религіи, отъ нихъ она беретъ свое начало и съ теченіемъ времени совершенствуется, облагораживается, возвышается. Не можетъ быть никакого сравненія между первобытными вѣрованіями дикаря и нашей высокой вѣрой въ единаго Бога, Который есть любовь и милость. Религія христіанская возвышаетъ человѣка, заставляетъ его отрываться отъ грѣшной земли и стремиться къ самоусовершенствованію. Наша религія настолько совершенна, ученіе ея столь высоко—что не можетъ не дѣйствовать благотворно на душу человѣка. Всѣ наши знанія, весь нашъ опытъ—были бы мертвы безъ живыхъ истинъ религіи. И человѣкъ сознаетъ это—и ищетъ въ религіи спасенія, ибо истины религіи святы и не выдерживаютъ сравненія съ большинствомъ мотивовъ людской дѣятельности. Религія наша—это надежда на лучшій міръ—и въ этомъ ея большое значеніе. Удрученный горемъ, истерзаный неудачами, извѣрившійся во всемъ окружающемъ—человѣкъ съ вѣрою и молитвою припадаетъ къ подножію престола Того, Кто обѣщаль всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ—успокоеніе и облегченіе. Пословицы говорятъ: „кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился“ и „громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится“—и онъ звучатъ глубокою правдою, ибо въ жизни каждого человѣка иногда разыгрываются

такія бури, жизненный громъ такъ грозно гремитъ иногда надъ его головою, такъ рушится кругомъ него все, что онъ, въ ослабленіи своемъ, считалъ непоколебимымъ—что ему негдѣ искать спасенія, утѣшенія и поддержки и не вырвутся въ такую минуту у него изъ устъ гордыя слова „безумца“—„нѣсть Богъ“.

П. Л.

№ 56. Образовательное значеніе Евангалія.

Воспитанные и преображенные Евангелиемъ, мы теперь привыкли къ его человѣческому духу и каждый день повторяемъ молитву Спасителя, часто и не останавливаясь на томъ, какая величественная идея заключается въ ея простыхъ начальныхъ словахъ: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“. Необъятный смыслъ ихъ, во всей своей глубинѣ, постигается полнѣе всего исторически. Посреди величайшаго неравенства, какое когда-либо видѣлъ міръ, и вопіюшихъ несправедливостей общественныхъ, представляемыхъ римскимъ государствомъ, въ нихъ высказывался новый идеалъ человѣчества, радикально противоположный античнымъ понятіямъ и чувствамъ. Всѣ люди—братья, дѣти одного Отца небеснаго, любящаго ихъ безконечно... Языческая древность, съ сорока вѣками своего развитія, не въ силахъ была подняться до высоты такого представленія; наше время со всѣми успѣхами своего гордаго образованія не могло создать ничего совершеннѣе,—нужно думать, что и самое далекое будущее не превзойдетъ его никогда.

Итакъ, „ученіе любви“, мало-по-малу измѣнившее весь строй и смыслъ человѣческой жизни, вотъ первая и главная образовательная заслуга христіанства въ исторіи,—и самый смѣлый рационализмъ всегда долженъ будетъ преклониться и пасть предъ ней въ прахъ.

Затѣмъ, что поражаетъ исторически изучающаго Евангеліе, — это высокая „духовность“, разлитая во всемъ этомъ твореніи.

Проповѣдую важность однихъ духовныхъ интересовъ — истины, справедливости и добра, призывая къ смиренію, самоотверженію и нравственной чистотѣ, ученіе христіанское и въ этомъ смыслѣ явилось рѣзкимъ протестомъ противъ страшнаго разврата, матеріализма и чувственности, разлившихъ въ то время античный міръ.

Духовность эта высказывается въ проповѣди Спасителя въ трехъ главныхъ идеяхъ, такъ сказать, господствующихъ надъ всѣми частными случаями, по поводу которыхъ Божественный Учитель преподавалъ свое слово спасенія и жизни: въ идеѣ о господствѣ духа надъ всякими

формами,—въ ученіи о владычествѣ духовнаго начала надъ матеріальнымъ, и въ первенствующемъ значеніи, присвоенномъ жизни индивидуальной предъ дѣятельностью общественною и политическою.

Остановимся на каждой изъ этихъ особенностей Евангелія, такъ какъ ими преимущественно опредѣляется его противоположность всему духу языческой древности,

Чтобы оцѣнить историческое значеніе первой идеи, необходимо вспомнить, что господствующимъ характеромъ древней цивилизаціи, и особенно цивилизаціи классическихъ народовъ, была пластика, состоящая, какъ извѣстно, въ ограниченности, или правильнѣе—исчерпаемости, измѣримости духовнаго развитія извѣстными твердыми формами, его обнимаемыми. И хотя свойство это много способствовало необыкновенному изяществу и совершенству формъ античной жизни, — съ другой стороны, оно было одной изъ главнѣйшихъ причинъ медленнаго движенія древняго образованія окончившагося совершеннымъ застоємъ, когда, такъ сказать, изжился этотъ опредѣленный фондъ духовнаго содержанія, оставивъ по себѣ одиѣ блестящія, но пустыя формы. На исходѣ время до-христіанскихъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности человѣческой въ особенности поразительно стало это общее оскуднѣе духа,—и жизнь мало-по-малу, превратилась въ обрядъ, значеніе, душа котораго давно уже отлетѣла.

Чтобы возродить человѣка къ новой, неистощимой моральной жизни, надо было прежде всего внушить ему смѣлость, увѣренность въ собственномъ могуществѣ, въ неодолимыхъ силахъ его духа. И вотъ раздается голосъ Спасителя: „и если вѣру имѣете и не сомнѣваетесь, скажите горѣ этой,—пусть сдвинется и ввернется въ море,—и будетъ“. Никогда духъ человѣка не достигалъ еще такой изумительной высоты, какъ въ этихъ словахъ, никогда законная вѣра въ его господство надъ міромъ не выражалась тверже и абсолютнѣе. Все на землѣ, сама природа должна отнынѣ покорствоваться его царственной волѣ и мысли.

Далѣе, мы видимъ, какъ изъ той же идеи вытекаетъ постоянно стремленіе Евангелія освободить человѣка отъ всѣхъ формъ, символовъ и обрядовъ, нѣкогда стѣснявшихъ его развитіе, задерживавшихъ свободный полетъ его генія. Религія Спасителя есть самая ясная, самая доступная изъ всѣхъ религій. Полная искренности, простоты и правды, она сводитъ все благопочтаніе и всю мораль на голосъ сердца и совѣсти человѣка. Отсюда—это безпощадное посрамленіе фарисейской мудрости и фарисейскаго благочестія, основанныхъ единственно на внѣшнихъ формальностяхъ закона, какое мы встрѣчаемъ въ ней на каждомъ шагѣ. Съ этого времени уже не обрядъ, не буква будетъ имѣть

существенное значеніе, но духъ, мысль человѣка, въ какой бы формѣ она не явилась, — „ибо Сынъ человѣческой сдѣлалъ господиномъ субботы“. Съ этого времени открытъ будетъ путь къ безконечной усовершенности человѣчества, которое, не стѣсняясь болѣе никакими постоянными формами жизни, будетъ господствовать надъ ними, творить и разрушать ихъ по своему усмотрѣнію.

Ученіе евангельское о преобладаніи духа надъ чувственностью наводитъ насъ также на всеобъемлюшія историческія соображенія. Надо прослѣдить хоть бѣгло характеръ языческой древности во всѣхъ сферахъ жизни—индивидуальной, общественной, политической,—чтобы понять, какія перемѣны произведены въ нихъ проповѣдью Спасителя.

Что касается внутренней или душевной жизни древняго человѣка, то она уже потому носила въ себѣ сѣмена неизбѣжнаго матеріализма, что чувственность коренилась въ самомъ средоточіи и источникѣ этой жизни—въ религіозныхъ представленіяхъ. Вспомнимъ, что, если не брать въ расчетъ философскихъ и теософическихъ системъ древности, постоянно бывшихъ удѣломъ немногихъ высоко развитыхъ избранниковъ,—обыкновенныя народныя религіи древняго міра были религіями „натуральными“. На низшихъ ступеняхъ своего развитія онѣ ограничивались простымъ поклоненіемъ предметамъ вещественной природы—такъ называемымъ фетишамъ, а на высшихъ—обоготвореніемъ силъ ея въ различныхъ образахъ и символахъ. Но и тамъ и здѣсь — вездѣ мы видимъ природу, которая своею властью, своимъ могуществомъ, тяготѣетъ надъ свободнымъ сознаніемъ человѣка. Самымъ происхожденіемъ большая часть вѣровацій древнихъ обязана мѣстнымъ условіямъ тѣхъ странъ, гдѣ они жили. Такъ, египтянинъ обоготворялъ въ своихъ религіозныхъ представленіяхъ мѣстныя особенности своего края. Плодородную почву нильской долины обожествилъ онъ подъ именемъ благодѣтельной Изиды; Ниль, приносящій ей плодородіе, и солнце, съ періодическимъ теченіемъ котораго связаны его разлитія,—въ образѣ верховнаго Озириса, источника всякаго добра; а грозную сосѣднюю пустыню, наносившую смерть и разрушеніе,—въ лицѣ враждебнаго духа,—Тифона. И каково бы ни было дальнѣйшее отвлеченное развитіе, приданное вполнѣдствіи этимъ культамъ жрецами, нѣтъ сомнѣнія, что первоначально они имѣли лишь этотъ простой матеріальный смыслъ, а въ массахъ народа остались такими и до позднѣйшаго времени. Такъ точно поклоненіе двумъ верховнымъ божествамъ древне-иранскихъ народовъ Агура-Маздъ и Ангро-Майни, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ Ормузду и Ариману, развилось, какъ справедливо думаютъ, подъ значительнымъ вліяніемъ противоположности между гористымъ, свѣтлымъ, земледѣльческимъ Ира-

номъ и сосѣднимъ дикимъ, степнымъ Тураномъ, населеннымъ хищными кочевыми ордами. Самая вражда двухъ странъ этихъ отразилась, быть можетъ, и въ религіозныхъ представленіяхъ народовъ, ихъ населявшихъ,—въ идеѣ вѣчной борьбы между началомъ добра и началомъ зла, царствомъ свѣта и царствомъ тьмы. Первоначальныя религіозныя понятія греко-италійскихъ народовъ имѣютъ подобный же чувственный характеръ. Деметра, Гермесъ, Персефона, Гадесъ,—весь кругъ древнѣйшихъ пелазгическихъ культовъ Эллады, по мнѣнію К. О. Мюллера и Преллера, представлялъ именно рядъ хтоническихъ божествъ, или поклоненіе силамъ вещественной природы. Даже вполнѣдствіи, когда, со временъ Гомера, религія грековъ стала принимать болѣе опредѣленный антропоморфическій характеръ, главнымъ предметомъ обожествленія послужили все-таки свойства, силы и доблести самаго человѣка, т. е. опять природа физическая и нравственная доставила содержаніе для религіи.

Оттого всѣ божества языческаго міра имѣютъ слишкомъ частный интересъ. Они неразрывно связаны со своимъ мѣстомъ и племенемъ, или даже—съ отдѣльными сословіями и фамиліями, внѣ которыхъ не имѣютъ никакого смысла. Оставляя ли народъ свою родную стору, сами ли религіозныя представленія переходили на другую мѣстность,—тотчасъ же они теряли всякое живое значеніе. Разительный примѣръ представляетъ Римъ во время имперіи, куда въ то время стеклись всѣ религіи тогдашняго міра,—такъ что, по остроумному выраженію Петронія, въ городѣ оказалось болѣе боговъ, чѣмъ людей. Но безчисленные культы эти, перешедшіе сюда изъ всѣхъ областей и отъ всѣхъ предѣловъ государства, на новой, чуждой имъ мѣстности, естественно должны были утратить всю свою прежнюю силу. Поклоненіе Изидѣ на берегахъ Нила имѣло, конечно, своего рода смыслъ, но перенесенное въ Италію, гдѣ не было ни почвы нильской долины, ни періодическихъ разлитій рѣкъ,—оно оказалось бессодержательнымъ и превратилось въ одинъ пустой и голый обрядъ.

Отсюда—общая недолговѣчность древнихъ религіи и изумительно быстрое ихъ паденіе предъ возрастающими успѣхами христіанства, какъ религіи всеобщей, всечеловѣческой и чисто духовной, не привязанной ни къ націямъ, ни къ мѣстностямъ, ни ко времени. Великое движеніе народовъ IV и V столѣтій, эпоха обширныхъ племенныхъ переселеній была вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохою окончательнаго торжества Евангелія надъ язычествомъ. Покидая свои родныя поля и горы, народы покидали и связаннаыя съ ними религіозныя понятія и приносили въ чужія, незнакомыя имъ мѣста свои свободныя сердца, въ которыхъ слово Божіе легко находило воспримчивую почву. Западному духовенству не

стоило большого труда обратить въ христіанство готовъ, франковъ, бургундовъ и другихъ германцевъ, покинувшихъ свою древнюю сѣверную отчизну, но Карлу Великому пришлось просвѣщать саксовъ 30-лѣтнею истребительною войною, именно потому, быть можетъ, что сѣверо-германскіе саксы, оставаясь такъ долго въ приэльбскихъ земляхъ, гдѣ каждый холмъ, каждый источникъ имѣлъ для нихъ какое-нибудь священное значеніе—вмѣстѣ съ тѣмъ упорно держались и своихъ старыхъ религіозныхъ представленій.

Евангеліе, повторяемъ, не носитъ на себѣ ни мѣстнаго, ни племенного характера. Не изъ чувственныхъ и матеріальныхъ впечатлѣній беретъ оно свое начало, но изъ духовнаго озаренія свыше. Провозгласивъ, что „Богъ есть духъ, и что поклоняться ему должно духомъ и истиной“, оно произвело уже этимъ однимъ громаднѣйшій переворотъ въ религіозномъ сознаніи человѣчества. Такая простая и естественная для насъ идея въ тѣ далекія времена, для несчетныхъ милліоновъ, была цѣлымъ великимъ открытіемъ. Она невозвратно лишила природу ея древняго всемогущества, ея божественности, и низводила на степенъ служебной и покорной матеріи. А тѣмъ самымъ и духу человѣческому, такъ долго подавленному ея властью, открывался свободный путь ко всестороннему развитію и успѣху.

Подобная же перемѣна совершена Евангеліемъ и въ общественной жизни древняго міра.

Извѣстно, что источникомъ и главнымъ жизненнымъ принципомъ государственнаго быта древнихъ было начало фамиліальное, родовое, кровное, или говоря другими словами, начало матеріальное, чувственное. Та же физическая природа, которая властвовала надъ душевною жизнью древняго человѣка, обуславливала также и характеръ его соціальныхъ отношеній.

Стоитъ напомнить себѣ, хоть въ главныхъ чертахъ, общественную организацію различныхъ государствъ до христіанскаго міра, чтобы фактически убѣдиться въ этомъ.

Начиная съ самаго отдаленнаго и самаго древняго востока, т. е. съ Китая, мы видимъ, какъ фамиліальное начало, во всей своей простотѣ первобытной, проникло всю общественную жизнь этой страны. Богдыханъ, по теоріи жу-кинга есть общій отецъ своихъ подданныхъ и имѣетъ надъ ними безграничную отцовскую власть. Мандарины-его старшія дѣти, подвѣдомственные имъ лица—младшія, и такъ далѣе по нисходящимъ классамъ; эта соціальная іерархія охватываетъ собою все государство,—такъ что двѣсти пятьдесятъ милліоновъ населенія состав-

ляютъ, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ, какъ бы одно семейство, силою естественнаго наращенія развившееся до колоссальныхъ размѣровъ.

Въ государствахъ теократическихъ. гдѣ общественное устройство основано было на различіи кастъ, какъ въ Индіи и Египтѣ, родовое начало сохранило подобную же силу, ибо и самое раздѣленіе на касты основано было, главнымъ образомъ, на ихъ племенномъ различіи. По крайней мѣрѣ это положительно можно сказать объ Индіи, гдѣ три высшія касты—браминовъ, кшатріевъ и ваясievъ ни цвѣтомъ кожи, ни языкомъ, ни даже умственными способностями не похожи на четвертую касту туземцевъ—судрасовъ, покоренныхъ арійскими завоевателями, пришедшими съ сѣвера.

Общественное устройство еврейской націи, раздѣленной на 12 колѣнъ, управлявшихся въ древнѣйшее время родоначальниками и старѣйшинами, было тоже чисто патриархальное. Такимъ осталось оно отчасти и при царяхъ.

Въ деспотіяхъ древняго востока—Вавилоніи, Ассиріи, Мидіи, Персіи вліяніе кровнаго начала уже менѣе ощутительно, ибо тутъ всѣ, не взирая на происхожденіе, были рабами одного. То было первое равенство общаго рабства. Впрочемъ и здѣсь преимущества крови и расы встречаются еще на каждомъ шагу. Раздѣленіе персидской націи на десять колѣнъ, первенство пассаргадовъ передъ другими соплеменниками, господствующее положеніе персовъ среди покоренныхъ народовъ и множество подобныхъ явленій—слишкомъ ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Даже торговыя республики семитической расы въ Финикіи и Карфагенѣ были, въ сущности, ничѣмъ инымъ, какъ тягостнымъ господствомъ исключительно кастовой, племенной аристократіи надъ безправнымъ земскимъ населеніемъ и зависимыми инородными племенами.

Еще болѣе ослабѣла сила родовыхъ отношеній въ государствахъ классической древности. Вся исторія Греціи и Рима представляетъ борьбу восточнаго родового начала съ началомъ собственно государственнымъ, основаніемъ котораго служитъ не происхожденіе и старѣйшинство, а нравственное достоинство человѣка. Первоначальная общественная организація обѣихъ странъ почти одинакова и, по своему характеру, примыкаетъ еще къ патриархальнымъ формамъ востока. Цари героическихъ временъ Эллады и цари римскіе, по характеру своей власти, еще подходятъ къ восточнымъ патриархамъ. Какъ въ греческомъ мірѣ Спарта, такъ въ римскомъ—этрусское племя и потомъ патриціанское сословіе, организованныя по кровному началу, представляютъ особую родовую интеллигенцію. Какъ въ Спартѣ строгое раздѣленіе на спартиатовъ, лакедемонянъ

и плотовъ напоминаетъ касты нарварскаго востока, такъ этрусскіе лукумоны и главы патриціанскихъ родовъ, съ ихъ патриархальной властью, имѣютъ тоже какой-то восточный оттѣнокъ. Тамъ государственное начало, основанное на нравственныхъ правахъ личности, нашло довольно сильное выраженіе въ аѳинской демократіи, здѣсь—въ общинѣ плебейской. И тамъ и здѣсь между принципомъ родовымъ и государственнымъ завязывается ожесточенная борьба; но только исходъ ея не одинаковъ. Въ греческомъ мірѣ борьба эта, подготовленная вѣками и, наконецъ, разрѣшившаяся 20-лѣтнею братоубійственной войною, завершается побѣдой родового начала, олицетвореннаго въ дорической Спартѣ. Въ Римѣ, напротивъ, вѣковой споръ плебеевъ съ патриціями, имѣющей отчасти подобное же значеніе, оканчивается учрежденіемъ имперіи, какъ демократической диктатуры, т. е. торжествомъ государственной идеи, на этотъ разъ пересилившей узкія родовыя отношенія.

Такимъ образомъ въ цѣломъ строѣ общественной жизни древнихъ преобладающимъ принципомъ является та-же чувственность,—въ формѣ кровныхъ или родовыхъ отношеній,—и хотя естественныя связи эти въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Греціи и Римѣ, и были постепенно вытѣсняемы новымъ государственнымъ или моральнымъ элементомъ, то съ большимъ, то съ меньшимъ успѣхомъ,—окончательно споръ этотъ не могъ быть рѣшенъ языческою древностью, гдѣ матеріализмъ коренился даже въ религіозныхъ понятіяхъ, такъ сказать, въ источникѣ всякаго историческаго развитія и, слѣдовательно, по неизбежному закону, долженъ былъ отразиться также и на соціальныхъ порядкахъ. Мы видѣли, что, не говоря уже объ азіатскомъ востокѣ, даже стремленія классическихъ народовъ,—перейти отъ быта родового къ быту гражданскому, имѣютъ характеръ только болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ. Достигнуть же полной побѣды въ этомъ смыслѣ было не въ силахъ древняго государства, основаніемъ котораго служило рабство, самое вопіющее изъ родовыхъ учрежденій. Что такое, въ сущности, была знаменитая перикловская демократія въ Аѳинахъ, этотъ цвѣтъ античнаго государственнаго устройства,—какъ не жестокой эксплуатаціей почти полумилліоннаго населенія рабовъ и иностранцевъ какими-нибудь двадцатью тысячами привилегированныхъ гражданъ. Но не только въ жизни, но и въ самыхъ идеалахъ общественныхъ, въ мечтахъ и утопіяхъ своихъ величайшихъ мыслителей, древность не могла возвыситься надъ узкимъ горизонтомъ своихъ родовыхъ понятій. Стоитъ вспомнить „республику“ Платона, гдѣ „божественный“ мудрецъ античнаго міра не находитъ ничего совершеннѣе для своего идеальнаго государства, какъ формы аристократически-родовой Спарты, примиренныя съ уваженіемъ къ наукѣ,

Христіанству только, ученію евангельскому, обязано человѣчество окончательнымъ и безвозвратнымъ осужденіемъ узкихъ кровныхъ понятій и предрасудковъ,

Дѣйствительно, Спаситель и словомъ, и дѣломъ, и ученіемъ, и жизнью своею постоянно развивали мысль, что величайшую цѣну для человѣка должны имѣть интересы и связи духовныя, въ жертву которымъ мы обязаны приносить все драгоцѣннѣйшія влеченія, внушаемыя намъ плотью. „Тотъ не достоинъ меня, говорить онъ, кто любитъ болѣе Меня или отца своего, или мать, или дочь, или сына. Тотъ не пойдетъ Мнѣ во слѣдъ и не будетъ ученикомъ Моимъ, кто ради Меня не возненавидитъ отца своего и мать, жену и дѣтей, кто не назоветъ своими врагами домашнихъ, кровныхъ, и близкихъ сердцу людей“. Не ясно ли здѣсь высказана мысль, что для цѣлей духовныхъ, для истины и добра, для высшихъ разумныхъ стремленій человѣкъ долженъ отказаться отъ всехъ своихъ кровныхъ привязанностей и влеченій, долженъ пожертвовать и собственной жизнью, подобно тому, какъ жертвовалъ ею Спаситель для блага и счастья человѣчества. „И кто ради Меня, говоритъ онъ, погубитъ душу свою, тотъ спасетъ ее“. Но собственно поразительна въ этомъ отношеніи слѣдующая сцена, описанная у евангелиста Марка. Спаситель въ домѣ поучаетъ народъ, и толпы слушателей тѣснятся вокругъ него. Въ это время одинъ изъ ближе сидѣвшихъ къ нему говоритъ: „Господи, вотъ мать Твоя, братья и сестры Тебя ищутъ“. Тогда Христосъ, указывая на слушавшихъ слова его, отвѣчаетъ: „вотъ мать Моя и братья Мои; тѣ, кто творитъ волю Отца Моего небеснаго, тотъ братъ Мнѣ и сестра, и мать“.

Въ словахъ этихъ лежитъ вся будущность новаго человѣчества и сѣмя радикальнаго переворота, который преобразуетъ въ теченіе вѣковъ весь складъ общественныхъ отношеній.

Съ этого времени кровный инстинктъ, свойственный даже и животнымъ, уже не будетъ исключительно руководить людскими связями, но выше и прежде всего оцѣнится нравственное достоинство личности, какъ начало и основаніе новаго общественнаго порядка. Съ этого времени на призывъ долга, на голосъ истины и добра, „раздѣлится и возстанетъ сынъ на родного отца, и дочь на мать свою, и невѣстка на свекровь свою“. Съ этого времени миръ исчезнетъ даже и подъ домашней кровлей, и у домашняго очага водворится раздоръ и раздѣленіе. Но среди этого раздора, вѣчной борьбы и смятенія снидетъ на землю Божіе царство,—царство правды, любви, свободы и высшей духовной гармоніи.

Моральныя стяжанія и побѣды не достаются человѣку легкою и дешевою цѣною. Такъ и здѣсь потребуются отъ него жертвы тяжелыя

и даже противоположны, но тѣмъ болѣе неизбежны, что только подѣ условіемъ этихъ жертвъ возможно и совершенствованіе личное и успѣхъ на всякомъ поприщѣ жизни. Родовыя связи по самой природѣ своей, представляютъ слишкомъ тѣсный, ограниченный кругъ для разумной дѣятельности человѣка и для его нравственной свободы. Патриархальный востокъ окованъ въ своей умственной неподвижности, тогда какъ въ классическомъ мірѣ, гдѣ впервые успѣшно развились начала государственной жизни, мы встрѣчаемъ и первые въ исторіи движеніе и прогрессъ. Но только христіанской Европѣ досталось на долю такое широкое развитіе гражданственности, о какомъ древность не имѣла и слабого понятія.

Послѣ этого естественно, что чувственные или кровные инстинкты не могли уже беззавѣтно властвовать и въ международныхъ сношеніяхъ, уступивъ постепенному вліянію духовныхъ принциповъ Евангелія.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, какъ сильно эта сторона древней жизни условливалась такими кровными побужденіями. Даже въ глазахъ высокообразованныхъ грековъ иноплеменникъ считался естественнымъ врагомъ, не заслуживающимъ ничего, кромѣ презрѣнія и ненависти. Ихъ отличнѣйшіе философы, напримѣръ Аристотель, не сомнѣвались, что варвары, т. е. иностранцы, по самому рожденію, предназначены въ рабство. Съ подобнымъ же убѣжденіемъ налагалъ и римлянинъ на покоренные народы самое тяжелое иго, часто и не подозревая въ этомъ чего-нибудь противнаго справедливости или долгу.

Христіанствомъ, напротивъ, впервые проповѣдана была взаимная братская любовь между народами. Въ каждомъ человѣкѣ христіанинъ долженъ уважать его нравственное достоинство, какого бы племени и происхожденія онъ ни былъ, и еврей, дотолѣ чуждавшійся, ненавидѣвшій чужестранца, сдѣлался братомъ самарянину. „Отнынѣ не будетъ ни іудея, ни эллина, ни раба, ни господина, ни мужчины, ни женщины,—ибо всѣ во Христѣ равны“. Такъ писалъ апостолъ язычникамъ, открывая въ этихъ словахъ новый періодъ исторіи человѣчества.

Вмѣстѣ съ ослабленіемъ исконной племенной неприязни, стала исчезать также та особенность и взаимное отчужденіе, въ силу которыхъ каждый изъ древнихъ народовъ жилъ своею отдѣльною жизнью, вращаясь въ тѣсной сферѣ своихъ мѣстныхъ, внутреннихъ отношеній и знакомясь съ иноплеменниками чаще всего посредствомъ войны. Правда, что уже стоическая философія не чужда была космополитическихъ стремленій, а Римъ, въ колоссальномъ конгломератѣ своихъ завоеваній, отчасти осуществилъ ихъ силой своего меча и законодательства. Но только Евангеліе, внушая повсюду дѣятельную любовь и духовное братство между

народами, окончательно и прочно установило идею всемірной цивилизаціи съ ея неистощимою будущностью, и сдѣлало возможнымъ тотъ дружный трудъ на общую пользу, которымъ связаны теперь отдаленнѣйшія страны и самыя разнообразныя племена человѣчества.

Таковъ характеръ нравственнаго переворота, произведеннаго христіанскимъ ученіемъ во всѣхъ сферахъ жизни—международной политикѣ, въ общественныхъ отношеніяхъ и, что всего важнѣе, въ самой душѣ человѣка.

Остается вникнуть еще въ послѣдній видъ этой духовной реакціи,—въ идею первенствующаго значенія жизни индивидуальной предѣ дѣятельностью общественною и политическою,—идею, составляющую одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ контрастовъ Евангелія со всѣмъ строемъ античной жизни, гдѣ человѣкъ имѣлъ значеніе только, и единственно, какъ гражданинъ своего государства.

Каждый, кто внимательно читалъ Евангеліе, не могъ не быть пораженъ какимъ-то равнодушіемъ, чтобы не сказать—пренебреженіемъ, какое въ немъ обнаруживается къ общественной дѣятельности. Оно какъ-то пассивно относится къ существовавшимъ въ то время политическимъ порядкамъ Римской имперіи: не высказываетъ къ нимъ сочувствія, но не произноситъ и осужденія. Все вниманіе Спасителя обращено почти исключительно на улучшеніе, усовершенствованіе личной природы человѣка, его внутренняго существа. Одна только, стало быть, живнъ внутренняя или душевная служить предметомъ его заботъ. Что же касается формъ и характера общественнаго устройства, къ которому мы должны стремиться, и вообще быта государственнаго и политическаго, то мы не находимъ въ евангельскомъ ученіи никакихъ положительныхъ на этотъ счетъ указаній.

На первый поверхностный взглядъ, черта эта могла бы показаться недостаткомъ, или, по крайней мѣрѣ, неполнотою. Между тѣмъ какъ въ ней именно и состоитъ одно изъ величайшихъ совершенствъ и преимуществъ христіанскаго ученія предѣ всѣми религіозными системами древности. Возьмемъ для сравненія книги китайцевъ, священныя книги веды индусовъ, иранскую зендъ-авесту, или даже позднѣйшія коранъ. Въ религіозныхъ системахъ Конфуція, Зороастра и Магоммеда, нерѣдко съ замѣчательною полнотою и послѣдовательною изложено ученіе о формахъ государственнаго устройства, о характерѣ верховной власти, о взаимныхъ отношеніяхъ и правахъ подданныхъ, объ обязанностяхъ чиновниковъ,—однимъ словомъ для государства какъ бы данъ идеаль, начертанъ извѣстный планъ, который долженъ осуществиться въ исторической жизни народа. И дѣйствительно, съ теченіемъ времени планъ

этотъ съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ былъ выполненъ, идеаль воплощенъ. Но что же вышло? какъ скоро была исполнена эта задача, вся историческая жизнь народа остановилась. Вѣка и тысячелѣтія проходили потомъ надъ Китаемъ и Индіей, множество переворотовъ, перемѣнъ, даже чуждыхъ завоеваній испытала эти страны, а государственный организмъ все оставался въ нихъ неподвижнымъ, застывшій, закованный въ своихъ окаменѣлыхъ формахъ. И теперь еще стоятъ они за предѣлами историческаго міра, не принимая участія въ его движеніяхъ и представляя собою холодный остовъ той жизни, которая нѣкогда въ нихъ играла. То же самое мы видимъ и на магометанскомъ востокѣ

Въ Евангеліи нѣтъ никакого подобнаго идеала. Спаситель не внушалъ народамъ, какъ должны они устроить общественную жизнь свою или какую избрать форму правленія, а старался только облагородить и возвысить личную духовную натуру человѣка. Божественный сердцецѣдъ, онъ зналъ, что единственный источникъ общественной, политической и всякой исторической жизни есть духъ человѣка, и что, чѣмъ онъ совершеннѣе, тѣмъ совершеннѣе будетъ и все имъ созданное. Назначить, слѣдовательно, для дѣятельности его какія-нибудь постоянныя формы, указать конечный предѣлъ его стремленіямъ—значило бы остановить его успѣхи, по природѣ своей предназначенные къ безконечному развитію. Одинъ только завѣтъ, одинъ недоступный идеаль указываетъ людямъ Спаситель: „будьте такъ совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“. Тогда только, стало быть, остановится неистощимое развитіе духовной жизни человѣка, когда онъ сдѣлается подобнымъ самому божеству.

Въ этой чертѣ религіи христіанской лежитъ, такимъ образомъ, залогъ безконечной будущности нашего образованія, которое въ самомъ духѣ христіанина, въ его неизсякаемой способности совершенствоваться всегда найдетъ источникъ своего дальнѣйшаго обновленія и развитія.

Петровъ.

№ 57. Съ вѣрою нигдѣ не пропадешь.

(См. соч. 55).

№ 58. Культивирующее значеніе христіанства.

(См. соч. № 55 и 56).

№ 59. Мужество,—высшая добродѣтель человѣка, а повиновеніе—христіанина.
(См. соч. № 56).

№ 60. Значеніе труда.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Условія, когда трудъ является истинно плодотворнымъ. Культура—сумма труда, положеннаго человѣчествомъ на нивѣ жизни.

Изложеніе.

Значеніе труда:

1. Трудъ способствуетъ упражненію умственныхъ способностей.
2. Трудъ влияетъ облагораживающимъ образомъ на нравственность.
3. Трудъ является однимъ изъ необходимѣйшихъ условій прогресса.
4. Трудъ упражняетъ всѣ способности человѣка вообще.
5. Трудъ даетъ средства къ жизни.
6. Чувство удовлетворенія, вызываемое трудомъ; сознаніе собственнаго достоинства.

Заключеніе.

Трудъ—условіе жизни; необходимость его для всѣхъ.

Въ каждомъ человѣкѣ заложена сумма энергіи и силъ, которыя онъ и примѣняетъ къ различнымъ формамъ труда. Но трудъ бываетъ неодинаковъ: одинъ приноситъ пользу, другой, кромѣ вреда—ничего.

Возьмемъ для примѣра кузнеца, который тратитъ громадную энергію на выдѣлку подковы. Несомнѣнно, что трудъ кузнеца будетъ плодотворнымъ. Воръ, который на взломъ двери употребилъ такую же энергію, своимъ трудомъ приноситъ одинъ вредъ. Такимъ образомъ, только тогда нашъ трудъ окажется плодотворнымъ, если затрата нашей энергіи ушла на созданіе полезнаго дѣла.

Вся наша культура, все то, чѣмъ мы пользуемся въ настоящее время, есть результатъ грандіознаго труда всего человѣчества на протяженіи многихъ тысячелѣтій.

Допустимъ на мигъ, что человѣчество могло бы обходиться безъ труда; тогда мы не пользовались бы благами современной цивилизаціи. И такъ, безъ труда никакое движеніе впередъ немыслимо, и стала бы немыслимой сама жизнь, такъ какъ жизнь есть непрерывное движеніе впередъ. Умъ человѣческой является могущественнѣйшимъ орудіемъ всѣхъ

побѣдъ человѣка; но умъ этотъ мыслимъ только въ соединеніи съ трудомъ, такъ какъ разобщенные, они оказались бы слабыми и несостоятельными. Всѣ наши способности существуютъ благодаря тому, что мы не даемъ имъ возможности заглухнуть; единственно, чѣмъ это достигается, такъ это только трудомъ; мы можемъ развить какую-нибудь способность до высокой степени развитія только трудомъ. Не всѣ люди одарены одинаковыми способностями, но человѣкъ мало одаренный и трудолюбивый достигнетъ большаго, чѣмъ высокодаровитый лѣнтяй.

Трудъ даетъ возможность человѣку добывать средства къ жизни. Имѣется много людей, склонныхъ къ бездѣлю и вынужденныхъ поддерживать свою жизнь выпрашиваніемъ милостыни. Помимо того, что подобная профессія совсѣмъ не легче, чѣмъ всякая другая, она подвержена вліянію случая и потому необеспечена; кромѣ того она унижаетъ человѣческое достоинство, ибо вынуждаетъ такого человѣка безосновательно пользоваться трудами другого.

Имѣются люди, которые впадаютъ въ другую крайность: они трудятся исключительно для того, чтобы добывать средства къ существованію или вообще матеріальныя средства; здѣсь совсѣмъ ужъ устраняется любовь къ труду, который становится поэтому въ тягость и замѣняется любовью къ матеріальнымъ средствамъ, что еще хуже.

Продуктивность труда во вѣншемъ и внутреннемъ отношеніи зависитъ отъ любви къ нему: чѣмъ больше человѣкъ любитъ свой трудъ, тѣмъ цѣннѣ послѣдній будетъ. Трудъ является не цѣлью, а средствомъ и человѣкъ находитъ въ немъ чувство удовлетворенія и сознаніе собственного достоинства; трудъ прежде всего долженъ быть полезенъ для насъ самихъ и для другихъ, и въ сознаніи этой полезности труда для всѣхъ человѣкъ находитъ чувство удовлетворенія и сознанія исполненнаго долга.

На трудѣ основана вся наша жизнь; тамъ, гдѣ кипитъ человѣческая работа, и есть жизнь; вотъ почему необходимымъ условіемъ жизни является трудъ. Всѣ наши способности при наличности труда упражняются и дѣлаются совершеннѣе, и этимъ приносятъ человѣку счастье. Трудъ подымаетъ человѣка нравственно такъ высоко, что дѣлаетъ его побѣдителемъ надъ страстями. Словомъ, трудъ является необходимѣйшимъ условіемъ существованія отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа. Нормальная, здоровая и счастливая жизнь человѣка мыслима только при наличности продуктивнаго и разумнаго труда. Народная мудрость выразила эту мысль въ пословицѣ: „Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, проживешь вѣкъ съ весельемъ“.

Бобровъ.

№ 61. Какія силы содѣйствуютъ человѣку въ его трудѣ.

Одного только желанія недостаточно, чтобы трудиться, надо имѣть еще опытъ, силу совершить задуманное. Бессильный человѣкъ не можетъ окончить начатое дѣло, хотя онъ и опытенъ въ немъ, хотя онъ и имѣетъ желаніе совершить, окончить его. Положимъ, что какой-либо ученый задумалъ написать сочиненіе по своей специальности, онъ имѣетъ и опытность и желаніе написать его, но у него нѣтъ силы воли, и онъ не можетъ заставить себя приняться за трудъ. Онъ боленъ, его силы разбиты—онъ даже не можетъ начать своего сочиненія: оно утомляетъ его. Силы, содѣйствующія труду человѣка, можно раздѣлить на двѣ группы. Во первыхъ, силы физическія: здоровье, и силы душевныя: воля, терпѣніе и выносливость. Разсмотримъ каждую группу отдѣльно. Физическія силы очень способствуютъ человѣку въ успѣшномъ окончаніи задуманнаго дѣла. Здоровье—драгоценная сила, отъ которой зависятъ всѣ наши душевныя силы. Хорошее здоровье—и душевныя силы дѣйствуютъ правильно. Но лишь только произошло измѣненіе къ худшему въ здоровьи человѣка, то и душевныя отправления его измѣнились. Больной человѣкъ ужъ не думаетъ о трудѣ, его заботитъ другая мысль. Поэтому необходимое условіе для успѣха—доброе здоровье. Не даромъ говорили римляне „in corpore sano, mens sana“ въ здоровомъ тѣлѣ здоровый умъ. Безъ душевныхъ силъ дѣятельность человѣка тоже невозможна. Главная душевная сила человѣка—это воля. Будучи разумно направляема, она отличаетъ человѣка отъ животнаго. Отнимите у человѣка разумную волю, и получите самое обыкновенное животное, съ которымъ можно дѣлать все, что угодно. Поэтому разумная сила воли необходима человѣку, онъ безъ нея то же, что и безъ рукъ. Онъ не можетъ приняться ни за какое дѣло, а если и примется, то его легко можно отвлечь отъ него. Дальнѣйшія душевныя силы—твердость духа и постоянство въ цѣляхъ. Они много способствуютъ успѣшности труда человѣка. Твердость духа и постоянство не позволяютъ человѣку останавливаться предъ препятствіями, возникающими на пути его труда. Они доставляютъ ему силу бороться съ этими препятствіями и преодолевать ихъ. Терпѣніе и упорство въ достиженіи цѣлей тоже необходимо человѣку.

Нетерпѣливый никогда не окончитъ дѣла. Оно кажется ему или очень скучнымъ, или очень труднымъ. У него нѣтъ силы окончить его, нѣтъ терпѣнія. Вынести всю тяжесть неприятностей и затрудненій, сопряженныхъ съ извѣстнымъ трудомъ, не всякій въ состояніи; очень

многіе падають подь этимъ бременемъ отъ недостатка выносливости. Прекраснымъ примѣромъ обладателя всѣхъ силъ, необходимыхъ для человѣка въ его трудѣ, можно считать Бернарда Палисси, изобрѣтателя эмали. Онъ былъ источникомъ во дворцѣ баварскаго короля, тогда еще считавшагося княземъ, и обладалъ цвѣтущимъ здоровьемъ. Тамъ во дворцѣ увидѣлъ онъ китайскую вазу, покрытую эмалью. Ему захотѣлось добыть составъ, которымъ была покрыта эта ваза. Но такъ какъ тогда никакихъ книгъ не было, то онъ самъ долженъ былъ добиться секрета. Онъ бросилъ службу и принялся обжигать горшки, намазанные различными составами, могущими, по его мнѣнію, дать эмаль. Но его преслѣдовала неудача. Онъ убилъ весь свой капиталъ на покупку горшковъ и на дрова. И это не остановило его; онъ продалъ мебель, домъ, занялъ денегъ у сосѣдей и упорно трудился, не останавливаясь ни передъ какимъ препятствіемъ, пока не открылъ секрета драгоцѣнной эмали.

№ 62. Въ трудѣ прогрессъ.

(См. соч. № 60).

№ 63. Всякъ человѣкъ у дѣла познается.

(См. соч. № 60).

№ 64. Безъ постояннаго труда нѣтъ истинно—великаго.

(См. соч. № 60 и 61).

№ 65. Нужда остритъ разумъ, развиваетъ силы.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Борьба за существованіе.

Изложеніе.

Вліяніе нужды на развитіе предприимчивости, силы и способностей:

- а) нужда, какъ главная побудительная причина труда,
- б) экономической принципъ силъ и затратъ,
- в) развитіе техники и науки подь вліяніемъ нужды,

- г) развитіе формъ общественной жизни,
- д) приспособляемость, вырабатываемая у отдѣльныхъ лицъ подь вліяніемъ нужды,
- е) вліяніе нужды на характеръ и образъ жизни человѣка.

Заключеніе.

Отношеніе народа къ нуждѣ.

Тѣ блага, которыя требуются человѣку въ жизни, достаются ему не даромъ—приходится положить не мало усилій и трудовъ ранѣе, чѣмъ ихъ добудешь въ надлежащемъ количествѣ и надлежащаго качества. Въ доисторическія эпохи существованія людей, когда ихъ потребности были крайне примитивны и несложны—удовлетвореніе этихъ потребностей было также не затруднительнымъ и исполненіе этого дѣла—добыванія благъ для удовлетворенія жизненныхъ потребностей было также несложно и не требовало ни особыхъ условій, ни особой подготовки. Но съ теченіемъ историческаго времени, когда ростъ человѣческихъ потребностей поднялся на большую высоту, когда число ихъ также значительно выросло, а населеніе увеличилось во много разъ, пришлось заняться примѣненіемъ новыхъ болѣе совершенныхъ приемовъ въ дѣлѣ борьбы съ природой для отвоеванія отъ нея необходимаго количества жизненныхъ благъ, съ цѣлью удовлетворить многосложныя потребности развивающагося человѣчества. Такимъ образомъ выросла вся многовѣковая культура человѣчества, кроющая въ себѣ всѣ знанія и приемы, необходимые для успѣшнаго веденія человѣчествомъ его борьбы за существованіе. Эти знанія и эти приемы не суть нѣчто разъ навсегда застывшее, недвижимое, напротивъ того, каждый день вноситъ въ нихъ какую-либо перемену, новое усовершенствованіе, точно такъ же, какъ и нужда, ихъ вызывающая, не есть также нѣчто застывшее или неизмѣнное, а измѣняется съ каждымъ днемъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что нужда дѣйствуетъ непосредственно, какъ главная побудительная причина труда. Люди не могутъ обходиться безъ пищи, точно такъ же, какъ безъ жилища, но и то и другое получается только въ результатъ затрачиваемаго труда. Но если ужъ необходимо приложить трудъ, то передъ человѣкомъ всталъ вопросъ о наилучшемъ его использованіи и примѣненіи. Рѣчь идетъ о принятіи принципа экономіи силъ и труда, сущность котораго сводится къ полученію наибольшихъ результатовъ и выгодъ при наименьшей затратѣ труда. Проведеніе этого принципа важно по двумъ основаніямъ: съ одной стороны затрата труда не проходитъ безболѣзненно для человѣка,

напротивъ, она компенсируется быстрымъ, при чрезмѣрномъ трудѣ, изнашиваніемъ организма, а съ другой стороны необходимостью въ полученіи возможно большаго количества продуктовъ труда, необходимыхъ во все возрастающемъ количествѣ при интенсивномъ ростѣ человѣческихъ потребностей. Но проведеніе экономическаго принципа требуетъ еще нѣкоторыхъ спеціальныхъ условій, которыя въ совокупности оказываютъ большое вліяніе на его проведеніе. Однимъ изъ важнѣйшихъ условій мы считаемъ прогрессъ техники и науки, какъ прикладной, такъ и чистой. О значеніи техники въ дѣлѣ наилучшаго использованія труда говорить здѣсь не приходится—это можетъ составить предметъ особаго спеціальнаго разсмотрѣнія, скажемъ только, что этотъ прогрессъ, столь мощными шагами идущій впередъ, одарившій насъ въ особенности за минувшее столѣтіе столь удивительными проявленіями человѣческаго генія, самъ есть продуктъ той нужды, въ которой пребываетъ человѣчество. Не будь этой нужды, отпалъ бы важнѣйшій мотивъ для поступательнаго движенія впередъ, и человѣчество осталось бы при закамѣнѣлыхъ формахъ. Эта же нужда вызываетъ къ жизни другой фактъ—частую смѣну формъ общественной жизни. Формы общественной жизни вообще нужно разсматривать, какъ результатъ господствующихъ въ данное время общественныхъ отношеній, а послѣднія складываются, если не всецѣло, то въ значительной части подъ вліяніемъ экономическихъ условій, въ которыхъ пребываетъ народъ. Лишь нужда въ правильномъ отправленіи своихъ экономическихъ и другихъ функцій заставляетъ людей видоизмѣнять формы своей общественной жизни.

Въ исторіи человѣчества мы можемъ замѣтить послѣдовательную смѣну однихъ жизненныхъ формъ другими, болѣе совершенными, происшедшую подъ вліяніемъ необходимости или нужды въ разрѣшеніи, путемъ замѣны одной формы другой, того или другого вопроса ихъ экономическаго существованія.

Но и личная жизнь человѣка въ сильнѣйшей мѣрѣ носитъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ первичныхъ факторовъ, которые управляютъ человѣческимъ существованіемъ и которымъ мы можемъ дать общее наименованіе „нужды“. Нужда вырабатываетъ въ человѣкѣ особую способность приспособляться къ различнымъ условіямъ жизни, къ климатическимъ и физическимъ условіямъ данной мѣстности, къ занятію тѣмъ или другимъ промысломъ или отраслью труда. Еще больше, нужда оказываетъ большое вліяніе на развитіе человѣческаго характера и его умственныхъ способностей. Тѣ особыя характерныя черты, которыя свойственны отдѣльнымъ людямъ, группамъ людей или даже цѣлымъ народамъ, вырабатываются подъ вліяніемъ занятія тѣмъ или другимъ видомъ

труда, въ конечномъ счету обязаны своимъ происхожденіемъ нуждѣ, непосредственно наталкивающей людей на то или другое занятіе. Если воръ воруетъ или купецъ обманываетъ при продажѣ, то трудно сказать, кто болѣе виноватъ, они ли сами, вступившіе на такой скользкій путь, или нужда заставившая ихъ такъ поступать и потомъ уже отразившаяся въ ихъ психологіи.

Вообще же нужда является огромнымъ факторомъ нашего движенія впередъ, развитія нашихъ умственныхъ способностей и приспособляемости. И народъ давно понялъ это, выразивъ эту безспорную истину въ нѣсколько грубой, но безусловно правильной формѣ, какъ гласятъ пословицы: „голь на выдумки хитра“, или „нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ“.

№ 66. Бѣдность и богатство—относительно вліянія ихъ на нравственность.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Иные филантропы извиняютъ преступленія пролетаріевъ тѣмъ, что нужда заключаетъ въ себѣ слишкомъ большое искушеніе для человѣка. Но если, по священному писанію, «иной бѣденъ при большомъ богатствѣ, а иной богатъ при всей бѣдности» (Притч. 13, 7), и если внѣшнія блага считались и стойками ничтожными въ отношеніи къ истинному счастью жизни, то и нравственность человѣка зависитъ не отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но отъ него самого и главнымъ образомъ отъ его отношенія къ Богу.

Изложеніе.

Бѣдность и богатство—какъ равносильныя побужденія къ добру и злу.

А. Бѣдность конечно, повидимому, благопріятствуетъ пороку. Это—именно тогда, когда человѣкъ уклонился отъ Бога.

- 1) Надъ входомъ въ „Адъ“ Данте (Пѣснь 3-я, стихъ 9) стояло страшное слово: „Оставь надежду всякъ, сюда идущій“. Въ хижинѣ бѣдняка, который отрекается отъ Бога, нѣтъ мѣста надеждѣ. Онъ отчаивается въ возможности чистаго счастья жизни; онъ на все махнулъ рукою; онъ отрекается отъ самоуваженія и гонитъ стыдъ.

- 2) При такомъ малодушіи пронадаеть всякое расположеніе къ добропорядочности. Хозяйство приходитъ въ упадокъ. Нерадивость заражаетъ даже дѣтей. Всякое имущество другого возбуждаетъ зависть. Сначала голодъ, а потомъ—даже довольство сосѣда—побуждаютъ къ коварному или хищническому нападенію на чужую собственность. Большею частію слѣдуетъ трагическій конецъ.

Б. Благословеніе бѣдности.

Совсѣмъ иначе—въ хижинѣ благочестиваго.

- 1) Надежда не доводитъ его до посрамленія; ибо онъ знаетъ, что Тотъ, Кто одѣваетъ лиліи и питаетъ птицъ небесныхъ, не оставитъ человѣка.
- 2) Здѣсь живетъ прилежаніе, бережливость, порядокъ. Нерадивый—уже на пути къ исправленію, когда онъ начинаетъ приобрѣтати и собирать. *Componere opes* и—*parcere parto*—Вергилій справедливо считаетъ (VIII, 317) началомъ нравственнаго возрожденія. Счастливое сознаніе вѣрности труду услаждаетъ трапезу. Чѣмъ дальше человѣкъ на пути къ исправленію, тѣмъ лучшее время наступаетъ для него. Онъ достигаетъ, наконецъ, счастливой возможности подѣлиться кускомъ хлѣба съ бѣднякомъ.
- 3) Бѣдность дѣлаеть человѣка скромнымъ, радушнымъ, услужливымъ; онъ нуждается въ благосклонности людей и приобрѣтаетъ ее.
- 4) Бѣдность приучаетъ къ простѣйшему и чистѣйшему наслажденію жизни. Тутъ мѣсто истиннымъ радостямъ сердца. Нѣтъ пустоты душевной; нѣтъ потребности отцу семейства наполнять эту пустоту въ трактирѣ. Что можетъ быть для него лучше вечерней тишины, когда домашніе съ благодарной радостью окружаютъ его!

В. Богатство не есть надежная гарантія противъ развращенія. Оно никогда не представляетъ этой гарантіи, если богатые не думаютъ о Богѣ.

- 1) Они забываютъ о высшемъ назначеніи человѣка. Сердце ихъ принадлежитъ тогда мамонѣ. Они—блуждающія тѣни, раскрашенные гробы.
- 2) Богатство дѣлаеть человѣка высокомернымъ, властолюбивымъ, эгоистичнымъ. Вѣрный другъ отстраняется, а лживый паразитъ замѣняетъ его. При недостаткѣ душевной теплоты и деспотическомъ нравѣ, богачъ не можетъ привязать къ себѣ даже вѣрныхъ и честныхъ слугъ; *quod servi, tot hostes*; потому что только самая низкая челядь можетъ обойтись безъ привѣта и служить изъ-за денегъ. Не любя никого самъ, онъ видитъ вездѣ фальшь и безчувственность и воображаетъ, поэтому, что имѣетъ право грубо и презрительно обращаться съ людьми.
- 3) Богатство развиваетъ страсть къ наслажденіямъ. Нѣтъ нужды въ серьезныхъ занятіяхъ; а между тѣмъ и богатый имѣетъ потребность

наполнить пустоту часовъ и долгое, безконечное время.

Шиллеръ.

Онъ приходитъ къ ужасной мысли, «что для бѣдняка работа должна быть наслажденіемъ, между тѣмъ какъ для него наслажденія составляютъ работу и задачу его жизни».

Возрастающая жажда наслажденій вымышляетъ все новыя развлечения. Мало-по-малу исчезаетъ всякое благородное движеніе сердца. Наиболѣе терпимое изъ его заблужденій есть все-таки пустая трата времени на забавы, обходящіяся весьма дорого, какъ напр.: разведеніе лошадей, постройка, путешествія и т. п.

- 4) Любовь къ деньгамъ, связанная съ потребностью дѣятельности, часто производитъ болѣзненную жажду приобрѣтати еще больше. Рискуютъ большими суммами за игорнымъ столомъ. Арендаторскій процентъ взыскивается безъ милосердія. Ростовщикъ набиваетъ на одну сотню тысячъ другую.

Г. Но и богатство представляет достаточно побуждений къ добру.

У благочестиваго вмѣстѣ съ внѣшнимъ благополучіемъ возрастаетъ и внутреннее.

- 1) Богатство еще больше привязываетъ его къ Богу. Какъ человѣку благородному не быть благодарнымъ Тому, Кто ему преимущественно предъ другими покровительствуетъ! Онъ сознаетъ, что нуждается въ могучей защитѣ. Корабль его жизни плаваетъ на открытомъ морѣ, гдѣ онъ подверженъ еще большимъ опасностямъ.
- 2) Онъ помнитъ, что съ того, кто много получилъ, много и взыщется, и относится съ живѣйшимъ участіемъ къ тѣмъ изъ ближнихъ, которые, можетъ быть, болѣе его заслуживаютъ покровительства судьбы. Постоянная, разумная благотворительность составляетъ одну изъ первыхъ задачъ его въ дѣлѣ управления своимъ имѣніемъ. Онъ не раздражается, что Провидѣніе дало вдовамъ и сиротамъ, юношамъ, жаждающимъ просвѣщенія, вексель на его великодушіе. Общеплезныя учрежденія даютъ ему случай создать себѣ призваніе жизни; а сколько выгоды приноситъ этимъ учрежденіямъ участіе такихъ друзей человѣчества, которые располагаютъ временемъ и деньгами!
- 3) Живя достойно, богатый находитъ радость въ домашней жизни; а его развлеченія, хотя бы и обходились дорого, будутъ всегда свидѣтельствовать о чистомъ настроеніи его души и о духовномъ интересѣ.

Заключение.

Такъ какъ человѣкъ—существо свободное, то онъ не долженъ безусловно покоряться внѣшнимъ обстоятельствамъ; они должны представлять для него только побужденіе, а тамъ ужъ его дѣло—выбирать дорогу направо или налево. Школа богатства, повидимому, пріятнѣе школы нужды, но послѣдняя можетъ быть благодарнѣе. Многіе замѣчательные люди, напримѣръ—Фридрихъ Великій, Гердеръ, Фоссъ—должны были преодолѣть въ юности тяжкія незгоды.

Холевіусъ.

№ 67. Лѣнь есть дочь богатства и мать бѣдности.

Человѣкъ такъ ужъ созданъ, что, въ большинствѣ случаевъ все доброе и хорошее, все, что могло бы быть источникомъ благополучія и счастья, какъ для него самого, такъ и для другихъ, въ его рукахъ получаетъ значеніе отрицательное. Есть хорошее восточное изреченіе: золото пробуютъ огнемъ, женщину—золотомъ и мужчину—женщиной. Врядъ ли будетъ ошибкой сказать, что и женщину, и мужчину нужно пробовать золотомъ. Мало такихъ людей, что, ставши обладателями золота, сохранили бы въ себѣ хотя бы часть бывшихъ положительныхъ чертъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если богатство человѣка не наследственное, если случайность сдѣлала его состоятельнымъ—человѣкъ мѣняется. Забывая то, чѣмъ онъ былъ, какъ тяжело ему давалась жизнь раньше — онъ становится гордымъ, самонадѣяннымъ; да и не удивительно, ибо богатство пріучаетъ его все, что есть хорошаго на землѣ, и чему нѣтъ цѣны, мѣрить деньгами, убѣждаетъ его постоянно въ томъ, что ради металла люди бываютъ готовы на все. Тѣмъ болѣе проникается духомъ могущества денегъ тотъ, кто родился и выросъ среди нихъ, и кому не было ни времени, ни охоты остановиться въ своей беззаботной жизни и подумать надъ своей судьбой и участіемъ другихъ, кому не дала судьба ничего, кто горбомъ своимъ, какъ говорится, беретъ все въ жизни и кто бываетъ, порою, въ такомъ положеніи, когда предъ человѣкомъ двѣ дороги: вверхъ, устланная терніями, и внизъ, легкая, быстрая; когда, можетъ быть, одной крохи со стола богача достаточно было бы для того, чтобы дать ему возможность итти дальше вверхъ, а отсутствіе этой крохи—равносильно приговору итти внизъ. У богатства нѣтъ друга вѣрнѣе лѣни. Трудъ—это что-то такое, что неизмѣнно связано съ необходимостью зарабатывать хлѣбъ насущный, трудъ—это забота о завтрашнемъ днѣ. А тамъ, среди обезпеченности и холи—человѣкъ не думаетъ объ этомъ. Не лучше ли жить такъ, чтобы все взять у жизни, что она въ состояніи дать за деньги; пусть тамъ за стѣной сіяющаго чертога, раздаются плачь и стонъ—что въ этомъ? Ни плача, ни стона не слышно за шумомъ веселья и звономъ чашъ. Рѣдко человѣкъ выдерживаетъ пробу золотомъ, а лѣнь того и ждетъ, забережетъ въ свои руки и уже не выпуститъ, пока не высосетъ всѣхъ соковъ и не превратитъ его въ „золотой мѣшокъ“, въ самомъ скверномъ смыслѣ этого слова. Если въ укоръ можно поставить лѣнь человѣку богатому, то лѣнь въ человѣкѣ, котораго завтрашній день зависитъ оттого, что онъ дѣлаетъ сегодня—лѣнь — это преступленіе и предъ самимъ собою, и

предъ обществомъ. Жалка судьба такого человѣка. Бѣдность не порокъ, говоритъ пословица, но бѣдность можетъ дать ростки либо въ положительную, либо въ отрицательную сторону. Человѣкъ бѣдный можетъ въ самой бѣдности почерпнуть энергію, развитъ свои силы и укрѣпиться въ борьбѣ—для этого нуженъ трудъ. И горе тому, кто поддается лѣни: все ниже и ниже будетъ онъ падать въ жизни, пока не дойдетъ до состоянія, когда къ прошлому уже нѣтъ возврата, и когда потеряетъ онъ все, что есть хорошаго въ человѣкѣ, когда вспомнится ему, что все было въ его рукахъ, что самъ онъ творецъ своего паденія, и нѣтъ ему оправданій.

№ 68. Стыдъ тому, кто жизнь и время праздно тратитъ.

(См. соч. № 67).

№ 69. Богатство служить умному и управляетъ глупцомъ.

(См. соч. № 66 и 67).

№ 70. Бѣдность не порокъ.

(См. соч. № 66).

№ 71. Нужда хитрѣ мудреца.

(См. соч. № 65).

№ 72. Голь на выдумки хитра.

(См. соч. № 65).

№ 73. Сытый голоднаго не разумѣетъ.

(См. соч. № 65 и 66).

№ 74. Цѣнность времени.

Пословица говоритъ, что время—деньги; въ дѣйствительности же время должно быть поставлено выше денегъ, время—это цѣлая жизнь. А сколько людей дорожатъ жизнью, потерю ея считаютъ ужаснымъ и

не видятъ ничего страшнаго въ потерѣ времени, не видятъ и не понимаютъ того, что мы должны дорожить всякою минутою, потому что и сама жизнь есть вѣдь очень ограниченный промежутокъ времени. Промежутокъ этотъ такъ кратокъ, что каждое мгновеніе, принесенное въ жертву лѣни или бездѣтельности, должно считаться равносильнымъ самому тяжелому преступленію противъ самого себя. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что нужно обратить жизнь въ одинъ безконечный трудъ, лишенный всякихъ радостей. Напротивъ, время посвященное разумнымъ развлечениямъ, простымъ, невиннымъ, облагораживающимъ—не должно считаться потраченнымъ зря, безъ всякой пользы: такія развлечения полезны и необходимы: они укрѣпляютъ насъ, отвлекаютъ отъ мелочей и дрязгъ нашей жизни и работы, освѣжаютъ все наше существо. Есть люди, которые жалуются на то, что имъ не хватаетъ времени дѣлать то, что имъ нравится. Иногда такія сѣтованія вполне законны: человѣкъ, который не прозябаетъ на одномъ мѣстѣ, который на каждомъ шагу находитъ что-либо интересное и достойное вниманія, иногда можетъ ощутить недостатокъ времени; но чаще всего это не недостатокъ времени, а отсутствіе воли.

Шекспиръ по этому поводу сказалъ очень мѣтко, что «время движется съ различною быстротою, смотря по характеру каждаго изъ насъ: съ одними оно идетъ шагомъ, съ другими бѣжитъ, съ третьими скачетъ, а съ четвертыми оно стоитъ, не двигаясь съ мѣста». Не тотъ, конечно, достоинъ уваженія, кто не видитъ времени въ погонѣ за развлечениями, пустыми и шумными, но тотъ, кто наполняетъ его трудомъ на пользу самого себя, государства, человѣчества, кому не хватаетъ его на полезныя и осмысленныя дѣла. Въ сущности, однако, не столько время бѣжитъ, сколько мы сами тратимъ его попустому. Слѣдуетъ цѣнить свое время всегда и во всемъ. Даже тотъ, кто не осмотрителенъ въ своихъ поступкахъ или въ выборѣ своихъ друзей, своей любви—и въ результатѣ затягивается вмѣстѣ съ ними въ бездѣтельность и исканіе внѣшнихъ удовольствій—даже такой человѣкъ достоинъ порицанія.

Если изъ срока нашей жизни вычестъ то время, которое мы тратимъ на сонъ, на ѣду, на раздѣваніе и одѣваніе и проч., то мы убѣдимся, что въ нашемъ распоряженіи очень мало времени, и что потому его нужно цѣнить очень высоко.

Время движется впередъ своимъ чередомъ, и мы безсильны вернуть хотя бы одно мгновеніе изъ прошлаго. Изъ этого слѣдуетъ, что, во избѣжаніе самоупрековъ и угрызеній совѣсти, мы должны разсчитывать каждую минуту своего существованія. Время—это, въ нѣкоторомъ родѣ, священный даръ, и каждый нашъ день, это—жизнь въ миниатюрѣ.

Въ наше время, въ особенности, каждый разумный человекъ можетъ при желаніи, въ минуту отдыха, найти самое разнообразное наслажденіе. Къ его услугамъ всевозможныя произведенія литературы и искусства, онъ всегда можетъ найти друзей, подходящихъ къ его душевному складу—однимъ словомъ, во власти каждаго находить осмысленное препровожденіе времени. Не мало людей, которые всегда скучаютъ сами и наводятъ тоску на другихъ своими жалобами на отсутствіе радостей въ жизни, на отсутствіе интересовъ. Такіе люди достойны сожалѣнія! Все кругомъ насъ зоветъ къ себѣ и манитъ, въ жизни столько не разрѣшенныхъ вопросовъ, столько любопытнаго для того, кто живетъ разумно, что некогда тратить время на скуку и жалобы.

П. Л.

75. Величайшая изъ потерь—есть потеря времени.

Вступленіе.

Люди иногда не дорожатъ самымъ цѣннымъ сокровищемъ—временемъ.

Изложеніе.

1. Время—сокровище:

- а) имъ должно пользоваться для самоусовершенствованія;
- б) для оказанія помощи окружающимъ.

2. И потому временемъ нужно дорожить:

- а) *ars longa, vita brevis est*
[наука, (искусство) бездонно, а жизнь коротка];
- б) „время—деньги“¹⁾.

Заключеніе.

Время не ждетъ, надо имъ разумно пользоваться, чтобъ не предаваться впослѣдствіи мучительному раскаянію.

[Свидѣтельства поэтовъ.

- а) О, смертный, жизнь стрѣлою мчится!
(Жуковскій)
- б) Время катитъ чередомъ,
Часъ за часомъ, день за днемъ.
(Ершовъ: „Конекъ-горбунокъ“).
- в) Трудись пока трудиться можешь,
Иль часъ ударитъ роковой. (Гофманъ)].

¹⁾ „Время—деньги“ (*Time is money*)—надпись на городскихъ часахъ въ нѣкоторыхъ городахъ Сѣверной Америки. Выраженіе это приписывается Диогену Лаертскому.

№ 76. Время терпѣнью, Время трудамъ, Время ученью, Время гульбамъ.

(См. соч. № 74 и 75).

№ 77. Надежды и воспоминанія въ жизни людей.

Вступленіе.

Въ чемъ заключается сущность надежды и воспоминанія?

Изложеніе.

Значеніе надежды и воспоминанія;

А. Положительныя стороны надежды:

1. Надежда побуждаетъ насъ къ труду;
2. Надежда служитъ намъ поддержкой въ несчастяхъ;
3. Надежды освѣжаютъ насъ представленіемъ лучшаго будущаго.

А. Положительныя стороны воспоминанія:

1. Служитъ намъ поддержкой въ несчастяхъ.
2. Печальное настоящее находитъ въ воспоминаніяхъ надежду на лучшее будущее.

Б. Отрицательныя стороны надежды и воспоминанія:

1. Надежда пріучаетъ насъ къ лѣни;
2. Воспоминанія вызываютъ безсильную тоску.

Заключеніе.

Нравственная сила надежды.

Обыкновенно, въ жизни каждаго человека найдутся моменты, когда онъ по той или другой причинѣ недоволенъ настоящимъ; въ этомъ случаѣ его замѣняетъ будущее, которое человекъ всегда рисуетъ благопріятнымъ. Эта мысленная замѣна печальнаго настоящаго возможнымъ лучшимъ будущимъ и можно назвать надеждой. Всегда человекъ мыслитъ свое будущее непременно лучшимъ, и въ этомъ заключается источникъ существованія надежды. Точно такъ же, какъ человекъ заглядываетъ въ свое будущее, онъ оглядывается и на свое прошлое, при чемъ, и тутъ онъ останавливается почти всегда на отраднѣхъ явленіяхъ.

Значеніе надежды въ жизни человека огромно, а польза, ею приносимая, является весьма существенной. Самымъ главнымъ условіемъ

нормального существованія человѣка является трудъ, который былъ бы немислимъ, если бы не было надежды; сущность труда сводится къ тому, что даетъ надежду трудящемуся извлечь изъ него ту или иную пользу; и дѣйствительно, былъ бы мыслимъ трудъ, если бы трудящійся не надѣялся получить отъ него ту или другую пользу? Разумѣется, что нѣтъ. Однако, очень часто бываетъ такъ, что вслѣдъ за трудомъ непосредственной пользы не получается, но трудъ является переходной ступенью къ величайшимъ открытіямъ. Обыкновенно, если трудящемуся трудъ не далъ непосредственныхъ результатовъ пользы, бываетъ, что трудящійся предается отчаянію. Наличие же надежды исключаетъ какое бы то ни было отчаяніе и вселяетъ въ душѣ человѣка бодрость и жизнерадостность. Надежда усиливаетъ нашу способность къ дѣятельности сознаніемъ возможности лучшаго будущаго. Не только въ несчастіяхъ, но и при обыкновенныхъ условіяхъ жизни, надежда отрываетъ насъ отъ будничной обстановки сѣрой повседневности и переноситъ насъ въ міръ идеальный, возвышающій и облагораживающій человѣческую душу.

Подобно надеждѣ и воспоминаніе поддерживаетъ насъ въ несчастіяхъ сознаніемъ того, что и когда-то, въ прошломъ, посѣтили насъ несчастія, которыхъ мы благополучно минули и надѣемся избавиться и отъ постигшихъ насъ въ настоящее время. Очевидно, что воспоминаніе порождаетъ надежду, которая даетъ намъ силы вѣрить въ возможность лучшаго будущаго.

Кромѣ того, воспоминаніе вліяетъ на человѣческую натуру облагораживающимъ образомъ; воспоминаніе о прежней честной мирной жизни возвращаетъ потерявшаго нравственность человѣка къ его прежней жизни; одно воспоминаніе объ отвратительномъ образѣ прежней жизни прикрѣпляетъ такого человѣка къ честной, мирной жизни и примѣрнымъ поведеніемъ возвращаетъ ему утерянное честное имя.

Кромѣ указанныхъ нами положительныхъ сторонъ надежды и воспоминанія, они обладаютъ также и отрицательными чертами. Злоупотребленіе этими выдающимися качествами человѣка приноситъ одинъ вредъ. Человѣкъ, слишкомъ надѣющійся на лучшее будущее, на то, что все идетъ къ лучшему и обойдется хорошо, очень легко становится бездѣятельнымъ. Слишкомъ частыя воспоминанія, т. е. жизнь въ прошломъ, обыкновенно вызываютъ тоску, парализующую всякую дѣятельность.

Итакъ, значеніе надежды огромно. Еще большее значеніе приобретаетъ она, какъ сила нравственная. Надежда на то, что люди станутъ когда-то идеальными, безупречными, что въ мірѣ исчезнетъ всякая не-

правда, и по братски заживутъ люди, памятуя изреченіе: „люби ближняго какъ самого себя“—надежда на это рождаетъ идеалъ, который облагораживаетъ насъ и даетъ намъ источникъ вѣры въ свои собственные силы и въ силы окружающихъ насъ людей для проведенія идеала въ жизнь.

Бобровъ.

№ 78. Хорошія и дурныя стороны надежды.

(См. соч. № 77).

№ 79. На Бога надѣйся, а самъ не плошай.

(См. соч. № 77).

№ 80. Надежда—сонъ бодрствующаго человѣка.

Руссо.

(См. соч. № 77).

№ 81. Воспоминаніе и надежда—утѣшенія въ бѣдствіяхъ.

(См. соч. № 77).

№ 82. Скупость и бережливость.

Скупость и бережливость тѣсно соприкасаются между собой, существенно въ то же время отличаясь другъ отъ друга. Подъ скупостью въ обширномъ смыслѣ этого слова разумѣется жажда человѣка къ приобрѣтенію ради самого обладанія приобрѣтаемыми вещами, въ наше время, главнымъ образомъ, деньгами. Бережливость же есть разумная воздержанность отъ того, что намъ не по средствамъ, ради употребленія берегаемаго на болѣе необходимое. Такимъ образомъ, существенное различіе между этими двумя человѣческими качествами сводится къ тому, что для скупого деньги—цѣль, для бережливаго—средство. Излишняя мелочность въ расходахъ, слишкомъ большая приверженность къ материальной сторонѣ жизни часто бываютъ причинами того, что человѣкъ изъ бережливаго дѣлается скупымъ.

Скупость обыкновенно выражается вмѣстѣ и положительнымъ и отрицательнымъ образомъ: скупой старается приобрести какъ можно больше имущества въ обширномъ смыслѣ этого слова и, разъ приобрѣтя, уже не выпускаетъ изъ своихъ рукъ, хотя бы даже и во вредъ себѣ, боясь потерять его. Такъ, Плюшкинъ каждую получаемую копѣйку немедленно пряталъ въ шкафъ, гдѣ ей суждено было лежать до смерти хозяина; онъ собиралъ всѣ предметы, которые попадались ему на глаза, даже совершенно ненужные и безцѣльные, въ родѣ старой подошвы отъ сапога. Въ то же время онъ старался по возможности ничего не давать изъ своего имущества, заставляя дворню голодать, держалъ нѣсколько лѣтъ наливку, хотя она уже совершенно испортилась и проч. Такое неразумное, недостойное человѣка отношеніе къ своему имуществу, которое онъ дѣлаетъ какимъ-то идоломъ и кланяется и служитъ ему, сплошь и рядомъ, оказываетъ чрезвычайно дурное вліяніе на его характеръ. Онъ становится и смѣшнымъ и жалкимъ въ своей скарденности; въ то же время дѣлается досадно на него за то, что столько средствъ, которыя и ему могли бы приносить пользу, лежатъ безъ оборота, не приносятъ пользы и народу. И внѣшняя обстановка вокругъ скупого измѣняется: онъ старается по возможности всѣми силами сократить свои расходы, живетъ грязно, безъ всякихъ удобствъ, верѣдко голодаетъ, лишь бы истратить поменьше. Эта гибельная страсть къ стяжанію часто убиваетъ въ душѣ скупого всякое человѣческое чувство: стремясь къ безсмысленной наживѣ, онъ не вѣдаетъ ни жалости, ни состраданія, въ немъ умираетъ и родственное чувство; онъ не подаетъ и копѣйки нищему, хотя бы зналъ, что этимъ избавляетъ его отъ голодной смерти, ему жаль будетъ и этой мелкой монеты.

Такова неприглядная картина скупости. Совсѣмъ другое представляетъ собою бережливость. Бережливый человѣкъ также старается приобрести частнымъ трудомъ (а не всѣми возможными способами, какъ скупой) возможно больше для удовлетворенія своихъ нуждъ, онъ также не любитъ зря тратить приобретеннаго; но если онъ видитъ, что расходъ необходимъ, что онъ принесетъ пользу, онъ не остановится передъ нимъ. Для него цѣль—безбѣдная жизнь; онъ не хочетъ имѣть долговъ, хочетъ сохранить душевное спокойствіе, а потому рассчитываетъ свои доходы и расходы. Онъ не бросаетъ денегъ на пустяки, на прихоти, а употребляетъ ихъ на дѣйствительно нужное и вообще полезное.

Слѣдствіемъ такого образа жизни и бываетъ то, чего ищетъ бережливый: спокойствіе совѣсти, души, отсутствіе острой нужды или сознанія, что деньги истрачены безплодно. Истинно-добрый, бережливый человѣкъ всегда готовъ помочь своимъ ближнимъ, если онъ видитъ, что

помощь дѣйствительно необходима и можетъ принести пользу, такъ какъ ему не чужды любовь и милосердіе; онъ знаетъ, какъ тяжела нужда, а потому готовъ вырвать ближняго изъ ея когтей.

Несомнѣнно, бережливость лучше расточительности или даже просто неразсчетливой траты денегъ; но всегда надо слѣдить за собой, чтобы не дать развиться скупости изъ бережливости; воздерживаясь отъ извѣстнаго расхода, всегда надо спросить себя, вызывается ли это воздержаніе необходимостью, или благоразуміемъ, или желаніемъ сохранить возможно больше денегъ въ карманѣ, такъ какъ уже изъ вышеизложеннаго видно, что, если бережливый человѣкъ внушаетъ къ себѣ сочувствіе и заслуживаетъ полного уваженія за свой умъ и силу воли, то скупой, у котораго часто притупляются всѣ лучшія человѣческія чувствованія, способенъ возбуждать отвращеніе.

Д. Д. Полевой.

№ 83. Истинное богатство не въ приобретеніи, а въ сохраненіи.

(См. соч. № 82).

№ 84. Блюди хлѣбъ про ѣду, а копѣйку про бѣду.

(См. соч. № 82).

№ 85. Скупой богачъ бѣднѣе нищаго.

(См. соч. № № 66 и 82).

№ 86. Скупость—не глупость, бѣдность не порокъ.

(См. соч. № 66 и 82).

№ 87. Здоровье—высшее благо.

П Л А Н Ъ.

Приступъ.

Взаимоотношеніе души и тѣла.

Изъясненіе темы.

1) Вліяніе тѣлеснаго здоровья на здравость мыслей, на бодрость настроенія;

2) только здоровый способен къ планомѣрному труду.

Примѣры, подтверждающіе высказанное положеніе:

- 1) Библейскій Іовъ;
- 2) Александръ Македонскій въ послѣдніе годы своей жизни;
- 3) Жанъ Жакъ Руссо;
- 4) „Самоизгнанникъ“ Паскаль;
- 5) Гоголь.

Свидѣтельства:

- 1) библейскія изреченія;
- 2) народныя пословицы;
- 3) слова поэтовъ.

Заключеніе.

„Береги здоровье смолоду“.

Естествоиспытатели новаго времени, отыскивая связь между внѣшнимъ, физическимъ и внутреннимъ, психическимъ, установили законъ взаимоотношенія тѣла и души. Средневѣковые ученые, отрицая все видимое, матеріальное, оставались вѣрны основному положенію своего міровоззрѣнія: „духъ бодръ, плоть же немощна“, но положеніе это давно оставлено наукой; теперь приходится измѣнить его въ такомъ смыслѣ: „духъ бодръ, когда здорова плоть“.

Степень тѣлеснаго здоровья вліяетъ самымъ непосредственнымъ образомъ на общее настроеніе человѣка, на оптимистическую или, напротивъ, пессимистическую окраску его взглядовъ и мыслей. Когда библейскій Іовъ былъ здоровъ, онъ видѣлъ во всемъ проявленіе Божественнаго правосудія; онъ славилъ мудрость міровыхъ законовъ, но какъ только тяжелый недугъ посѣтилъ этого оптимиста, изъ устъ его раздаются рѣчи, которыя поразили сердца друзей Іова своей безнадежностью и дерзкимъ вызовомъ небесамъ. Александръ Македонскій, „великодушнѣйшій изъ царей“, какъ говорили греки, подъ вліяніемъ разстроеннаго здоровья сталъ крайне недовѣрчивымъ и раздражительнымъ, и разъ въ минуту гнѣва собственноручно убилъ лучшаго своего полководца, спасшаго однажды жизнь Александру. Вскорѣ послѣ этого царь пришелъ въ себя и сталъ предаваться отчаянью: „я убилъ своего вѣрнаго друга и благодѣтеля“—воскликнулъ онъ.—„Нѣтъ, не ты убилъ его, а болѣзнь твоя“—говорили Александру окружающіе.

Одинъ изъ величайшихъ умовъ Франціи—Жанъ Жакъ Руссо отличался общительностью и любовью къ людямъ, но постепенно, благодаря все прогрессирующей болѣзни, сталъ страшно мнителенъ и суевѣ-

ренъ; онъ удалился изъ города, „изгналъ самъ себя“, какъ говорили его современники, въ пустыню. Физическія испытанія Паскаля окрасили въ особый мистическій цвѣтъ все его мысли; передъ смертью, услышавъ возгласъ своей сестры, стоящей у постели страдальца: „о, мой несчастный братъ“, Паскаль произнесъ свою знаменитую фразу: „не я несчастенъ, несчастно человѣчество“. Послѣдніе годы нашего Гоголя были окутаны мракомъ разочарованья въ своихъ творческихъ силахъ, въ достоинствѣ всего созданнаго. Больной Гоголь сжегъ второй томъ „Мертвыхъ душъ“, надъ которымъ столько лѣтъ неустанно работалъ.

Только здоровый человѣкъ способенъ къ планомѣрному труду; больной можетъ творить лишь урывками, неровно, а иногда и бесплодно. Больной въ тягость другимъ и себѣ; онъ привязанъ къ одной мѣстности, лишенъ возможности путешествовать, видѣть близкихъ людей, наслаждаться созерцаніемъ природы; онъ не живетъ, а влачитъ жалкое существованіе.

Неудивительно поэтому, что мудрецы и поэты всѣхъ временъ прославляли здоровье. „Здоровье—говоритъ Іисусъ сынъ Сираховъ—дороже всякаго золота“. Гораций воспѣлъ здоровье въ такихъ стихахъ:

Si ventri bene, si lateri est, pedibusque tuis: nihil
 Divitiae poterunt regales addere majus
 (Если желудокъ, легкія и ноги твои здоровы,
 ничего богатства царскія не могутъ дать тебѣ больше).

Пѣвецъ свободнаго крестьянскаго труда, раздѣленной любви и молодечкой удали—Кольцовъ видѣлъ въ здоровьѣ необходимое условіе счастья. „Какъ здоровъ да молодъ“—говоритъ онъ въ стихотвореніи „Молодое время“—

Безъ веселья веселъ;
 Безъ призыва—счастье
 И валить и ѣдетъ.

Приведемъ еще удачное выраженіе Прудона: „добродѣтель есть здоровье души, а здоровье—добродѣтель тѣла“.

Изъ всего сказаннаго поневолѣ вытекаетъ одинъ выводъ: каждый обязанъ заботиться о своемъ здоровьѣ, которое, по словамъ пословицы, дороже денегъ, парчи и шелку.

Гусевъ.

№ 88. Береги здоровье смолоду.

(См. соч. № 87).

№ 89. *Mens sana in corpore sano.*

(См. соч. № 87).

№ 90. „Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ“.

Пушкинъ.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Обстоятельства, при которыхъ вырвалось у Пушкина приведенное восклицаніе.

Изложеніе.

Объясненіе страннаго на первый взглядъ явленія: у человѣка можетъ быть много знакомыхъ и въ то же время ни одного искренняго друга.

1. Причины, лежащія въ характерѣ окружающей среды.

2) Въ свойствахъ самого человѣка, жалующагося на свое одиночество.

Заключеніе.

Жалобы Аристотеля и Сенеки.

Въ элегическомъ стихотвореніи: „Всегда такъ будетъ“ Пушкинъ дѣлаетъ глубоко-грустное признаніе: „Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ!“. Если вспомнить, какъ безнадежно-одинокъ былъ великій поэтъ въ великосвѣтской средѣ, въ которой онъ вращался; какъ ненавидѣла его эта среда, явила насмѣшками и всячески пыталась нарушить его семейный миръ и въ то же время старалась внѣшнимъ образомъ выразить удивленіе и восторгъ передъ гениемъ, то восклицаніе Пушкина становится совершенно законнымъ и понятнымъ.

Особенно сильно чувство одиночества охватываетъ человѣка въ большомъ обществѣ, въ которомъ имѣется много знакомыхъ, но нѣтъ, къ несчастью, ни одного искренняго друга. Есть природы замкнутыя, не нуждающіяся въ духовной поддержкѣ близкихъ людей: они, по выраженію одного писателя, „меньше всего одиноки, когда одни“; таковъ былъ нашъ Гоголь, всю жизнь избѣгавшій людей и ни разу не открывшій своихъ завѣтныхъ думъ даже друзьямъ. Но великій авторъ «Евгенія Онѣгина» былъ человѣкомъ общительнымъ и откровеннымъ; онъ не могъ жить въ гордомъ одиноствѣ, и постоянно, хотя и бесплодно, „искалъ кругомъ родной души“, искалъ въ пустынь—увы!—не безлюдной. Нерѣдко протягивалъ онъ руку людямъ недостойнымъ, и скоро, конечно,

разочаровывался въ представителяхъ свѣтской черни, заклеянной восторженнымъ поклонникомъ Пушкина—Лермонтовымъ въ его знаменитой одѣ-сатирѣ.

Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ?

Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ?—спрашиваетъ въ глубокой тоскѣ Лермонтовъ, оплакивая смерть гениальнаго поэта.

Чѣмъ можно вообще объяснить такое явленіе: у человѣка можетъ быть много знакомыхъ и въ то же время ни одного преданнаго друга? Причина иногда заключается въ характерѣ окружающей среды. Писателю, артисту, общественному дѣятелю приходится вращаться въ разныхъ кругахъ, завязывать сношенія съ многими нужными людьми, хотя эти люди и мало интересны сами по себѣ, а порою весьма несимпатичны по своимъ нравственнымъ качествамъ и политическимъ убѣжденіямъ. Знакомыхъ у такого дѣятеля будетъ очень много, а друга можетъ и совсѣмъ не быть. Наконецъ, объясненіе этому печальному явленію нерѣдко приходится искать въ свойствахъ самого человѣка, жалующагося на свое одиночество. Такъ, Лермонтовъ всегда жаждалъ истинной дружбы и умѣлъ оставаться вѣрнымъ даже памяти покойныхъ друзей, что блестяще было доказано имъ въ трогательной элегій: „Памяти князя А. Одоевскаго“, но рѣзкость словъ, склонность къ язвительной насмѣшкѣ, злое остроуміе, которое „ради краснаго слова не пощадитъ роднаго отца“—все это отталкивало отъ Лермонтова людей и дѣлало его одинокимъ и нелюбимымъ, и нашъ поэтъ, можетъ быть, даже съ большимъ правомъ, чѣмъ Пушкинъ, могъ сказать объ отношеніи къ нему окружающихъ: „знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ“. И не одни наши поэты были одиноки въ большомъ обществѣ. Уже Сенека говорилъ:

Hominibus plenum, amicis vacuum
(полно людьми, пусто друзьями),

а Аристотелю приписываютъ такое восклицаніе:

О друзья, нѣтъ друга!

Гусевъ.

№ 91. Почему юность есть цвѣтущее время дружбы?

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Старикъ грустно улыбается надъ толстымъ альбомомъ своего внука. Какъ скоро его самого забыли его школьные друзья!

Изложение.

Почему въ юности имѣють, или воображаютъ, что имѣють, такъ много друзей?

А. У каждаго юноши есть множество друзей.

- 1) Онъ хочетъ наслаждаться жизнью, а общительность возвышаетъ всякую радость. Человѣкъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ думаетъ о болѣе серьезныхъ вещахъ, и довольствуется обществомъ своихъ домашнихъ.
- 2) Въ юности охотно оказываютъ другимъ маленькія услуги; болѣе крупныя жертвы не требуются. Мужъ долженъ прежде всего заботиться о своемъ семействѣ.
- 3) Юноша любитъ подѣлиться самъ своими мыслями и чувствами и принять участіе въ другомъ; человѣка же зрѣлаго большая глубина чувствъ, самостоятельность, осторожность и боязнь запутаться въ чужихъ заботахъ—дѣлають осторожнѣе.
- 4) Различіе въ возрѣніяхъ, въ правилахъ, въ склонностяхъ, въ привычкахъ—служить, можетъ быть, къ воодушевленію юношеской бесѣды; позже, при болѣе серьезномъ пониманіи жизни, оно даже вредитъ хорошимъ отношеніямъ.

Б. Но и юноша долженъ оглядываться, не враги-ли его тѣ, которыхъ онъ считаетъ друзьями,—

- 1) когда они склоняють его къ праздности и легкомыслію;
- 2) когда они изъ простодушія или даже изъ своекорыстія укореняють въ немъ его недостатки.

Заключение.

Истинная дружба есть высокое благо, и каждому пріятно вспомнить такихъ друзей, какъ Давидъ и Ионаанъ, Орестъ и Пилапъ, Дамонъ и Финтиасъ.

№ 92. Съ разборомъ выбирай друзей!

Наперекоръ эгоизму, человѣкъ всегда доступенъ привязанностямъ. Каждому изъ насъ не трудно припомнить встрѣчи съ людьми, которые производили впечатлѣніе на насъ тѣмъ или другимъ способомъ; одни изъ этихъ впечатлѣній, при болѣе тѣсномъ общеніи, сглаживаются, даже исчезаютъ, другіе всплываютъ, упрочиваются, и тогда возникаетъ между

людьми чувство дружбы. Законы дружбы величественны и вѣчны, какъ законы нравственности и природы. Никогда не найдешь дружбы тотъ, кто будетъ искать въ ней какихъ-либо мелкихъ, эгоистическихъ выгодъ, кто будетъ видѣть въ дружбѣ средство къ достиженію чего-либо, а не самую цѣль. Откровенность и привязанность суть два необходимыхъ элемента дружбы. Если мы настолько откровенны съ человѣкомъ, что говоря съ нимъ, какъ бы мыслимъ въ слухъ, и настолько привязаны, что все его радости и горести принимаемъ такъ же близко къ сердцу, какъ и свои собственныя, то такой человѣкъ, несомнѣнно, другъ намъ. Цѣль дружбы: установленіе связи столь тѣсной и неразрывной, какая только можетъ быть постигнута человѣкомъ. Друзья, обыкновенно, дополняютъ другъ друга: что не понято однимъ, разъясняется другимъ, на что одинъ не обращаетъ вниманія, то восстанавливается вторымъ, они открываютъ другъ другу все новые и новые горизонты и рука объ руку идутъ по пути развитія, взаимно поддерживая и ободряя другъ друга. Духовное сродство и сочувствіе необходимы для всякаго сближенія. Нерѣдко приходится наблюдать, какъ собирается большое общество людей, не имѣющихъ между собою ничего общаго; они скучаютъ до нелзя, ибо нѣтъ у нихъ общей почвы. Конечно, требованія, предъявляемыя различными людьми къ дружбѣ, весьма различны; чѣмъ эти требованія возвышеннѣе, тѣмъ труднѣе человѣку найти себѣ друга по душѣ. Въ виду большого значенія дружбы въ жизни каждаго изъ насъ, необходимо самое осторожное обращеніе съ такимъ священнымъ словомъ, какъ слово другъ, и называть имъ лишь людей, дѣйствительно достойныхъ нашей дружбы. Развѣ мы не встрѣчаемъ, подчасъ, людей, которые, будучи ослѣплены своимъ собственнымъ величіемъ и, сознавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, всю беспочвенность такого высокаго о себѣ мнѣнія:

Съ умомъ людей бояться

И терпятъ при себѣ охотно дураковъ.

Для нихъ это имѣетъ большое значеніе: они отдаляютъ отъ себя всѣхъ, кто могъ бы прикосновеніемъ критической мысли попортить блескъ сусальнаго золота, которымъ они себя сами же облѣпили и терпятъ лишь тѣхъ, кто сознательно, ради собственныхъ выгодъ, или безсознательно преклоняется предъ ними. Чувства дружбы не должны касаться низкіе расчеты, съ разборомъ слѣдуетъ выбирать друзей, цѣнить ихъ искренность, забывать мелкія недоразумѣнія и имѣть всегда въ виду высокую цѣль дружбы: взаимно разъяснять и облегчать жизнь. При соблюденіи этихъ условій, дружба останется всегда однимъ изъ тѣхъ чувствъ, которыя возвышаютъ и облагораживаютъ человѣка.

П. Л.

№ 94. Не по хорошему милъ, а по милу хорошъ.

Взаимныя отношенія людей весьма разнообразны: одни любятъ, другіе ненавидятъ другъ друга, нѣкоторые дружатъ между собой и т. д. Разберемъ всѣ эти случаи и укажемъ на то, что руководитъ нами въ подобнаго рода отношеніяхъ. Если поглубже всмотрѣться въ человѣческую жизнь, то можно замѣтить странное явленіе: мы въ состояніи полюбить, подружиться и даже возненавидѣть кого-нибудь, вопреки всякимъ доводамъ разсудка. Во всѣхъ случаяхъ руководитъ нами, можно сказать, не разумъ, а какое то внутреннее влеченіе, котораго объяснить даже нельзя. Каждому изъ насъ несомнѣнно приходилось сталкиваться съ такими людьми, которые съ перваго разу почему то произвели на насъ хорошее впечатлѣніе, понравились намъ, и мы, даже не узнавъ ихъ поближе, не ознакомившись съ ихъ внутреннимъ міромъ, готовы защищать ихъ, если кто станетъ раскрывать передъ нами ихъ крупныя недостатки, присущіе имъ въ дѣйствительности. Примѣромъ высказанной мысли служить любовь, которая можетъ проявиться между людьми, вовсе не узнавшими другъ друга, но крѣпко связанными какимъ то взаимнымъ безотчетнымъ влеченіемъ. Такъ, напримѣръ, изъ комедіи Грибоедова „Горе отъ ума“ мы видимъ, что Софья полюбила Молчалина, а Чацкаго оттолкнула отъ себя. Никто не станетъ отрицать, что первый стоялъ гораздо ниже послѣдняго во всѣхъ отношеніяхъ. И несмотря на то, что побужденія Молчалина низменны и гадки, что въ своихъ поступкахъ онъ доходитъ до подлости, Молчалинъ милъ Софьѣ; она любитъ его страстно, толкуетъ его недостатки въ хорошую сторону, а умнаго, образованнаго, молодого Чацкаго, друга своего дѣтства, третируетъ на каждомъ шагу. Чѣмъ же мы объяснимъ любовь Софьи къ Молчалину? Ужъ не тѣмъ ли, что она, будучи глупа, не могла замѣтить его недостатковъ? Но Софья умная дѣвушка, не лишенная образованія и, слѣдовательно, дай она заговорить своему разсудку, ни въ коемъ случаѣ не полюбила бы Молчалина; очевидно тутъ главную роль игралъ не разсудокъ, а то внутреннее влеченіе, которое не поддается анализу. Подъ вліяніемъ чувства Софья боготворитъ Молчалина и, пожалуй, наговоритъ кучу дерзостей тому, кто первый возьмется разоблачить его. Другьямъ своимъ мы очень часто прощаемъ всѣ ихъ недостатки, потому что они намъ милы, мы видимъ въ нихъ только хорошую сторону, а дурную всегда оправдываемъ. Лермонтовъ въ „Героѣ нашего времени“ даетъ намъ прекрасный примѣръ въ подтвержденіе нашей мысли. Максимъ Максимычъ любитъ Печорина, считаетъ его своимъ другомъ, поэтому прощаетъ ему всѣ его недостатки,

а у Печорина было ихъ не мало. Печоринъ эгоистъ до глубины души. Вся его разочарованность въ людяхъ есть результатъ величайшаго эгоизма. Печоринъ хотѣлъ бы, чтобы всѣ люди восторгались имъ, носили его на рукахъ, чтобы передъ нимъ курили оймѣамъ, забывая, что онъ ничѣмъ не заслужилъ этого. „Презрѣнная“ толпа весьма холодно относится къ нему, Печорину, который считаетъ себя какимъ-то непризнаннымъ гениемъ. И вотъ онъ начинаетъ мстить толпѣ, выказывая жестокость къ каждому отдѣльному человѣку. Если мы рассмотримъ отношенія Печорина къ княгинѣ Лиговской, къ Мэри, Балѣ, къ Максиму Максимычу, то увидимъ какое то тупое жестокосердіе, ничѣмъ не заслуженное этими лицами. Однако, Максимъ Максимычъ, который вѣроятно имѣлъ много случаевъ убѣдиться, кто таковъ Печоринъ, все-таки любитъ его и прощаетъ ему, во имя этой любви, всѣ его недостатки. Родителей своихъ и родственниковъ мы любимъ, они намъ милы, и поэтому мы снисходительно относимся къ ихъ слабостямъ и даже преувеличаемъ ихъ достоинства. То же самое мы замѣчаемъ по отношенію къ своей родинѣ. Къ послѣдней мы привязаны, она намъ мила. Мы находимъ въ ней такія красоты, прелести, которыхъ другой или не замѣчаетъ, или даже отрицаетъ. Мы переносимъ невзгоды въ родной сторонѣ, предпочитая ихъ удобствамъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ трудомъ человѣкъ разстается со своей родиной, бросаетъ насиженное мѣсто. Все это происходитъ не потому, что здѣсь вамъ лучше живется, а оттого, что родина намъ мила и дорога. Итакъ, наша любовь къ любимому человѣку, къ родителямъ, друзьямъ, родинѣ не происходитъ отъ того, что они хороши, а потому, что они намъ милы; если же они намъ милы, то мы находимъ въ нихъ и высокія нравственныя достоинства.

М. Ефимовъ.

№ 95. Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ, на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ.

Великій русскій баснописецъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ, изображая то подъ видомъ представителей животнаго царства, то подъ видомъ представителей растительнаго царства, различныя отношенія людей какъ въ общественной ихъ жизни, такъ и въ частной, и часто осмѣивая ихъ, далъ намъ не мало такихъ указаній, которыя являются очень полезными для нашей практической жизни.

Между многими его баснями такого поучительнаго характера заслуживаетъ особеннаго вниманія басня: „Лебедь, Щука и Ракъ“, гдѣ вы-

раженъ совершенно вѣрный взглядъ на великую силу согласія, которое, по мнѣнiю баснописца, и должно быть положено въ основу дѣятельности всякаго человѣка. Разсказавъ о томъ, какъ Лебедь, Щука и Ракъ, взявши везти возъ, не могли даже сдвинуть его съ мѣста въ силу того, что они тянули возъ по противоположнымъ направленiямъ, Крыловъ замѣчаетъ: „когда въ товарищахъ согласія нѣтъ, на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ“. Насколько глубоко справедлива эта мысль, можетъ видѣть всякій, если повнимательнѣе присмотрится къ окружающей насъ жизни. Всякая работа идетъ гораздо успѣшнѣе, если въ ней принимаютъ участiе нѣсколько человѣкъ, и одинъ помогаетъ другому. Подобно тому, какъ лодка по теченiю рѣки идетъ быстрѣе, чѣмъ противъ теченiя, такъ какъ къ работѣ гребца присоединяется сила теченiя, точно такъ же и въ дѣятельности людей всякое предпринятое дѣло легче и быстрѣе выполняется, если старанiя всѣхъ направляются въ одну сторону. Далекое не такъ дѣло обстоитъ при несогласiи: въ этомъ случаѣ то, что дѣлается однимъ, уничтожается другимъ, и препятствiя, которыя нужно преодолѣть, увеличиваются. Исторiя даетъ намъ очень много примѣровъ того, какое великое значенiе и силу имѣетъ согласная дѣятельность членовъ общества, и какiя губительныя послѣдствiя влекутъ за собою несогласiя и раздоры. Удѣльный перiодъ русской исторiи представляетъ цѣлый рядъ фактовъ, подтверждающихъ справедливость выраженной въ баснѣ мысли. Хорошо извѣстно, что пока Ярославичи жили мирно и находились въ согласiи, они успѣшно боролись съ врагами Россiи, но лишь только начались внутреннiе раздоры, какъ борьба стала для отдѣльныхъ князей все труднѣе, и, наконецъ, печальнымъ слѣдствiемъ всего было то, что Русь подпала подъ владычество татаръ. Тяжелое подчиненное положенiе заставило послѣдующихъ князей оставить личные счеты и соединиться. И вотъ мы видимъ, что большая часть князей, единодушно соединившись подъ знаменемъ Дмитрiя Донскаго въ Куликовской битвѣ, нанесли страшное пораженiе татарамъ и избавляются отъ ненавистнаго ига.

Итакъ, наблюденiе надъ обыденной жизнью и факты исторiи краснорѣчиво говорятъ за то, что „concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur“.

Н. Никитинъ.

№ 96. Значенiе согласiя въ жизни людей.

П Л А Н Ъ.

Вступленiе.

„Единенiе—источникъ силы“.

Главная часть.

Значенiе согласiя въ жизни людей:

- а) въ государственной и общественной жизни,
- б) въ научно-культурной,
- в) въ семейной.

Заключенiе.

Крыловъ и Л. Толстой о значенiи согласiя въ жизни людей.

Русскiй народъ въ своихъ пословицахъ — этихъ отраженiяхъ его многовѣкового опыта и житейской мудрости — нерѣдко весьма удачно и точно отмѣчалъ значенiе того или другого факта въ жизни людей. Его долгая жизнь, подчасъ трудная и наполненная многими лишениями, выработывала въ немъ опредѣленные взгляды, извѣстные воззрѣнiя на всѣ ея проявленiя, которые онъ и запечатлѣвалъ въ своихъ пословицахъ. Въ одной изъ нихъ, которая послужила эпиграфомъ нашего вступленiя, говорится о значенiи единенiя, согласiя въ жизни людей. «Единенiе говоритъ русскiй народъ, это источникъ силы». Если нужна сила при достиженiи желательныхъ результатовъ въ какой-бы то ни было области человѣческой жизни, то ее можно почерпнуть въ единенiи. Объединитесь въ одно неразрывное цѣлое, задайтесь одними цѣлями, стремитесь къ нимъ и вы ихъ достигнете. Такъ разсуждаетъ народъ. Дѣйствительно ли въ согласiи можно черпать силу? Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы нѣсколько подробнѣе остановимся на томъ значенiи, какое имѣетъ согласiе, единенiе въ жизни людей.

Наиболѣе важное и замѣтное значенiе имѣетъ согласiе въ государственной и общественной жизни. Трудно представить себѣ въ какомъ состоянiи находится государство, народъ или общество, члены котораго не объединены одними стремленiями, желанiями, а находятся въ раздорѣ и несогласiи. Уже не приходится говорить о томъ, что государственный организмъ начинаетъ въ высшей степени неправильно функционировать, и всѣ его отправленiя уже не будутъ имѣть той силы, какую они имѣли раньше. Стоитъ лишь припомнить хотя бы Францiю въ концѣ восемнадцатаго вѣка—въ эпоху знаменательной Французской революцiи—и передъ нами ясна будетъ картина страны, гдѣ царитъ несогласiе, раздоръ, гдѣ одна часть населенiя требуетъ обновленiя, а другая защища-

еть старый порядокъ. Франція переживала тогда состояніе сплошнаго разложенія государственной жизни, когда люди потеряли вѣру во все святое и дѣйствовали исключительно подъ вліяніемъ своихъ дикихъ и разнузданныхъ страстей. И неизвѣстно, что было бы съ Франціей, если бы не появился Наполеонъ и не урегулировалъ ея жизнь.

То же самое пережила Германія послѣ тридцатилѣтней войны. Когда то, могущественная и цвѣтушая, она представляла собою страну, залитую потоками крови, разрозненную, безсильную. А все это было слѣдствіемъ несогласія, постоянныхъ раздоровъ, систематическихъ войнъ между различными частями германскаго населенія. Такимъ образомъ, мы видимъ до чего доводятъ несогласія въ государствѣ или обществѣ. И, напротивъ, когда мы опять-таки обратимся къ исторіи, то найдемъ множество фактовъ, доказывающихъ обратное, т. е., если въ государственной жизни царятъ единомысліе, защищаются одни интересы, то получаютъ и совершенно иные результаты. Бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе нашей древней Руси въ удѣльновѣчевой періодъ и мы увидимъ постоянные раздоры, разрозненность русскаго государства, отсутствіе общности стремленій, — словомъ — полнѣйшая дезорганизация, и что же въ результатѣ? Нашествіе татаръ и ихъ двухсотлѣтнее владычество надъ русскимъ народомъ. А впоследствии, когда всѣ мелкіе князья одумались и всѣ объединились подъ флагомъ Дмитрія Донскаго, они свергли татарское иго, и освободили Русь отъ татарскаго владычества.

Итакъ, согласіе и единеніе въ государственной и общественной жизни имѣютъ громадное значеніе; только при условіи ихъ наличности развитіе государства можетъ итти правильнымъ темпомъ, можетъ расширяться и развивать всѣ стороны своего организма; только при согласіи всѣхъ его членовъ можетъ оно побѣждать всѣ препятствія, лежація на пути къ знанію, прогрессу и цивилизаци.

Единеніе въ научной и культурной жизни имѣетъ также большое значеніе. Польза существованія многочисленныхъ ученыхъ обществъ и союзовъ очевидна; частые за послѣднее время сѣзды въ различныхъ областяхъ человѣческаго знанія имѣютъ важное значеніе въ научной жизни людей. На этихъ сѣздахъ ученые, стекающіеся отовсюду, имѣютъ возможность подѣлиться своими вновь полученными знаніями, вновь сдѣланными открытіями со своими коллегами; имѣютъ возможность получать новыя свѣдѣнія и распространять ихъ каждый въ своемъ государствѣ. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ этихъ обществъ и сѣздовъ наука идетъ впередъ, прогрессируетъ, распространяется. Такими же цѣлями задаются и различныя культурно-просвѣтительныя общества, и объединеніе людей въ эти общества имѣютъ большое значеніе. Особенно

большую пользу приносятъ послѣднія, т. е. просвѣтительныя общества, ставяція своей цѣлью просвѣщеніе, искорененіе темноты и невѣжества въ народной массѣ. И они достигаютъ многого главнымъ образомъ потому, что среди ихъ членовъ царятъ согласіе, они всѣ поставили своей цѣлью распространеніе просвѣщенія среди народа, всѣ объединены одними желаніями.

Люди, занимающіеся искусствомъ, какъ музыканты, художники, литераторы и пр. тоже соединяются въ опредѣленныя группы и образуютъ общества. Объединенными силами они работаютъ въ своей области и ихъ работа далеко не бесполезна: вырабатывая общими силами новые методы, новые приемы, они, такимъ образомъ, двигаютъ впередъ искусство. Намъ остается еще указать на значеніе согласія въ семейной жизни людей. Въ настоящее время приходится все чаще и чаще констатировать факты несогласія въ семейной жизни. И особенно рѣзко обостряется борьба и раздоры между отцами и дѣтьми, борьба, которую прекрасно описалъ Тургеневъ въ своемъ знаменитомъ романѣ: «Отцы и дѣти». Жизнь идетъ впередъ, выдвигаетъ новые вопросы, которые такъ или иначе приходится разрѣшать. Молодое поколѣніе, болѣе чуткое ко всѣмъ проявленіямъ этой жизни, разрѣшаетъ эти вопросы по своему, старое-же, которое видитъ всегда въ старинѣ лучшую жизнь, конечно рѣшаетъ вопросы въ противоположномъ смыслѣ. Здѣсь то и разыгрывается борьба между старыми и молодыми, которая нерѣдко и ведетъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Семья же, собственно, это то же государство, то же общество, объединенное одними цѣлями, и въ семьѣ, какъ и въ государствѣ, для благополучнаго существованія необходимо согласіе и единеніе. Теперь мы выяснили значеніе согласія въ жизни, и уже можемъ отвѣтить на поставленный вопросъ: дѣйствительно ли въ согласіи можно черпать силу? Послѣ всего нами разсмотрѣннаго мы, нисколько не сомнѣваясь, дадимъ положительный отвѣтъ.

Въ заключеніе, чтобы подтвердить изложенное нами, мы приведемъ мнѣнія нашихъ великихъ людей о значеніи согласія въ жизни: мнѣніе Ив. Андр. Крылова и гр. Льва Ник. Толстого. Въ своей замѣчательной баснѣ „Лебедь, Ракъ да Щука“ Крыловъ рассказываетъ намъ, что Лебедь, Ракъ да Щука никакъ не могли сvezти съ мѣста возъ съ поклажей потому, что одинъ изъ нихъ тянетъ вверхъ, другой назадъ, а третій въ воду. И сколько они не тащили возъ, онъ все оставался на мѣстѣ. Изъ своей басни Крыловъ выводитъ такую сентенцію: „когда въ товарищахъ согласія нѣтъ, на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ“. Такимъ образомъ изреченіе Крылова вполне подтверждаетъ наши разсужденія.

У Толстого же рассказывается въ одной изъ его сказокъ, что умирающій крестьянинъ позвалъ къ себѣ своихъ сыновей и попросилъ ихъ переломать вѣникъ. Дѣти никакъ не могли исполнить его просьбы. Тогда онъ развязалъ вѣникъ и просилъ ихъ разломать его по отдѣльному пруту. Они быстро это сдѣлали. Тогда онъ сказалъ: „Вы, дѣти мои, какъ этотъ вѣникъ: если будете жить въ согласіи, не ссориться, васъ никто не побѣдитъ, а когда распаетесь, будете въ раздорѣ, вы скоро пропадете“. Итакъ, теперь мы вмѣстѣ съ народомъ можемъ воскликнуть, что „въ единеніи сила“!

3. Нелидовъ.

№ 97. Единеніе—источникъ силы.

(См. соч. № 95 и 96).

№ 98. „Ужъ изстари, не нынѣ, знать, Что отъ согласія всѣ вещи возрастаютъ“.

(Хелмицеръ).

(См. соч. 95 и 96).

№ 99. Значеніе подражанія въ развитіи человѣка и народа.

Въ послѣднее время громадное число сторонниковъ приобрѣло себѣ ученіе, суть котораго состоитъ въ томъ, что человѣкъ является прототипомъ общества, что индивидуальное развитіе представляетъ собою въ миниатюрѣ развитіе социальное. Принимая это ученіе, можно жизнь каждаго народа подраздѣлить на періоды, отмѣчаемые обыкновенно въ жизни человѣка. Какъ человѣкъ, начиная съ младенчества, переживаетъ послѣдовательно дѣтство, отрочество, юность, мужество, старость и дряхлость, такъ и народъ, зарождающійся, сначала находится въ младенческомъ состояніи, затѣмъ переходитъ къ дѣтству, проходитъ всѣ ступени до старости и, одряхлѣвъ, умираетъ, исчезаетъ. Великіе народы древности, греки и римляне, вполне оправдываютъ это ученіе. Они исчезли въ преклонномъ возрастѣ, совершивъ свой земной путь, какъ совершаетъ его всякій человѣкъ. Въ началѣ своей жизни, въ дѣтскомъ возрастѣ, человѣкъ имѣетъ только одну возможность проявлять свой духъ—эта возможность лежитъ въ подражаніи. Ребенокъ подражаетъ старшимъ, перенимаетъ то, что видитъ, заимствуетъ все изъ окружающей жизни.

Народъ, въ первое время своего развитія, также перенимаетъ у сосѣдей то, что ему нужно. Но, какъ человѣкъ въ отдѣльности, такъ и народъ ограничиваются подражаніемъ лишь въ своемъ дѣтскомъ возрастѣ: оба они не брезгаютъ имъ и въ болѣе позднемъ возрастѣ. Такое заимствование также имѣетъ свое глубокое основаніе, ибо, если въ дѣтствѣ человѣкъ и народъ заимствовали потому, что у нихъ не было ничего или было очень мало своего, и перенимали часто на вѣру, не принимая въ соображеніе того, привьется ли заимствованное у него, то человѣкъ и народъ въ зрѣломъ возрастѣ уже приходятъ къ убѣжденію, что заимствование должно подчиняться извѣстнымъ условіямъ, что заимствование, основанное только на томъ, что перенимаемое приноситъ пользу тамъ, откуда перенимаютъ—неплодотворно. Различіе условій можетъ совершенно измѣнить благотворные результаты заимствованнаго, и только то заимствование можетъ быть полезнымъ и можетъ принести хорошіе плоды, которое сообразуется съ временемъ, мѣстомъ и цѣлымъ рядомъ другихъ условій, съ которыми придется имѣть дѣло заимствованному. Каждый знаетъ по себѣ, что заимствованное безъ одобренія нашего внутренняго міра,—непрочно; сюда можно отнести нѣкоторыя привычки и убѣжденія, принятыя на вѣру. Исторія въ своихъ повѣствованіяхъ краснорѣчиво подтверждаетъ этотъ фактъ: она показываетъ, что всѣ установленія государственныя, заимствованныя лишь потому, что на мѣстѣ ихъ родины они приносятъ дѣйствительную пользу,—такія установленія недолговѣчны и приводили иногда къ печальнымъ результатамъ.

Человѣческая жизнь такъ ограничена, что заимствование необходимо, какъ важный двигатель нашего развитія: существуетъ масса вещей, избобрѣсти которыхъ каждому нельзя, а если бы и было возможно, то потребовалось бы нѣсколько человѣческихъ жизней для этого. Но отнюдь не слѣдуетъ изъ этого, что вся жизнь человѣка обречена на подражаніе;—это было бы слишкомъ унижительно для человѣческой природы. Духъ человѣческой настолько богатъ, что подражаніе можетъ дать ему основаніе для жизни, но дальнѣйшее развитіе лежитъ ужъ въ немъ самомъ. Эту мысль хорошо выразилъ въ предисловіи къ Исторіи Государства Россійскаго Карамзинъ: «Есть всему предѣлъ и мѣра. Какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаютъ всегда подражаніемъ; но должны современемъ быть самъ собою, чтобы сказать: я существую нравственно!».

№ 100. Наклонность къ подражанію развиваетъ людей.

(Руссо).

(См соч. № 99).

№ 101. Тамъ нѣтъ бездушнаго подражанія, гдѣ говорятъ умъ и сердце.

(См. соч. № 99).

№ 102. Значеніе обычая.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Какъ рождается обычай?

1. Одно мнѣніе: сильная личность поступаетъ такъ или иначе, руководствуясь только своимъ желаніемъ; примѣромъ ея увлекается толпа и получается повальный обычай. ¹⁾
2. Другое мнѣніе: люди поступаютъ такъ или иначе, вначалѣ подталкиваемые извѣстнымъ инстинктомъ, въ дальнѣйшемъ же развитіи они повторяютъ сознательно то, что раньше дѣлали инстинктивно ²⁾.

Изложеніе.

1. Какіе бываютъ обычаи?

- а) Юридическіе (при заключеніи сдѣлки ударяютъ по рукамъ);
- б) бытовые: свадебные и пр.;
- в) церковные;
- г) торговые;
- д) международные.

2. Формы выраженія обычаевъ:

- а) пословицы: нанялся—продался; что подписано перомъ не вырубишь топоромъ; давши слово—крѣпись и пр.;
- б) символы: посаженіе на коня (доказательство совершеннолѣтія), троекратный ударъ молоткомъ (для обозначенія окончательного-совершившагося акта) и пр.

¹⁾ Мнѣніе проф. Сергѣевича.

²⁾ Мнѣніе проф. Владимірскаго-Буданова.

3. Значеніе обычая въ общественномъ и частномъ быту:

- а) въ извѣстныхъ случаяхъ замѣняетъ законы государства;
- б) строго опредѣляетъ формы нѣкоторыхъ обрядовъ;
- в) является единственнымъ авторитетнымъ руководителемъ мало-культурныхъ людей.

Заключеніе.

«Обычай—деспотъ межъ людей» (слова Пушкина) (т. е. обычай не даетъ простору новымъ формамъ жизни на ряду со старыми; онъ стѣсняетъ свободу личности).

№ 103. Обычай—деспотъ межъ людей.

(См. соч. № 102).

№ 104. Привычка и ея значеніе въ жизни.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Опредѣленіе привычки и отличіе ея отъ склонности.

Изложеніе.

Значеніе привычки.

А. Польза привычки.

- 1) Привычка облегчаетъ многія наши дѣйствія.
- 2) Привычка дѣлаетъ ихъ пріятными и необходимыми.
- 3) Привычка замѣняетъ счастье.

Б. Вредъ привычки:

- 1) Привычка пріучаетъ къ лѣни.
- 2) Привычка тормозитъ хорошія начинанія.

Заключеніе.

Какія привычки слѣдуетъ особенно развивать?

Привычку нерѣдко смѣшиваютъ со склонностью; правда, это два сходныя понятія, но тѣмъ не менѣе между ними есть различіе. Привычка есть извѣстное расположеніе, наклонность души, выражающаяся въ часто повторяющихся, однообразныхъ дѣйствіяхъ. Оба эти условія—и наклонность души, и однообразное ея исполненіе существенно необходимы для образованія понятія привычки, хотя второе важнѣе въ данномъ случаѣ, чѣмъ первое. Склонность же есть внутреннее расположеніе къ извѣстнымъ дѣйствіямъ. Отказаться отъ привычки чрезвычайно

трудно, но разъ у насъ хватило силы воли на это, то мы совершенно избавляемся отъ привычки; воздерживаться отъ склонности легче, но совсѣмъ избавиться отъ нея нельзя, она всегда будетъ жить въ глубинѣ души.

Привычки, конечно, лишь хорошія, приносятъ намъ существенную пользу. Прежде всего, онѣ облегчаютъ для насъ совершеніе многихъ дѣйствій въ томъ смыслѣ, что мы совершаемъ ихъ безсознательно, безъ участія работы мозга, который такимъ образомъ сохраняетъ значительную долю своей свѣжести. Лейбницъ говоритъ, что три четверти всѣхъ нашихъ дѣйствій входятъ въ область привычки; въ самомъ дѣлѣ, мы, напримѣръ, ходимъ, читаемъ и т. п. въ силу привычки, не работая при этихъ дѣйствіяхъ мозгомъ, а задумываться надъ такими обыденными, часто повторяющимися дѣйствіями было бы для насъ очень утомительно.

Далѣе, мы часто съ крайнимъ отвращеніемъ и усиленіемъ воли приступаемъ къ какой-нибудь работѣ, то, занимаясь ею въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, свыкаемся съ ней и часто изъ ненавистной она становится пріятной и даже необходимой. Это относится не только къ работѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но вообще къ нашей дѣятельности, нашимъ дѣйствіямъ. Такъ, напримѣръ, часто бываетъ, что человѣку, который ранѣе чрезвычайно не любилъ купаться, прописываются врачами для поправленія здоровья морскія купанья; сначала они чрезвычайно непріятны для непривыкшаго, но постепенно появляется не только любовь къ нимъ, но и потребность. Вообще надо только приучить себя къ работѣ, тогда бездѣлье станетъ для насъ не только непріятнымъ, но прямо невыносимымъ.

Наконецъ, привычка часто замѣняетъ человѣку счастье. Не достигнувъ желаемого, человѣкъ часто приходитъ въ отчаяніе, но постепенно свыкается со своей жизнью и начинаетъ видѣть въ ней тѣ радости, которыхъ онъ ранѣе не замѣчалъ. Но, замѣняя счастье, привычка при наличности послѣдняго пополняетъ его и дѣлаетъ, такъ сказать, спокойнѣе, что несомнѣнно полезно для человѣка, для котораго вредны слишкомъ острыя и продолжительныя ощущенія и впечатлѣнія.

Но привычка имѣетъ и свои дурныя стороны: не требуя съ нашей стороны усилій для совершенія извѣстныхъ привычныхъ дѣйствій, она развиваетъ въ насъ лѣнь и бездѣятельность; съ другой стороны, слишкомъ вкоренившіяся препятствуютъ улучшеніямъ и тормозятъ добрыя, но новыя начинанія. Можно съ увѣренностью сказать, что прогрессъ не былъ бы возможенъ, еслибы человѣчество всецѣло подчинилось вліянію. Но, чтобы не затрачивать усилій воли на нихъ искореніе, слѣдуетъ подавлять ихъ въ самомъ началѣ.

А такъ какъ привычки большею частью получаютъ начало въ дѣтствѣ, то на воспитателяхъ молодого поколѣнія лежитъ важная обязанность замѣчать и подавлять въ началѣ дурныя привычки.

Но вѣдь мы говорили, что и хорошія привычки иногда приносятъ вредъ. Какія же привычки слѣдуетъ развивать особенно даже изъ числа хорошихъ привычекъ? Тѣ, въ силу которыхъ мы безъ напряженія ума и воли совершаемъ мелкія повседневныя дѣйствія. Въ такомъ случаѣ эти двѣ высшія силы нашей духовной организаціи будутъ имѣть болѣе времени и возможности безъ особеннаго утомленія обратиться къ болѣе серьезной дѣятельности.

**№ 105. „Привычка свыше намъ дана:
Замѣна счастья она“.**

(Пушкинъ).

(См. соч. № 104).

№ 106. Польза и вредъ уединенія.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Отъ каждаго изъ насъ зависитъ имѣть друзей, знакомыхъ, или остаться въ одиночествѣ.

Изложеніе.

А. Польза уединенія.

1. Человѣкъ глублется въ себя, лучше узнаетъ свои способности, склонности и недостатки.
2. Получаетъ возможность предаваться творческимъ замысламъ,
3. лучше ихъ выполнить въ сторонѣ отъ свѣтской суеты и городского шума.
4. Находитъ здоровый отдыхъ отъ слишкомъ сильныхъ впечатлѣній жизни въ большихъ культурныхъ центрахъ.

Б. Вредъ уединенія.

1. Человѣкъ теряетъ живую связь съ ближними; въ одиночествѣ онъ можетъ даже превратиться въ мазантропа.
2. Не имѣетъ возможности дѣлиться впечатлѣніями, провѣрять свои мысли, и нерѣдко поддается соблазну преувеличенія достоинствъ и новизны въ созданныхъ имъ въ одиночествѣ твореніяхъ.

3. Иногда предаётся удовольствиямъ, отнимающимъ много времени и ничего не дающимъ ни уму, ни сердцу:
- а) охотѣ,
 - б) рыбной ловлѣ,
 - в) дрессировкѣ животныхъ,
 - г) разведенію голубей и пр.
- 4) Перестаетъ слѣдить за движеніемъ человѣческой мысли и потому отстаетъ „отъ вѣка“.
5. Въ уединеніи развивается лѣнь, утрачивается начало активности.

Заключеніе.

Человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы жизнь въ обществѣ не вела его къ суетности и свѣтской разсѣянности, а уединеніе—къ забвенію своихъ обязанностей по отношенію къ обществу.

№ 107. Уединеніе создаетъ гения.

(Барамзинъ).

(См. соч. № 106).

№ 108. Любопытство и любознательность.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Любопытство есть вообще стремленіе открыть или узнать что-нибудь, еще неизвѣстное, проникнуть въ сущность и во взаимную связь вещей. Любопытство прирождено человѣку. Уже пытливый ребенокъ постоянно спрашиваетъ о чемъ-нибудь. Эта склонность, какъ и всѣ другія, можетъ развиваться въ добрую сторону, или же принять ложное направленіе. Третій случай, когда она остается совсѣмъ неразвитою, мы не будемъ разсматривать.

Изложеніе.

Любопытство—какъ любознательность и какъ пошлое любопытство.

А. Любознательность.

- 1) По своему объему. Любознательность человѣка простирается на всю вселенную: родины и страны заморскія, небо и глубина моря, минувшее и современное, природа и жизнь, чувственное и духовное, все составляетъ предметъ изслѣдованія,

и безъ любознательности у насъ не было бы науки, царства мысли, этой благороднѣйшей половины нашего бытія.

- 2) По своей силѣ. Тѣ—не истинныя дѣти музъ, которыя обращаютъ свои знанія въ промыселъ для пріобрѣтенія внѣшнихъ выгодъ. Для болѣе развитаго человѣка знаніе, истина, добро и красота—сами по себѣ имѣютъ прелесть; онъ не требуетъ отъ науки вознагражденія, но самъ приноситъ ей жертву. Ученый мало заботится о шумныхъ удовольствіяхъ, о почестяхъ и благахъ свѣта; съ тихимъ чувствомъ мира зарывается онъ въ свои книги. При этомъ онъ не чуждъ и радости.

Она улыбается изслѣдователю изъ огненного зеркала истины.

Шиллеръ.

Наука, какъ и религія, имѣетъ своихъ пилигримовъ; они переходятъ страшныя африканскія пустыни и достигаютъ снѣжныхъ вершинъ Кордильеровъ.

В. Пустое любопытство.

Оно обращается обыкновенно на неважныя вещи, не интересуется образованіемъ и бываетъ большею частію въ связи съ дурными наклонностями.

- 1) Часто оно происходитъ отъ праздности и скуки. Иной едва утромъ дождался газеты, какъ цирюльникъ и лакей приходятъ съ своими докладами. Затѣмъ на рынокъ идетъ до полудня болтовня со всякимъ знакомымъ; вечеромъ нужно поспѣть во время въ клубъ.
- 2) Многіе имѣютъ страсть во все вмѣшиваться, или хотятъ быть пріятными собесѣдниками, а для этого нужны точныя свѣдѣнія о городскихъ и домашнихъ новостяхъ.
- 3) Любопытство, въ связи съ злорадною страстью къ сплетнямъ, дѣлается истиннымъ бичемъ человѣчества.

Заключеніе.

Несмотря на то, что любопытство можетъ быть смѣшно и вредно, никто не станетъ, однакоже, сожалѣть о томъ, что мать-природа вложила въ сердце наше такое влеченіе.

Вотъ, не влеки любопытство къ себѣ человѣка такъ сильно,—

Что же, узналъ ли бы онъ отношеніе чудесное въ мірѣ
Всѣхъ предметовъ другъ къ другу?

Гете.

Кукъ рассказываетъ о дикомъ племени Пешеровъ: „Когда они бы-
ли у насъ на берегу, они не обнаружили ни радости, ни даже, любо-
пытства“; а о жителяхъ Вандименовой земли: „Тупоуміе свое они обна-
ружили равнодушіемъ при видѣ чужестранцевъ, которые отличались отъ
нихъ, какъ небо отъ земли“.

Не слѣдуетъ ли и намъ иногда упрекать себя въ подобной ту-
пости? Сколько есть вещей, замѣчательнѣе корабля, которыя мы про-
пускаемъ безъ вниманія, потому что не можемъ оторваться отъ страсти
къ бездѣйствію и празднои мечтательности?!

Холевіусъ.

№ 109. Вниманіе и интересъ.

Вниманіе составляетъ необходимое условіе не только для высшихъ
умственныхъ процессовъ, мышленія, творчества и пр., но и для самыхъ
простыхъ ощущеній. Объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленные раз-
сказы о войнахъ, которые въ пылу сраженія совершенно не чувствовали
полученныхъ ими ранъ, о натуралистахъ, которые, увлекаясь наблюде-
ніями, не ощущали холода на высочайшихъ горахъ и т. д. Напротивъ
тѣ ощущенія и представленія, на которыя обращено вниманіе, отличаются
яркостью, силой, отчетливостью. Такъ, напримѣръ, звонъ колокола кажется
намъ рѣзче, опредѣленнѣе, когда мы обращаемъ на него вниманіе. Вообще,
всѣ предметы, не находящіеся въ полѣ нашего вниманія, тускнѣютъ передъ
предметами нашего вниманія, на которыхъ сосредоточены всѣ силы на-
шей души. Слѣдовательно, вниманіе есть сосредоточенность души на опре-
дѣленномъ предметѣ нашего сознанія.

Такимъ образомъ, вниманіе суживаетъ поле сознанія, исключая
изъ него элементы, не находящіеся въ связи съ предметомъ вниманія.
Область вниманія можетъ быть шире и уже, но не всегда можно произ-
вольно расширять область вниманія. Такъ напримѣръ, трудно одновре-
менно читать книгу и прислушиваться къ разговору. Во всякомъ слу-
чаѣ, такое чтеніе нельзя назвать внимательнымъ. Вообще, чѣмъ на
большее количество предметовъ обращено вниманіе, тѣмъ они менѣе яр-
ко и сильно представляются нашему сознанію.

Одинъ и тотъ же предметъ можетъ иногда сильнѣе привлечь вни-
маніе человѣка, а въ другой разъ слабѣе. Во время послѣднихъ уроковъ
дѣти всегда менѣе внимательны, чѣмъ на первыхъ, независимо отъ пред-

мета. Объясняется этъ утомленіемъ дѣтей, уменьшеніемъ количества нервной
энергіи. Утромъ дѣти всегда внимательны даже къ малоинтереснымъ
предметамъ. Но и тутъ, разумѣется, болѣе сильное вниманіе удѣляется
однимъ предметамъ, чѣмъ другимъ, въ зависимости отъ силы впечатлѣ-
нія, производимаго предметомъ. Громкій звукъ, яркое освѣщеніе предмета
сильнѣе возбуждаютъ вниманіе, чѣмъ невнятные звуки и туманное, не-
ясное освѣщеніе. Такіе стимулы, вызывающіе вниманіе, называются внѣш-
ними, въ отличіе отъ внутреннихъ побужденій ребенка поправиться
учителю или получить хорошую отмѣтку. Въ зависимости отъ того, ка-
кимъ стимуломъ возбуждается вниманіе, внѣшнимъ или внутреннимъ,
вниманіе называется или рефлективнымъ, произвольнымъ, пассивнымъ
или произвольнымъ, активнымъ. Пассивное вниманіе отличается неустой-
чивостью. Вниманіе дѣтей, какъ и вообще неразвитыхъ людей, не оста-
навливается долго на одномъ предметѣ: каждое новое впечатлѣніе отвле-
каетъ ихъ вниманіе. Здѣсь всецѣло дѣйствуетъ законъ контраста и по-
визны впечатлѣній. Не мѣняющееся болѣе или менѣе продолжительное
время впечатлѣніе не въ состояніи возбудить рефлективное вниманіе.

Однако, всѣмъ извѣстенъ рассказъ объ Архимедѣ, который такъ
увлекся рѣшеніемъ задачи, что не слышалъ шума, сопровождавшаго
вторженіе неприятельскаго войска въ Сиракузы. Вниманіе Архимеда бы-
ло чисто пассивнымъ, онъ не долженъ былъ употребить ни малѣйшаго
усилія воли, чтобъ сосредоточиться на вычисленіяхъ, несмотря на ви-
димое однообразіе предмета его вниманія. Такого рода пассивное вниманіе
объясняется тѣмъ глубокимъ интересомъ, который возбуждала въ немъ
данная математическая комбинація.

Интересъ представляетъ переходъ отъ произвольнаго вниманія къ
произвольному.

Всякій интересъ связанъ съ какимъ-нибудь чувствованіемъ. У дѣ-
тей интересы лежатъ въ области слуховыхъ или зрительныхъ впечатлѣній.
Ихъ скорѣе интересуетъ то, что учитель дѣлаетъ, чѣмъ то, что онъ го-
воритъ. Съ особымъ интересомъ дѣти относятся къ тому, что они сами
должны сдѣлать. Другимъ источникомъ интереса является связь съ при-
ятнымъ или тягостнымъ впечатлѣніемъ изъ прошлаго опыта. Отсюда
проистекаетъ вниманіе къ предметамъ, возбуждающимъ страхъ или вос-
торгъ. Интересъ можетъ еще возбуждаться любопытствомъ, любознатель-
ностью, стремленіемъ къ прекрасному. Такого рода интересъ является
высшимъ интересомъ, такъ какъ служитъ лучшимъ стимуломъ нравствен-
наго совершенствованія человѣка.

Предметъ, совершенно незнакомый, не возбуждающій никакихъ асо-
ціацій съ предметами, интересующими человѣка, самъ по себѣ не мо-

жеть стать интереснымъ. Какое-нибудь открытіе въ химіи мало заинтересуетъ филолога и, наоборотъ, можетъ сильно заинтересовать физиолога, такъ какъ его предметъ тѣсно связанъ съ химіей, и сдѣланное открытіе можетъ найти примѣненіе въ его области. Родная пѣсня скорѣе заинтересуетъ насъ, чѣмъ иностранная мелодія.

Съ другой стороны, мы мало внимательны къ тому, что намъ вполне извѣстно. Предметъ долженъ обладать новымъ качествомъ для того, чтобъ заинтересовать насъ. Отсюда вытекаетъ правило развитія интереса, по которому необходимо начинать съ такихъ предметовъ, которые возбуждаютъ природные интересы, и переходить къ такимъ предметамъ, которые стоятъ съ ними въ непосредственной связи, и затѣмъ постепенно связывать съ ними новые предметы. Такимъ образомъ, интересъ связываетъ произвольное вниманіе съ непроизвольнымъ, такъ какъ предметъ интереса приковываетъ наше вниманіе какъ бы непроизвольно. Но воля человѣка играетъ здѣсь извѣстную, опредѣленную роль. Многіе предметы обнаруживаютъ свои привлекательныя стороны не сразу. Необходимо иногда, чтобы предметы и сознаніе человѣка пробыли нѣкоторое время въ соприкосновеніи. Отъ воли именно и зависитъ это рѣшеніе направить сознание къ этому предмету въ данный моментъ.

Вниманіе развивается въ человѣкѣ постепенно. Вначалѣ вниманіе ребенка обращается лишь на тѣ предметы, которые попадаютъ въ поле его зрѣнія. Впослѣдствіи онъ начинаетъ самъ направлять свое вниманіе на предметы, пріятные ему: на пищу, яркую игрушку. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ упражненія, ребенокъ уже въ состояніи не возбуждаться одними стимулами и возбуждаться другими высшими; наконецъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ появляется способность продолжительнаго сосредоточенія на одномъ предметѣ. Послѣдняя стадія является самой важной въ дѣлѣ умственнаго развитія, такъ какъ только при продолжительномъ сосредоточеніи на одномъ предметѣ возможно усовершенствованіе въ какомъ либо направленіи.

Законы вниманія и интереса даютъ руководящую нить для воспитанія ихъ въ человѣкѣ. Для этого необходимо удалять всякіе стимулы, способные отвлекать вниманіе отъ главнаго предмета, связывать предметъ вниманія съ интересующими человѣка предметами и разнообразить ихъ, вводя все новыя стороны въ явленія изучаемой области.

Г. Корикъ.

№ 109. „Все свое ношу съ собою“ (Omnia mea mecum porto).

П Л А Н Ъ.

I. Вступленіе.

Авторъ изреченія и разъясненіе его.

II. Изложеніе.

„Все свое ношу съ собою“.

- 1) Умъ.
- 2) Нравственность и религіозное чувство.
- 3) Эстетическое чувство.
- 4) Физическія силы.

III. Заключение.

Счастье человѣка въ немъ самомъ.

Греки, какъ извѣстно, чрезвычайно цѣнили въ человѣкѣ мудрость и оставили намъ немало памятниковъ своего остроумія. Въ VII — VI вѣкѣ до Р. Х. въ Греціи жили такъ называемые „семь греческихъ мудрецовъ“; каждому изъ нихъ греки приписывали извѣстное мудрое изреченіе; можетъ быть, они и не были высказаны именно этими мудрецами, но явились во всякомъ случаѣ плодомъ народной мудрости и свидѣтельствуютъ о недюжинномъ умѣ грековъ и пониманіи ими жизни. Стоящее выше тематическое предложеніе приписываютъ мудрецу Біасу; высказалъ онъ его по слѣдующему поводу. Однажды его родной городъ былъ взятъ непріателемъ, и граждане бѣжали изъ него, захвативъ каждый то, что успѣлъ. Біасъ же не взялъ съ собою ничего и, когда его спросили, гдѣ его имущество, отвѣчалъ: «Все свое ношу съ собой», т. е., говоря другими словами, все имущество человѣка заключается въ немъ самомъ, въ его внутреннихъ и наружныхъ качествахъ. Но правъ ли греческій мудрецъ, и дѣйствительно ли человѣкъ обладаетъ такимъ имуществомъ, которое можетъ замѣнить и доставить ему все нужное? Человѣку присущъ разумъ. Это драгоцѣнное качество, надлежащимъ образомъ развитое, лучше всякихъ богатствъ, такъ какъ оно даетъ и матеріальныя средства, и славу, и почетъ, и неисчерпаемое духовное наслажденіе.

Вспомнимъ Наполеона. Бѣднымъ кандидатомъ на должность артиллерійскаго офицера прѣхалъ онъ въ Парижъ, а, спустя нѣсколько лѣтъ, въ томъ же Парижѣ короновался наследственнымъ императоромъ французовъ, достигнувъ такого высокаго положенія, главнымъ образомъ, благодаря силѣ своего генія. А какое наслажденіе должны испытывать ве-

ликіе ученые, напимѣрь: выдающіеся медики, которые пытливымъ силой ума проникають въ тайны природы и пользуются ими для блага чело-вѣчества! Еще выше возносится душа чело-вѣка, нравственно-чистаго, глубоко религіознаго, вѣрящаго въ благодѣ и всемогущество Божіе. Христіанскіе мученики, терзаемые дикими звѣрями, сжигаемые живо, забывали жестокія страданія подѣ вліаніемъ порыва души къ небу, въ надеждѣ вѣчнаго блаженства общенія съ Богомъ! Глубокое удовлетвореніе и миръ нисходитъ въ душу чело-вѣка, сознающаго, что онъ исполнилъ свой долгъ передѣ Всемогущимъ и Всеблагимъ Существомъ, передѣ обществомъ, передѣ близкими, передѣ самимъ собою. И какія матеріальныя выгоды ни приносилъ бы нашъ умъ, все же наслажденіе ими не даетъ чело-вѣку того, что даетъ ему религіозность, чистота души и мягкое, любящее, сострадательное сердце. То же благородное чувство духовнаго наслажденія испытываютъ тѣ счастливые избранники, которые надѣлены сильно развитымъ эстетическимъ чувствомъ (т. е. чувствомъ красоты) и способностью къ творчеству. Поэтъ, пробуждающій въ насъ добрыя чувства словомъ, художникъ, изобрѣтающій на полотнѣ всю низость порока и всю привлекательность добродѣтели, музыкантъ, затронувшій въ нашей душѣ наиболее нѣжныя струны,—это все властелины нашихъ сердецъ и ума; а развѣ не наслажденіе увлекать за собою тысячу людей къ добру, творить, сознавая, что творишь прекрасное и по формѣ и по содержанію? Кромѣ того, писатель, художникъ, музыкантъ, пѣвецъ пріобрѣтають немалыя и матеріальныя средства за свое искусство.

Наконецъ, и физическая сила является для чело-вѣка источникомъ достатка и внутренняго чувства удовлетворенія; ремесленникъ, крестьянинъ питають себя трудами рукъ своихъ и, добросовѣстно исполняя свои работы, сознають, что доставляютъ другимъ необходимыя въ жизни вещи и пищевые продукты.

Если рѣдко бываетъ, что всѣ указанныя качества соединяются въ одномъ чело-вѣкѣ, то каждаго Богъ награждаетъ однимъ изъ нихъ вполнѣ, давая при этомъ другія въ болѣе или менѣе значительной степени. Особенно это надо сказать о чувствѣ нравственности и религіозности, которое каждый можетъ развить въ себѣ, если не пожелаетъ, если не дастъ заглохнуть въ себѣ божественной искры. Не имѣя ничего, чело-вѣкъ при желаніи можетъ добиться необходимаго, источникъ же высшаго духовнаго наслажденія—нравственная чистота—всегда доступенъ ему. Поэтому изреченіе греческаго мудреца справедливо: въ себѣ самомъ носить чело-вѣкъ залогъ своего благополучія; нужно только желать воспользоваться талантомъ, даннымъ отъ Бога, и не зарывать его въ землю.

Рощаль.

№ 110. Вліаніе поэзіи на чело-вѣка.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Поэзія, какъ одинъ изъ видовъ искусства.

Изложеніе.

Вліаніе искусства на чело-вѣка:

А. Сущность и значеніе искусства:

- а) искусство отражаетъ жизнь,
- б) воспитательное значеніе искусства,
- в) его облагораживающее значеніе,
- г) служеніе красотѣ,
- д) въ искусствѣ воплощаются идеалы.

Б. Характерныя черты поэзіи, какъ вида искусства:

- а) словесное воплощеніе образовъ и формъ,
- б) доступность воспріятія поэзіи сравнительно съ другими видами искусства,
- в) пластичность поэтическихъ образовъ,
- г) глубокое лирическое чувство,
- д) міровая скорбь въ поэзіи,
- е) здоровыя и бодрыя настроенія въ поэзіи.

Заключеніе.

Въ ряду различныхъ видовъ искусства едва ли не самое почетное мѣсто принадлежитъ поэзіи—искусству слова. По степени своего вліанія на людей, по обширности области ея примѣненія поэзіи неоспоримо принадлежитъ первое мѣсто. Намъ предстоитъ разсмотрѣть, въ чемъ проявляется столь сильное вліаніе поэзіи на чело-вѣка, гдѣ причины этого покоряющаго вліанія, намъ предстоитъ отдѣлать и выяснить тѣ черты поэзіи, которыя объединяють ее съ прочими видами искусства, и тѣ болѣе характеристическія черты, которыя опредѣляютъ поэзію, какъ таковую. Намъ придется затронуть вопросъ объ искусствѣ вообще, и на этой уже выясненной почвѣ разсмотрѣть поэзію, какъ она проявляется въ сознаніи чело-вѣка, благотворно и непосредственно производя въ его душѣ свое сильное вліаніе.

Самое основное въ искусствѣ — это его предназначеніе отражать жизнь во всемъ ея объемѣ, такъ какъ весь матеріалъ для всякаго художественнаго творчества поставляется жизнью и природой. Поэтому-то искусство такъ близко къ жизни, что иногда бываетъ трудно провести грань между искусствомъ и жизнью. Чѣмъ ближе искусство къ непосредственной жизни, чѣмъ больше отъ него вѣетъ специфическимъ за-

нахомъ жизни,— пусть оно будетъ реальнымъ или символическимъ— оно тѣмъ больше будетъ оказывать вліяніе на людей, на ихъ души. А души людей приспособлены къ воспріятію проявленій искусства, какъ созерцательно-эстетическому воспріятію, такъ и жизненно-практическому. Искусство оказываетъ свое вліяніе многими и самыми различными путями: подчасъ оно проникаетъ въ душу, какъ фотографія дѣйствительности, подчасъ будя лишь одни эстетическія движенія души, но и въ первомъ и во второмъ случаѣ искусство воспитываетъ человѣка, закрѣпляетъ въ его психикѣ на долго тѣ, казалось бы, мимолетныя впечатлѣнія, которыя оно возбудило. Властно захватываетъ искусство душу человѣка, пробуждая въ немъ благороднѣйшіе мотивы, и это постоянное облагораживаніе психическаго міра человѣка и не можетъ не являться однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ воспитательныхъ средствъ.

Постоянное соприкасаніе черезъ искусство съ міромъ красоты и эстетики отвлекаетъ человѣка отъ міра юдоли и слезъ, несетъ утѣшеніе въ жизненной скорби, а въ душѣ человѣка слышится концертъ благороднѣйшихъ побужденій. Они зовутъ человѣка на борьбу за идеалъ, за свѣтлое, хотя и отдаленное, будущее, за правду и добро. Идеалы получаютъ въ искусствѣ свое ближайшее и наиболѣе полное воплощеніе, въ искусствѣ, въ художественномъ изображеніи они рисуются намъ во всей своей красотѣ, сотканые изъ яркихъ, лучезарныхъ красокъ и цвѣтовъ.

Все сказанное объ искусствѣ вообще примѣнимо также и къ поэзіи, но, останавливаясь подробнѣе на изученіи послѣдней, мы замѣтимъ существованіе особыхъ, характеризующихъ поэзію чертъ. Поэзія есть искусство слова, воплощеніе въ словесной формѣ образовъ, понятій и даже тончайшихъ движеній человѣческой души. Требуется большое богатство фантазіи и сложность чувствованія, чтобы воплотить въ эту голую форму словъ образное содержаніе, и тѣмъ не менѣе въ силу одного важнаго фактора—языка, поэзія становится однимъ изъ доступнѣйшихъ видовъ искусства, вліяніе котораго чрезвычайно сильно. Въ рукахъ художника-творца эти холодные и бездушные ряды словъ облекаются тѣлесной оболочкой образовъ и представленій, живущихъ, говорящихъ, дѣйствующихъ и движущихся. Образы рельефно выступаютъ въ поэзіи передъ нами во всей пластичности ихъ формы, во всей отчетливости сочеганій. Образы живутъ внутренней и полной жизнью, они тоскуютъ, грустятъ, радуются и ликуютъ, мы постигаемъ черезъ поэзію всю сложность ихъ переживаній, всю тонкость душевныхъ движеній въ подробнѣйшей нюансировкѣ. И свѣтъ, и тѣни, и краски, и цвѣта, и рельефность формы—все передается черезъ поэзію, и неудивительно, что поэзія оказываетъ на насъ такое непосредственное и сильное вліяніе.

Но кромѣ лирическихъ, чисто-субъективныхъ мотивовъ поэзіи свойственны и широкіе общественные мотивы, которые находятъ въ ней живое отраженіе. Вспомнимъ поэзію мировой скорби, наиболѣе яркимъ представителемъ которой былъ Байронъ. Онъ сумѣлъ воплотить въ поэтическихъ образахъ всѣ общественныя движенія своего вѣка, а творчество его цѣликомъ было проникнуто той скорбью, которой скорбѣли лучшіе представители той эпохи. Вспомнимъ музу „мести и печали“ нашего русскаго поэта Некрасова, какъ глубоко и вѣрно отразила она настроенія передовой части русскаго общества до освобожденія крестьянъ и жизнь крестьянства, полную горя и страданій. Но ни та ни другая поэзія не унизилась до тенденціозности, такъ какъ всякая тенденціозность въ корнѣ уничтожаетъ художественное творчество, которое должно быть свободно и независимо. Вотъ почему, несмотря на всю печаль, которой проникнуты произведенія пѣвцовъ скорби народной, въ ихъ поэзіи все-таки звучатъ здоровыя и бодрыя нотки. Эта бодрость является лучшимъ свидѣтельствомъ здороваго творчества, которое не уходитъ изъ жизни, а зоветъ къ жизни. Такая поэзія является могущественнѣйшимъ средствомъ пробужденія въ обществѣ добрыхъ стремлений, жажды приложить дремлющія силы для общественной работы, для общественной самодѣятельности.

Мы выяснили такимъ образомъ тѣ ближайшія причины, по которымъ поэзію выдѣляютъ изъ ряда другихъ искусствъ и отводятъ ей особую роль въ ряду искусствъ. Мы остановились подробно на общественномъ значеніи поэтическаго творчества, и, дѣйствительно, намъ кажется, что поэзія изъ всѣхъ другихъ искусствъ наиболѣе содержитъ въ себѣ общественный элементъ. Въ живописи, въ скульптурѣ, особенно въ музыкѣ индивидуализація творчества и воспріятія достигли слишкомъ высокихъ предѣловъ, поэзія же является сравнительно наименѣе индивидуализированной. И это въ высшей степени цѣнное качество поэзіи, которое позволяетъ ей быть набатомъ общественности, своимъ мощнымъ кликомъ будитъ общественную совѣсть, устремляетъ дремлющія общественныя силы впередъ. Въ жизни народовъ большую роль играетъ ихъ національная поэзія и это потому, что въ національности, какъ въ фокусѣ, сконцентрированы всѣ стремленія и чаянія народа, всѣ его идеалы и далекіе пути. А народные поэты, трубадуры формулируютъ въ своихъ звучныхъ яркихъ стихахъ народныя надежды, которыя съ колыбели и до глубокой старости слышитъ каждый сынъ народа, каждый его вѣрный сынъ.

3. Нелидовъ.

№ 111. Сущность поэзии и ее воспитательное значение.
(См. соч. № 110).

№ 112. Значение поэзии в деле облагораживания чувства и приготовления человека к действительной жизни.
(См. соч. № 110).

№ 113. Поэзия—небесной религии сестра.
(Жуковский).
(См. соч. № 110).

№ 114. Разумный смех—начало обновления.

Над определением сущности смеха задумывался ряд ученых, имена которых вы найдете в лучших трудах по психологии. Из их изысканий мы можем вывести заключение, что чувство смешного, выражающееся во внешнем смехе и близкое к веселости, есть, прежде всего, чувство удовольствия. Удовольствие есть то, что окрыляет нашу жизнь, что поддерживает в нас общее чувство жизни: вот почему, когда мы смеемся, наши глаза загораются особенным блеском, наше лицо покрывается румянцем, и оживает все наше существо.

Но такое оживление мы получаем при каждом удовольствии, ибо последнее окрыляет нашу жизнь. Чем же отличается чувство смешного от всякого другого вида удовольствия, и чему следует приписать особенность этого чувства? Оно всецело зависит от предмета, возбуждающего его.

Какие же явления природы мы должны считать смешными? Задав себе подобный вопрос, мы, согласно с психологом Баном, должны считать причиной смеха „унижение личности или интереса“. Следовательно, чувство смеха в нас затрагивается противоположностью высокого и низкого.

Как же можно объяснить появление в таких случаях смеха? Очевидно, следующим обстоятельством: для восприятия серьезных, возвышенных предметов, мы настраиваемся на соответственный лад, мы приходим в состояние напряжения. Когда появляется предмет совершенно противоположного характера, то наше напряжение прекращается и разряжается в веселость, обнаруживающуюся в смехе.

Представим себе, что мы находимся в театре, и в нем играют серьезную пьесу. Герой и героиня переживают бурно-возвышенную сцену: наше внимание напряжено в высшей степени... Вдруг среди этих патетических речей открывается дверь, появляется козел—и шествует против героя и героини!... Разумеется, мы сразу же засмеемся... И почему? Нам поразил этот переход от важного к пустому, мы видели противоположность между высоким и низким, олицетворением чего является козел,—и наше напряженное состояние разбилось и превратилось в веселость. Итак, противоположность великого и ничтожного, высокого и низменного, составляет основание смеха. Но когда мы отмечаем этот предмет, то должны указать и одно из главных условий смеха: именно необходимо, чтобы эта противоположность, в виде перехода, от высокого к унижающему, происходила внезапно. Мы ожидаем одного, вдруг получаем нечто противоположное—отсюда материал для смеха. Я позволю себе указать на пример, данный психологом Гефдингом: 1) „несколько лет тому назад в „Bouffes Parisiens“ представлялась шутка, где одно из действующих лиц во время действия находилось в молчаливом состоянии, сидя в углу и совершенно не принимая участия в пьесе. Это действующее лицо возбуждало внимание зрителей, и от времени до времени зритель думал про себя: „чего же он сидит тут на сцене?“ Наконец, кто-то обращается к молчаливой особе, но его прерывают словами: „Он глух!“ Итак, теперь эта пассивность разъяснилась, но в тот же момент молчаливая особа очень меланхолически прибавляет: «и нѣм!» Это вызвало гомерический хохот всего театра“.

Таким образом, противоположность высокого и низменного в одном и том же явлении и внезапность их смешны обуславливают появление смеха. Но почему же этот смех доставляет удовольствие одним,—которые смеются, и неудовольствие другим,—по чьему адресу смеются? Ответ на этот вопрос можно найти в истории развития чувства смеха. В этом чувстве, особенно в первичной его форме, есть элемент сознания своего превосходства над другим. Вот почему это сознание приятно одним, и вот почему колет других. Вот почему по Гефдингу „заманчиво находить что-нибудь смешное всюду, где предъявляются претензии на авторитет, или полное признание. Все высокое, всякий почет, всякое достоинство имеют опасного врага в смехе: „вот почему, с другой стороны, никто не чувствует удовольствия, если над ним смеются. Только немногие отнес-

1) Очерки психологии—1892, стр. 373.

лись бы къ дѣлу такъ благодушно, какъ отнесся Сократъ, когда онъ, во время исполненія «Облаковъ», всталъ съ мѣста, чтобы всѣ зрители могли сравнить каррикатуру съ оригиналомъ»¹⁾).

Но если смѣхъ страшенъ даже великому, то тѣмъ болѣе долженъ онъ страшить всякое ничтожество, ибо нѣтъ такого ничтожества, которое не пожелало бы казаться великимъ, — а такое желаніе и вытекающіе изъ него поступки, разумѣется, всегда доставляютъ матеріалъ для смѣха. Если же послѣдній составляетъ нашу природу, если вмѣстѣ съ тѣмъ онъ угрожаетъ и великому и ничтожному, и служить искушеніемъ для смѣющихся, наказаніемъ для осмѣиваемыхъ, то не ясно ли отсюда то громадное, то важное значеніе, какое имѣетъ смѣхъ въ нашей жизни.

Необходимость отвѣтить на данный вопросъ приводитъ насъ прежде всего къ краткому анализу смѣха, на указаніе различныхъ его видовъ. Мы только что сказали, что чувство смѣшного въ насъ врождено, но это далеко не значитъ, чтобы каждый смѣялся разумно, ибо понятіе о смѣшномъ зависитъ отъ субъективнаго міра человѣка. Мы знаемъ, что часто люди смѣются надъ такими явленіями, надъ которыми смѣяться нельзя, или осмѣиваютъ такія черты, которыя либо мало значатъ, либо вовсе неисправимы, какъ, напримѣръ, физическія особенности человѣка.

Кто изъ насъ назоветъ такой смѣхъ разумнымъ и цѣлесообразнымъ? Конечно никто. Но если мы имѣемъ дѣло даже со смѣхомъ разумнымъ и цѣлесообразнымъ, то свою окраску можетъ въ него вносить отношеніе къ осмѣиваемому явленію. Это отношеніе можетъ быть враждебнымъ, — тогда мы имѣемъ дѣло со смѣхомъ сатиры; оно можетъ быть и добродушно-сочувственнымъ, откуда получается смѣхъ юмора.

Какой же изъ этихъ двухъ видовъ смѣха мы должны считать разумнымъ? Какой изъ нихъ болѣе пріемлемымъ? Конечно, мы предпочли бы юморъ. Идеаль человѣческой жизни — взаимная любовь и согласіе, съ кони въ тѣсной связи добродушіе. И юморъ, отмѣченный альтруистическими чертами, составляющими основу жизненной гармоніи, долженъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ. Но и сатира далеко не можетъ быть отвергнута: слишкомъ много еще въ жизни отрицательныхъ явленій, по отношенію къ которымъ законна и оправдываема враждебность, и исчезновеніе послѣдней всецѣло зависитъ отъ исчезновенія самихъ этихъ явленій, вызывающихъ гнѣвъ и печаль и соотвѣтственный этому смѣхъ. И такой смѣхъ имѣетъ, долженъ имѣть во

¹⁾ Очерки психологіи Гедфинга — стр. 341.

всей нашей жизни громадное значеніе: „кто живетъ безъ печали и гнѣва тотъ не любитъ отчизны своей“!

Такимъ образомъ, рѣшающимъ моментомъ въ оцѣнкѣ сатиры и юмора должна явиться только ихъ умѣстность и разумность. Но что же должно стать критеріемъ послѣдней? Онъ очевиденъ: разумно то, что содѣйствуетъ всестороннему процвѣтанію человѣчества. Неразумно — все, клонящееся къ его разрушенію. Отсюда понятенъ отвѣтъ на поставленный вопросъ о значеніи въ жизни смѣха. Разуменъ онъ или нѣтъ — въ томъ и другомъ случаѣ значеніе его громадно. Но неразумный, онъ затемняетъ сознаніе личности, создаетъ ненужную вражду и ведетъ человѣчество къ разрушенію. Разумный, онъ просвѣтляетъ личность, ведетъ ее впередъ, и, путемъ осмѣянія недостатковъ, возрождаетъ и обновляетъ утопающій въ земной пошлости духъ человѣчества.

Въ жизни много мрака и много неразумія, но мы все же идемъ впередъ, и путь прогресса все болѣе сверкаетъ среди тьмы звѣздами истины и справедливости!

Правда, труденъ этотъ міровой путь; каждый шагъ его — это плодъ миллионныхъ усилій, и среди нашихъ вождей на этомъ пути одно изъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ обыкновенный, но разумный человѣческій смѣхъ. Мы его какъ бы не слышимъ и не замѣчаемъ вокругъ себя... Какъ драгоценный камень, онъ скрытъ отъ насъ въ невидимомъ тайникѣ, но кто изъ насъ захочетъ труда, кто захочетъ истины и загорится любовью къ человѣчеству, тотъ найдетъ его сейчасъ.

Этотъ высокій смѣхъ находится возлѣ насъ! онъ въ памятникѣ искусства, и, въ частности, въ художественной литературѣ. Она не даромъ названа художественной! Всѣ мы какъ бы чувствуемъ возлѣ себя красоту; всѣ мы какъ бы чувствуемъ и то, что смѣшно. Но лишь искусство заставляетъ насъ увидѣть настоящую красоту и настоящее безобразіе. Лишь искусство, и, въ частности, поэзія группируютъ отдѣльныя черты въ одинъ типъ, отдѣльные цвѣта — въ рядъ картинъ, и, охваченные удивленіемъ, мы замѣчаемъ въ явленіяхъ то, чего не замѣчали никогда. Мало того, мы переживаемъ все, что переживаютъ изображенные типы въ художественномъ произведеніи, и если тамъ осмѣяны пороки, то учимся его избѣгать, учимся не допускать у себя ничего, что видимъ у «героевъ» въ произведеніяхъ искусства.

Всѣмъ извѣстны имена: Бокаччіо, Сервантеса, Рабле, Шекспира, Мольера и многихъ мастеровъ слова. Чѣмъ они снискали и заслужили такое признаніе всего человѣчества? Тѣмъ, что, посмѣли тронуть традиціи и предрасудки, тѣмъ, что клеймили недоступный по могуществу

порокъ, тѣмъ, что вырывали корабль прогресса изъ засасывающей тины людскихъ предрасудковъ и вели его къ лазоревой пристани человѣческаго счастья. И кто же былъ ихъ кормчимъ въ этомъ опасномъ пути? Только смѣхъ, но окрыленный могучимъ разумомъ смѣхъ!

И. М. Стешенко.

№ 115. Смѣйся рѣдко, не надъ многимъ и не много.
(Эпиктетъ).

(См. соч. № 114)

№ 116. Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся.
(Гоголь).

(См. соч. № 114)

№ 117. Смѣяться не грѣшно надъ тѣмъ, что подлино смѣшно.

(Крыловъ).

(См. соч. № 114)

№ 118. „Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста“.

Пушкинъ.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Мѣсто совѣсти въ ряду нравственныхъ чувствъ чловѣка.

Изложеніе.

„Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста“.

- 1) Для людей съ нечистой совѣстью жизнь становится невыносимой.
- 2) Примѣры: Іоаннъ Грозный, Борисъ Годуновъ, Бэконъ, Макбетъ.
- 3) Счастье чловѣка заключается въ согласіи совѣсти съ его дѣйствіями и поступками.
- 4) Примѣры: вельможа Петра I, сенаторъ Яковъ Долгорукій.
- 5) Люди безъ совѣсти закоренѣлые и врожденные преступники; ихъ положеніе въ обществѣ.
- 6) Прощвтаніе и упадокъ римскаго государства.

Заключеніе.

Такъ какъ чистая совѣсть есть залогъ счастья семейнаго и общественаго, всякій чловѣкъ долженъ къ ней стремиться.

Совѣсть занимаетъ первое и самое главное мѣсто въ ряду нравственныхъ чувствъ чловѣка. Сюда относится борьба совѣсти со страстями. Подъ именемъ страстей разумѣются господствующія надъ чловѣкомъ порочныя наклонности. Совѣсть старается предохранить и предотвратить чловѣка отъ этихъ наклонностей, не позволяя имъ возрастать и усиливаться. Препятствуя страстямъ, совѣсть помогаетъ намъ исполнять семейныя и общественныя обязанности. Совѣсть однако не всегда является побѣдительницею дурныхъ наклонностей: часто чловѣкъ, благодаря ея слабости, поддается послѣднимъ. Но, какъ существо разумное, чловѣкъ сознаетъ свой грѣхъ, онъ чувствуетъ угрызеніе совѣсти и спѣшитъ раскаяться. И это угрызеніе совѣсти и раскаяніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже чловѣкъ сознаетъ свой грѣхъ. Если, совершивъ какой-либо поступокъ, мы повторяемъ его, то совѣсть уже не является такимъ сильнымъ обличителемъ поступка, какъ прежде, и грѣхъ постепенно обращается въ постоянный навѣкъ души, или, какъ говорятъ, становится порокомъ. Отличительная черта порока—ожесточеніе. Въ этомъ состояніи чловѣкъ не только не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ порока, но старается подавить и послѣднія движенія совѣсти. Не находя себѣ удовлетворенія въ порокъ, чловѣкъ отъ смертельной скуки и пустоты души кончаетъ жизни недостойнымъ образомъ. Такъ, Іоаннъ Грозный, мучимый подозрительностью, сперва преслѣдовалъ боярское сословіе, видя стремленіе ихъ ограничить самодержавіе, затѣмъ, увлекаемый подозрительностью все далѣе, Іоаннъ началъ казнить даже простыхъ гражданъ, подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ. Митрополитъ Филиппъ не хотѣлъ отказаться отъ обычая ходатайствовать за опальныхъ, твердымъ духомъ онъ смѣло обличалъ недостойное поведеніе царя, желая воскресить въ немъ послѣдній лучъ угасшей совѣсти. Но Іоаннъ ожесточился: избѣгалъ свиданія съ митрополитомъ, опасаясь его печалованій, и наконецъ не вынесъ его обличеній и отрѣшилъ его отъ сана. Такими жестокими мѣрами Іоаннъ упрочилъ свою власть и сдѣлалъ ее абсолютно неограниченною, хотя душа его не была спокойна, такъ какъ онъ не былъ счастливъ ни въ государственной, ни въ семейной жизни. Іоаннъ, не любившій никакихъ противорѣчій, не уживался со своими женами, за исключеніемъ Анастасіи Романовны, имѣвшей на него самое благотворное вліяніе.

Борисъ Годуновъ, какъ изображаетъ его Пушкинъ, также постоянно находился подъ гнетомъ совѣсти. Сознавая свой тяжкій грѣхъ — убіеніе царевича Дмитрія и боясь крамолы и покушеній на власть и жизнь свою, онъ сдѣлался подозрительнымъ, недовѣрчивымъ и жестокосердымъ: заточилъ и постригъ людей знатнаго рода, внесъ шпіонство въ домахъ между прислугой, самъ распрашивалъ доносчиковъ, хотѣлъ все знать. Страхъ и подозрительность заставляли его прибѣгать къ кудесникамъ и гадалеямъ. Онъ самъ сказалъ, что жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста.

Геніальный ученый и философъ Бэконъ, считающійся отцомъ такъ называемой „эмпирической“ или „опытной“ философіи, при всѣхъ своихъ ученыхъ заслугахъ и при всемъ своемъ талантѣ и знаніяхъ, не отличался нравственными достоинствами: онъ любилъ почести и деньги. Будучи возведенъ въ званіе государственнаго канцлера, онъ сталъ даже торговать правосудіемъ. Скоро его поступки раскрылись, и онъ былъ удаленъ со своего высокаго поста и остальные годы жизни провелъ въ помѣстьѣ подъ бременемъ позора.

Прекрасно изображена эта нечистая совѣсть въ драмѣ Шекспира „Макбетъ“. Здѣсь мы видимъ, какъ честолюбіе и властолюбіе мало-помалу доводятъ героя до страшныхъ преступленій. Отсюда видимъ, что человѣкъ получаетъ нравственное успокоеніе и счастье только въ томъ случаѣ, если его поступки находятся въ согласіи съ совѣстью. Прекрасный примѣръ непоколебимой честности и чистой совѣсти представляетъ вельможа времени Петра I, сенаторъ Яковъ Долгорукій, который иногда открыто не соглашался съ Петромъ I, не любившимъ противорѣчій. Однако царь уважалъ его совѣты и любилъ его. Такъ, на одномъ пиру царь спросилъ вельможъ о дѣлахъ своего отца. Тогда графъ Мусинъ-Пушкинъ началъ унижать Алексія Михайловича въ сравненіи съ Петромъ, государь этимъ огорчился и, желая услышать правдивое слово Долгорукаго, спросилъ его мнѣніе. Послѣдній въ короткихъ словахъ изложилъ значеніе реформъ Петра и дѣла отца Петра Великаго. Выслушавъ все терпѣливо, Петръ поцѣловалъ Долгорукаго за его искренность.

Строгая нравственность, увѣренность въ образъ жизни, единодушіе и суровая непреклонная сила характера сдѣлали римлянъ побѣдителями всѣхъ народовъ и властителями почти всего древняго міра. Но съ теченіемъ времени образъ жизни и характеръ римскаго народа мало-помалу измѣнились. По мѣрѣ того, какъ Римъ покорялъ новыя страны и обогащался несмѣтною добычей, падала въ немъ и прежняя строгость нравовъ, распространялась привычка къ удовольствіямъ и роскоши. Римскіе богачи одинъ передъ другимъ начали щеголять богатою от-

дѣлкою своихъ домовъ и садовъ, драгоценною утварью, пышными обѣдами и многочисленною прислугой, мало обращая вниманія на нравственныя качества. Затѣмъ эта роскошь перешла въ извѣженность, которая немало способствовала паденію римскаго государства.

Отсюда мы можемъ заключить, что чистая совѣсть есть вѣрный залогъ счастья личнаго, семейнаго и общественнаго, и всякій человѣкъ долженъ стремиться и къ ней.

Рошаль.

№ 119. Совѣсть наилучшая правоучительная книга, какую мы имѣемъ и съ которой стоитъ почаще совѣтоваться.

(Паскаль)

(См. соч. № 118).

№ 120. Самое строгое наказаніе за преступленіе заключается въ совѣсти.

(Цицеронъ)

(См. соч. № 118).

№ 121. Велика сила спокойнаго человѣка.

(Гете)

(См. соч. № 118).

№ 122. „Страданье нужно намъ: не испытывъ его, нельзя понять и счастья.“

Баратынскій.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

- 1) Понятіе страданія.
- 2) Противоположность понятій страданія и счастья.
- 3) Страданіе, какъ синонимъ несчастья.

Изложеніе.

Страданье нужно намъ: не испытывъ его, нельзя понять и счастья“.

- 1) Причины, вызывающія страданіе;
 - а) внѣшнія;
 - б) внутреннія.
- 2) Сложность этихъ причинъ.
- 3) Зависимость страданій отъ природы человѣка.
- 4) Относительность понятій страданія (несчастья) и счастья.
- 5) Невозможность понять счастье, не испытавъ страданія.
- 6) Вліяніе страданій:
 - а) ихъ помощь: къ достиженію счастья и къ пониманію его;
 - б) примѣры изъ жизни и исторіи.
- 7) Различное пониманіе счастья;
 - а) въ личномъ благѣ;
 - б) въ общественномъ;
 - в) примѣры изъ дѣйствительной жизни.

Заключеніе.

Польза страданій для нравственнаго совершенствованія человѣка и пониманія имъ своего счастья.

Страданіе есть одинъ изъ видовъ несчастья и можетъ быть разсматриваемо, какъ понятіе, совершенно противоположное понятію о счастіи. Кто счастливъ, тотъ не испытываетъ страданій: наоборотъ, кто страдаетъ, тотъ не можетъ считать себя счастливымъ. Слѣдовательно, понятія страданія и счастья обратно пропорціональны: чѣмъ тяжелѣе страданія и чѣмъ больше ихъ, тѣмъ несчастнѣе человѣкъ; чѣмъ счастливѣе человѣкъ, тѣмъ меньше испытываетъ онъ какихъ-либо невзгодъ, страданій и мученій. Человѣкъ, страдающій отъ какой бы то ни было причины, считаетъ себя несчастнымъ; по этой причинѣ страданіе можно считать синонимомъ несчастья.

Страданіе можетъ быть вызвано какъ внѣшними, такъ и внутренними, нравственными причинами. Человѣкъ можетъ страдать отъ недостатка средствъ къ жизни, потери какой-либо вещи или цѣлага состоянія, болѣзни и другихъ внѣшнихъ причинъ; можетъ страдать отъ оскорбленія, обиды, непріятностей по службѣ, смерти кого-либо изъ родныхъ и друзей и проч. Какъ сложна сама жизнь, такъ и многочисленны причины, которыя могутъ принести человѣку страданіе и сдѣлать его несчастнымъ. Ощущеніе страданій, ихъ силы и тяжести зависятъ отъ личныхъ условій каждаго человѣка: чѣмъ слабѣе человѣкъ физически и нравственно, тѣмъ сильнѣе отражаются на чемъ всякія страданія. Счастье и несчастье относительныя понятія: одинъ считаетъ себя

счастливымъ въ тѣхъ условіяхъ, при наличности которыхъ другой не считалъ бы себя таковымъ; наоборотъ, иной считаетъ себя несчастнымъ отъ самыхъ несчастныхъ причинъ, на которыя другой не обратилъ бы вниманія.

Жизнь есть борьба за существованіе; каждый человѣкъ стремится достигнуть благоденствія, сдѣлаться счастливымъ, и въ борьбѣ за свое благо сплосъ и рядомъ строить свое счастье на несчастьѣ другого. Кто считаетъ, что счастье въ богатствѣ, въ матеріальномъ обезпеченіи, тотъ никогда не будетъ считать себя вмѣстѣ счастливымъ и довольнымъ своею судьбою, а будетъ стремиться къ приобрѣтенію еще большаго. Богачъ, родившійся и выросшій въ роскоши, въ условіяхъ, при которыхъ ему не приходилось испытать нужды, горя и страданій,—не въ состояніи понять, въ чемъ заключается счастье и несчастье. Но стоить случиться какому-либо несчастью, потерѣ состоянія или потерѣ кого-либо изъ семьи,—тогда онъ пойметъ, въ чемъ заключается истинное счастье, какъ тяжелы страданія, и какъ мало нужно человѣку, чтобы онъ могъ считать себя счастливымъ. Человѣкъ, обладающій крѣпкимъ здоровьемъ, начинаетъ рисковать и пренебрегать имъ и впадаетъ въ тяжкую болѣзнь. Тутъ только онъ сознаетъ, что крѣпкое здоровье составляетъ счастье человѣка. У семейнаго человѣка, мало обращающаго вниманіе на благосостояніе семьи, заболѣваетъ жена или дѣти. Пысстрадавшись за время ихъ болѣзни, онъ, по минованіи ея, приходитъ къ заключенію, что здоровье и благосостояніе семьи составляютъ его счастье, и начинаетъ заботиться о ней больше, чѣмъ о себѣ. Справедливы русскія поговорки: „не бывать бы счастью, да несчастье помогло“ и „не вкусивъ горькаго, не узнаешь и сладкаго“. Жизнь человѣка идетъ такъ, что онъ не всегда бываетъ въ состояніи самъ понять свое счастье; ему для этого нужно перенести испытанія. Перенеся физическія и нравственныя страданія, онъ узнаетъ, что дорого для его жизни, и что составляетъ его счастье, какъ довольство тѣмъ, что необходимо для человѣческой жизни. Страданія и несчастія какъ бы помогаютъ человѣку въ исканіи и достиженіи счастья. Свобода есть одно изъ главныхъ условій благоденствія человѣка, но онъ оцѣниваетъ ее по достоинству тогда, когда лишается ея. Такъ было, напримѣръ, съ Ф. М. Достоевскимъ. Лишившись свободы, онъ перетерпѣлъ всѣ страданія физическія и нравственныя, сопряженныя съ потерей свободы. Но эти страданія и лишения научили его цѣнить свободу, безъ которой онъ не могъ бы написать сочиненій, обезсмертившихъ его имя.

Не только отдѣльному человѣку страданія помогаютъ понимать, что такое счастье, но и цѣлымъ государствамъ. Возьмемъ историческіе

примѣры. Наше отечество долго страдало отъ татарскаго ига и нашествія другихъ иноплеменниковъ; но когда чаша страданій переполнилась, оно воспрянуло духомъ, отвоевало свою самобытность и достигло своего величія. Въ послѣднюю войну Франція понесла тяжкія пораженія матеріально и нравственно, но, благодаря возродившемуся патриотизму своихъ гражданъ, она залѣчила свои раны и заняла одно изъ видныхъ мѣстъ среди европейскихъ государствъ. Въ обоихъ случаяхъ государственныя бѣдствія возродили дремавшее единеніе народа и патриотизмъ, составляющіе силу и счастье государства. Одни ищутъ счастья въ матеріальномъ богатствѣ, а другіе въ нравственныхъ качествахъ. Матеріальное богатство подвержено всякимъ случайностямъ и можетъ исчезнуть, какъ дымъ.

Тогда наступаетъ несчастье, страданія, обучающія человѣка, что его счастье въ душѣ, а не въ карманѣ. Одни полагаютъ свое счастье въ изобиліи земныхъ благъ, а другіе въ облегченіи страданій другихъ, въ жизни не ради себя, а ради общаго блага. Напримѣръ, извѣстный проповѣдникъ отецъ Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадскій), отдавъ себя на служеніе Богу и помощь страждущимъ, въ этомъ видѣлъ свое призваніе и свое счастье. Деньги, получаемыя отъ богатыхъ, онъ жертвовалъ на благотворительныя дѣла, раздавалъ бѣднымъ и былъ счастливъ тѣмъ, что своими молитвами и матеріальною помощью спасалъ страждущихъ отъ нужды не только матеріальной, но и душевной. Нравственно переживая страданія другихъ, онъ нашелъ счастье въ помощи несчастнымъ, въ облегченіи имъ пути къ достиженію своего счастья.

Итакъ, страданія, хотя и тяжело отражаются на человѣкѣ, способствуютъ его совершенствованію, научаютъ его избѣгать обстоятельствъ, служащихъ помѣхою его счастью, и стремятся къ достиженію того, что необходимо для его счастливой жизни.

Рошаль

№ 123. Не бываеъ бы счастьемъ, да несчастье помогло.
(См. соч. № 122).

№ 124. Страданія возвышаютъ душу.
(См. соч. № 122)

№ 125. Натерпишься горя, узнаешь какъ жить.
(См. соч. № 122).

№ 126. Не вкусивъ горькаго, не узнаешь и сладкаго.
(См. соч. № 122).

№ 127. Всякъ своего счастья кузнецъ.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

- I. Аллегорическій характеръ пословицы.
- II. Смыслъ данной пословицы.

Изложеніе.

Свобода воли и предопредѣленіе.

Вліяніе на судьбу человѣка и народа:

- а) природы,
- б) окружающихъ условій,
- в) времени,

Образованіе характера.

Борьба съ неблагоприятными условіями.

Борцы:

- а) побѣдители:
 - α) Демосеенъ,
 - β) Ломоносовъ,
 - γ) Лаврецкій (герой ром. „Дворянское гнѣздо“);
- б) побѣжденные:
 - α) Алексѣй Петровичъ (сынъ Петра Вел.),
 - β) Обломовъ.

Заключеніе.

«Терпѣніе и трудъ все перетрутъ».

Большинство пословицъ носитъ характеръ иносказательный, аллегорическій; народъ выражаетъ въ нихъ результаты своихъ размышленій надъ явленіями окружающей жизни не прямо, а въ картинной, изобразительной формѣ. И раньше чѣмъ разобрать пословицу, нужно отдать себѣ отчетъ, что собственно народъ хотѣлъ ею сказать.

Въ пословицѣ, которая теперь подлежитъ нашему разбору, слѣдуетъ раньше всего выяснить смыслъ словъ „счастье“ и „кузнецъ“.

Слово „счастье“ слѣдуетъ здѣсь понимать въ расширенномъ значеніи, въ смыслѣ „участіе“, „судьба“. Не только счастливая, но и несчастная судьба человѣка есть въ конечномъ счетѣ результатъ его «кованія», его работы, того, насколько возвышеннымъ былъ идеалъ, который онъ себѣ намѣтилъ, насколько энергично онъ стремился къ его достиженію. Такъ полагаетъ народъ. Посмотримъ, можно-ли согласиться съ высказаннымъ въ пословицѣ взглядомъ.

Было время, когда люди полагали, что все, что должно съ ними случиться въ жизни, опредѣлено заранѣе какой-то высшей силой, и никакимъ образомъ человѣкъ не можетъ нарушить этихъ вѣднѣй судьбы, рока. Чѣмъ больше будетъ стараться человѣкъ уйти отъ того, что ему предопредѣлено судьбой, тѣмъ скорѣе и неизбѣжнѣе подпадаетъ онъ во лѣ рока. Въ нѣкоторыхъ древнихъ религіяхъ и, между прочимъ, въ исламѣ подчиненіе человѣка силѣ судьбы, фатализмъ является однимъ изъ основныхъ догматовъ.

Но гордость человѣка не могла долго мириться съ этимъ положеніемъ непрекословнаго, рабскаго исполнителя высшихъ предначертаній, и теоріи предопредѣленія начинаетъ противопоставлять теорія свободы воли. Сторонники послѣдняго взгляда утверждаютъ, что воля совершенно не зависитъ ни отъ какихъ внѣшнихъ условій, что человѣкъ можетъ все, что хочетъ. Слагается гордая пословица: „Хотѣть значитъ мочь“¹⁾.

Истина, какъ почти всегда, находится между обѣими этими крайностями.

Въ настоящее время наукой вполне установлено, что природа имѣетъ громадное, подчасъ рѣшающее вліяніе на жизнь людей и народовъ. Жаркій или слишкомъ холодный климатъ развиваетъ въ человѣкѣ неумѣніе, неспособность къ труду, напротивъ средней, умѣренной способствуетъ гармоническому развитію всѣхъ силъ тѣла и духа. Даже условія добыванія пищи также отражаются на культурномъ уровнѣ страны. Тамъ, гдѣ человѣкъ долженъ всѣ свои силы потратить на то, чтобы пропитаться, ему, естественно, не хватаетъ досуга, необходимаго для умственного развитія. Наконецъ, религія первобытнаго человѣка, заключающаяся въ обоготвореніи внѣшнихъ силъ природы, естественно зависитъ отъ вида природы, отъ тѣхъ пейзажей, которые окружаютъ народъ.

1) „Vouloir—c'est pouvoir“.

Что касается отдѣльнаго человѣка, то онъ находится еще подъ вліяніемъ тѣхъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ ему приходится жить и дѣйствовать. Одному человѣку приходится съ громадными усилиями добиваться того, что другому дано уже при рожденіи природой или происхожденіемъ. Такъ, начатки образованія и культуры, которые мы безсознательно приобретаемъ въ дѣтствѣ, для многихъ служатъ предметомъ многолѣтнихъ стараній.

Наконецъ, и время, въ которое живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ, не можетъ не наложить извѣстнаго отпечатка на его дѣятельность. Лишь немногія совершенно исключительныя натуры могутъ настолько шагнуть впередъ, чтобы совершенно разорвать со своимъ вѣкомъ. Обыкновенно же люди даже очень даровитые въ значительной степени зависятъ отъ общихъ условій культурности и развитія, господствующихъ въ данное время.

Таковы тѣ условія, которыя вліяютъ на опредѣленіе характера и дѣятельности человѣка. Значитъ-ли это, что внѣшними условіями опредѣляется весь человѣкъ, что изъ рамокъ этихъ условій вырваться ему невозможно, что „человѣкъ есть то, что онъ ѣсть“, какъ говорили крайніе послѣдователи этого ученія?

Отнюдь нѣтъ.

Мы нерѣдко видимъ и въ жизни, и въ исторіи, и въ литературѣ, примѣры того, какъ люди съ сильной волей и несокрушимой энергіей разрушаютъ всѣ спутывающія ихъ оковы, вступаютъ въ борьбу съ окружающими ихъ преградами и препятствіями и выходятъ изъ этой борьбы побѣдителями.

Исторія сохранила намъ память о греческомъ ораторѣ Демосенѣ. У него не было ни одного изъ природныхъ данныхъ, необходимыхъ для того, чтобы говорить съ каеэдри. Слабый голосъ, неясное произношеніе, дурныя манеры—все было противъ него. Но постоянными усилиями, неустанной работой, безчисленными упражненіями—онъ сумѣлъ дойти до того, что сдѣлался однимъ изъ величайшихъ ораторовъ древности.

А нашъ Ломоносовъ? Вѣднѣй отецъ, мачеха, не взлюбившая сына и мѣшающая ему въ его занятіяхъ, отсутствіе учителей,—это-ли условія, создающія ученыхъ? Но Ломоносовъ умѣлъ захотѣть, и вотъ

„Архангельскій мужикъ,

По своей и Божьей волѣ.

Сталъ разуменъ и великъ“.

Некрасовъ.

Въ литературѣ примѣромъ человѣка, который, вступая въ жизнь, долженъ былъ начать съ уничтоженія всѣхъ слѣдовъ своего уродливаго

воспитанія, можетъ послужить герой романа „Дворянское гнѣздо“ — Лаврецкій. Отецъ, помѣшанный на всемъ англійскомъ, далъ мальчику воспитаніе, которое совершенно не соответствовало предстоящей Лаврецкому дѣятельности. Пріѣхавъ изъ-за границы, Лаврецкій сейчасъ же увидѣлъ всѣ пробѣлы въ своемъ образованіи и усѣлся за книги „учиться, учиться и учиться“. И знанія, полученные имъ путемъ самообразования, дали Лаврецкому возможность перенести сравнительно легко крушеніе своего личнаго счастья и всецѣло посвятить себя общественному дѣлу.

Но приведенные нами выше примѣры относятся къ людямъ сильной воли и великаго духа. Но горе людямъ среднимъ, людямъ со слабымъ характеромъ, безъ силы воли. Этимъ не по плечу оказывается тяжелая борьба, и они быстро падаютъ ея жертвами.

У Петра Великаго былъ единственный сынъ, царевичъ Алексѣй. Отецъ, естественно желая видѣть въ сынѣ продолжателя своихъ реформъ, уже издавна готовилъ себя въ Алексѣѣ преемника. Но судьба сдѣлала Алексѣя совершенно неспособнымъ къ тому великому дѣлу, къ которому прочилъ его отецъ. Привыкшій съ дѣтства къ обстановкѣ, въ которой жила его мать, первая супруга Петра Великаго, проникшійся міросозерцаніемъ матери, а также странницъ, кликушъ и юродивыхъ, которыя ее окружали, — мальчикъ съ дѣтства впиталъ въ себя ненависть къ отцу и къ великому дѣлу его. Всѣ попытки отца исправить сына, измѣнить его уродливое міросозерцаніе не приводятъ ни къ какимъ результатамъ, — и Алексѣй гибнетъ жертвой создавшейся вокругъ него атмосферы.

Русская литература особенно богата изображеніемъ людей, которыхъ «среда заѣла». Классическимъ примѣромъ этого типа является Илья Ильичъ Обломовъ. Человѣкъ чистой, „голубиной души“, по выраженію Ольги, очень умный, но совершенно неприспособленный къ жизни и къ какой бы то ни было дѣятельности, онъ гибнетъ въ первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Что же погубило его? „Нѣтъ имени этому злу!“ восклицаетъ искренно скорбящая объ его паденіи Ольга. „Есть“, тихо возражаетъ Обломовъ, и на безмолвный вопросъ Ольги поясняетъ: „Обломовщина!“

Итакъ, среда, неблагоприятныя условія жизни имѣютъ вліяніе на слабыя, вольныя натуры. За то натуры сильныя всегда выходятъ изъ этой борьбы побѣдителями, съ окрѣпшимъ духомъ и вѣрой въ свои силы.

„Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ“.
(Пушкинъ).

Необходима лишь стойкость и твердость духа, желанье поставить себя цѣль и идти къ этой цѣли, не уклоняясь въ сторону и не падая духомъ при первыхъ неудачахъ. „Терпѣнье и трудъ все перетрутъ“. При этихъ условіяхъ человѣкъ дѣйствительно будетъ имѣть право считать себя кузнецомъ своего счастья.

№ 128. Насколько счастье человѣка зависитъ отъ него самого?

(См. соч. № 127).

№ 129. „Золото огнемъ искушается, а человѣкъ напастьми“.

(См. соч. № 127).

№ 130. Насколько человѣкъ самъ творецъ своего счастья?

(См. соч. № 127).

№ 131. Конечъ вѣнчаетъ дѣло.

Вступленіе.

Происхожденіе и смыслъ этой пословицы.

Изложеніе.

Конечъ вѣнчаетъ дѣло.

I. Слѣдствіе умѣлаго веденія дѣла и выбора посильнаго труда: успѣхъ.

II. Дурное послѣдствіе отъ неразумнаго выбора труда.

Заключеніе.

Необходимость обдуманно браться за дѣло.

Эта пословица, какъ многія другія пословицы, образовалась въ народѣ изъ его наблюденій надъ жизнью. Смыслъ ея тотъ, что о всякомъ дѣлѣ судятъ всегда по концу. Только тогда мы можемъ ожидать хорошихъ результатовъ отъ своихъ предпріятій, когда увѣрены, что въ состояніи довести ихъ до конца. Къ несчастію, очень часто случается,

что мы беремся за непосильный труд и, не смотря на всю действительность и энергию, не в состоянии бываем его окончить. Возьмемъ въ примѣръ художника, который, принявшись писать слишкомъ большую картину, не доводитъ ее до конца и бросаетъ; также убѣдительнымъ примѣромъ можетъ служить примѣръ изъ исторіи, это—Потемкинъ, предложившій неосуществимый проектъ: удаленіе турокъ изъ Европы.

Часто также случается, что мы за недостаткомъ терпѣнія, торопясь скорѣе закончить до сихъ поръ хорошо веденное дѣло, совершенно его портишь, общество же обыкновенно не слѣдитъ за ходомъ нашей деятельности, а судитъ только по ея результату. Какъ доказательство нашей мысли, возьмемъ артиста, который своей неудачной игрой въ послѣднемъ дѣйствіи можетъ испортить хорошее впечатлѣніе, произведенное имъ вначалѣ на зрителей.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что подъ „концомъ“ въ этой пословицѣ разумѣется скорѣе не окончаніе самаго дѣла, но его результатъ.

Поэтому, каждый человѣкъ, взявшись за извѣстный трудъ, всегда долженъ преслѣдовать извѣстную цѣль и предвидѣть ея осуществленіе. Примѣромъ этого можетъ послужить Демосенъ, который, сознавая, насколько сила рѣчи можетъ подѣйствовать на его соотечественниковъ и принести имъ пользу, всеми способами старался развить въ себѣ даръ краснорѣчія; еще болѣе характернымъ примѣромъ является Русскій Царь Петръ I, который, много путешествуя за границей и изучивъ тамъ различныя отрасли науки и искусства, настолько себя образовалъ, что былъ въ состояніи способствовать развитію Россіи и совершить цѣлый рядъ преобразованій, за что и получилъ прозваніе Великаго. Можно себѣ представить, какое громадное удовлетвореніе чувствовали эти люди, когда достигали желанной цѣли. Вообще всегда приятно бываетъ человѣку видѣть осуществленіе своей идеи, результатъ своихъ трудовъ. Возьмемъ состояніе художника, который, послѣ многолѣтнихъ усидчивыхъ трудовъ, наконецъ, послѣднимъ штрихомъ кисти заканчиваетъ свою картину, или литератора, дописывающаго послѣднюю страницу своего сочиненія, и, чѣмъ съ большими лишеніями и препятствіями достигается конецъ. тѣмъ онъ пріятнѣе. Изреченіе римлянъ „*finis coronat sors*“, т. е. конецъ вѣнчаетъ дѣло, было распространено даже въ столь отдаленныя времена. Дѣйствительно, дѣло безъ конца,—это развѣнчанное предпріятіе, это дѣло, не заслуживающее одобренія, не внушающее довѣрія и вниманія. Вотъ почему намъ слѣдуетъ стремиться достигнуть съ успѣхомъ конца своей цѣли, чтобы другимъ не пришлось примѣнить къ намъ не менѣе мудрую народную пословицу: „взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ“.

№ 132. Добрый конецъ всему дѣлу вѣнецъ.
(См. соч. № 131).

№ 133. Начиная дѣло, о концѣ помышляй.
(См. соч. № 131).

№ 134. Куй желѣзо, пока горячо!

Много пословицъ у русскаго народа, и всѣ ихъ составилъ онъ самъ, наученный опытомъ въ ихъ справедливости и въ необходимости ихъ придерживаться. Всякій крестьянинъ сумѣетъ воспользоваться какой-нибудь пословицей, если хочетъ убѣдить въ справедливости своихъ словъ, или сказать ее въ ихъ подтвержденіе и всегда сумѣетъ такъ ее повернуть въ свою рѣчь, что всякія возраженія бесполезны и немислимы. Но не всѣ пословицы были составлены народомъ въ одно время, а въ различное. Напримѣръ пословица: „жилъ въ лѣсу, молился пнямъ“, очевидно была составлена народомъ въ языческую пору, между тѣмъ, какъ пословица: „взялъ боженку за ноженьку, да объ полъ“ указываетъ на то время, когда Русь крестилась и своихъ прежнихъ боговъ—идоловъ, большею частью, бросали въ рѣки или же разбивали. Пословица: „куй желѣзо, пока горячо“, занимаетъ не послѣднее мѣсто между пословицами; очевидно, она была составлена народомъ тогда, когда онъ узналъ обращеніе съ желѣзомъ. Кузнецъ пользуется дляковки желѣза тѣмъ моментомъ, когда оно накалилось до извѣстной степени, и до этого мгновенія онъ можетъ дѣлать, что ему угодно, но если пропустить удобный моментъ, то онъ уже не можетъ придать желѣзу ту форму, которую хотѣлъ, и потеряетъ только время и свой трудъ. Земледѣлецъ также можетъ сѣять и жать хлѣбъ только лѣтомъ, а потому онъ лѣтомъ не занимается никакимъ ремесломъ, потому что онъ знаетъ, что у него для этого много времени зимой; если же онъ упустилъ лѣтнее время, то ему предстоитъ нужда, даже голодь; станетъ онъ себя бранить и невольно вспомнитъ пословицу: „куй желѣзо, пока горячо“. Но не одни люди, видимо, знаютъ эту пословицу, а даже многія животныя и насѣкомыя пользуются извѣстными случаями; напр.: сурокъ устраиваетъ себѣ зимнее жилище и лѣтомъ собираетъ запасы на зиму и складываетъ ихъ въ этомъ жилищѣ, какъ бы знаетъ, что только лѣтомъ возможно готовить запасы, когда земля столь богата многочисленными своими произведеніями. Пчела также лѣтомъ собираетъ медъ, потому что тогда много цвѣтовъ, а если же она пропуститъ лѣтнее время, то

остаётся безъ пищи на зиму. Многія историческія личности, вліявшія на судьбы народовъ, подають намъ хорошіи примѣры тѣмъ, что вполнѣ оправдали эту пословицу. Напр., во Франціи власть послѣднихъ Каролинговъ была очень слаба: у нихъ было очень мало владѣній, потому что всѣ Каролинги раздавали свои земли феодаламъ, которые, хотя и называли себя вассалами короля, однако были ими только по-имени, а въ дѣйствительности же они не признавали надъ собою никакой власти, были гораздо сильнѣе королей, такъ какъ у нихъ было больше земли, чѣмъ у короля; слѣдовательно, у нихъ было много еще своихъ вассаловъ и еще подчиненныхъ имъ жителей городовъ и селъ. Когда на престолъ Франціи вступила династія Капетинговъ, то первые изъ нихъ были очень слабы по своей власти, потому что Франція была раздроблена на многія феодальныя владѣнія, владѣтели которыхъ, привыкнувъ къ самоуправленію, не признавали себя подчиненными короля. Но вскорѣ Капетинги начали слѣдовать политикѣ совершенно противоположной политикѣ Каролинговъ: они не раздавали земель своимъ вассаламъ, а, напротивъ, старались приобрести ихъ покупкою, бракомъ и оружіемъ: имъ пришлось бороться съ баронами въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ; напр., у самыхъ воротъ Парижа возвышался замокъ барона Монлери, который мѣшалъ сообщенію Парижа съ другими городами, пока наконецъ этотъ замокъ не приобрѣлъ Филиппъ I посредствомъ брака. Потомъ Капетинги начали покровительствовать горожанамъ, которые, угнетенные феодалами, старались освободиться отъ нихъ; они покупали часто у феодаловъ права самоуправления, но чаще всего поднимали на нихъ оружіе. Короли также помогали городамъ войскомъ въ ихъ стремленіи освободиться отъ гнета феодаловъ; города стали видѣть въ нихъ своихъ покровителей, помощниковъ, и сами помогали королямъ въ ихъ борьбѣ съ феодалами и войскомъ и деньгами. Но городамъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ Капетинги не давали права самоуправления. Такимъ образомъ, короли во Франціи, опираясь на коммуны, т. е. городскія общины, достигли высшей степени своего могущества, между тѣмъ какъ въ Англіи феодалы, соединившись съ горожанами, ослабили власть своихъ королей, которые до тѣхъ поръ правили государствомъ неограниченно. Россія, раздробленная на мелкія княжества, разоряемая частыми междоусобіями князей, враждовавшихъ между собою изъ-за старшинства, не могла устоять противъ нашествія татаръ и была покорена послѣдними, воспользовавшимися неустойчивостью Руси. Такимъ образомъ сами русскіе князья были виновниками разоренія и покоренія Руси, послѣ котораго она долго не могла оправиться и свергнуть татарское иго, исполненія чего легко можно было достигнуть, если бы князья сознали

всю тяжесть этого покоренія и соединились бы подъ одной властью для возстановленія своей независимости. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ мы можемъ убѣдиться въ справедливости народной пословицы «куй желѣзо, пока горячо». И, дѣйствительно, какъ кузнецъ пользуется дляковки желѣза тѣмъ моментомъ, когда оно горячо, такъ и каждый человѣкъ долженъ пользоваться благоприятными обстоятельствами для скорѣйшаго и лучшаго исполненія своего предпріятія.

№ 135. Корень ученія горекъ, а плоды его сладки.

Въ этой пословицѣ ученіе сравнивается съ плодовымъ деревомъ, понимая подъ корнемъ начало ученія, а подъ плодами приобретенное знаніе. Слѣдовательно изъ этого вытекаетъ то, что кто стремится къ знанію, тотъ долженъ перенести горечь труда, но превозмогши все это, онъ приобретаетъ желанныя выгоды и преимущества. Въ самомъ дѣлѣ, сколько усилій и трудовъ стоитъ иногда человѣку выучить что-нибудь, такъ какъ онъ не всегда понимаетъ пользу этого или относится къ ученію не съ большимъ прилежаніемъ и терпѣніемъ. Но если онъ все преодолеваетъ, то видитъ, что ему принесло все это много пользы. Кто не хочетъ преодолѣть всѣ трудности ученія, тотъ не можетъ получить образованія и не долженъ рассчитывать на преимущества и выгоды, достигающіяся въ награду за трудъ. Возьмемъ, на примѣръ, земледѣльца, сколько упорнаго труда и усилій тратитъ онъ на обработку своего поля, чтобы получить урожай. И чѣмъ труднѣе и тяжелѣе было ему, тѣмъ больше удовольствія доставляетъ ему собираніе плодовъ. Точно также и человѣку довольно трудно иногда бываетъ достигнуть образованія. Но всего этого можно достигнуть трудомъ и прилежаніемъ.

№ 136. „Неправдой свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься“.

Вступленіе.

Измѣненіе взглядовъ народа подъ вліяніемъ историческихъ условий:

- а) язычество,
- б) христіанство.

Хитрость и лукавство, какъ идеалъ народа въ древнѣйшую пору его жизни.

Взгляд на хитрость и обманъ, выраженный въ пословицѣ: „Не-
правдой свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься“.

Изложение.

- А) Нечестными средствами можно добиться временнаго успѣха,
такъ какъ
- а) человекъ, неразборчивый въ средствахъ, ни предъ чѣмъ
не останавливается;
 - б) ложь раскрывается не сразу.
- Б) Этотъ успѣхъ не можетъ быть продолжительнымъ, такъ
какъ
- а) „нѣтъ ничего скрытаго, что не стало бы явнымъ“.
 - б) лжецъ самъ запутывается въ сотканной имъ сѣти лжи.
- В) Успѣхъ не доставляетъ лжецу полнаго удовлетворенія, такъ
какъ
- а) лжецъ постоянно боится раскрытія своего преступленія и
 - б) терзается угрызеніями совѣсти.
- Г) Примѣры:
- а) Макбетъ,
 - б) Борисъ Годуновъ.

Заключение.

«Правда свѣтлѣ солнца».

„Tempora mutantur et nos mutamur in illis“, времена мѣняются,
и мы измѣняемся вмѣстѣ съ ними,—сказалъ римскій поэтъ. И не
только люди, но и цѣлые народы переживаютъ на своемъ историческомъ
пути серьезныя измѣненія въ зависимости отъ тѣхъ событій, которыя
составляютъ ихъ исторію. Особенно крупныя перемѣны происходятъ въ
міросозерцаніи народа подъ вліяніемъ перемѣны религіи. Христіанство
совершенно перевернуло вверхъ дномъ всѣ представленія древнихъ языч-
никовъ, объявивъ дурнымъ многое изъ того, что ранѣе считалось ни-
сколько не предосудительнымъ. И по мѣрѣ того, какъ средневѣковые
варвары—остготы, вестготы, вандалы и др.—принимаютъ христіанство,
въ ихъ представленіяхъ можно наблюдать всегда одну и ту же мета-
морфозу.

Идеалы древнихъ славянъ языческаго періода стоятъ на весьма
низкомъ уровнѣ. Они нисколько не стѣсняются хитрости и обмана,
считая ихъ вполне допустимымъ средствомъ въ борьбѣ за существова-
ніе. Мужикъ въ одной русской сказкѣ два раза обманываетъ медвѣдя,
пользуясь его доврчивостью, наивностью и простодушіемъ, и народъ

не обнаруживаетъ никакого негодованія, осмѣивая медвѣдя и не по-
рицая мужика.

Но не то видимъ мы послѣ принятія христіанства. Это великое
событіе ярко отразилось на всемъ міросозерцаніи народа, поставивъ пе-
редъ нимъ высокіе идеалы добра, любви и правды. Народныя произве-
денія этого новаго періода указываютъ на рѣшительный переломъ; на-
родныя пословицы, въ которыхъ народъ высказалъ свои взгляды на
жизнь, носятъ совершенно иной характеръ сравнительно съ прежними.

Ложь, хитрость, обманъ и лукавство представляются по этимъ но-
вымъ взглядамъ вещами совершенно недопустимыми, и народъ не толь-
ко порицаетъ лжеца, но и предсказываетъ ему конечную неудачу всѣхъ
предпріятій, основанныхъ на нечистыхъ средствахъ. Этотъ взглядъ на-
рода выраженъ въ пословицѣ: „Неправдой свѣтъ пройдешь да назадъ
не воротишься“.

Правда, временнаго успѣха лжецу и обманщику нетрудно до-
биться. Изъ борьбы съ честнымъ человекомъ онъ можетъ подчасъ вый-
ти побѣдителемъ, такъ какъ тамъ, гдѣ противникъ его будетъ взвѣши-
вать каждый шагъ, боясь причинить кому-либо вредъ или сойти съ
прямого пути, тамъ лжецъ станетъ поступать совершенно свободно, ру-
ководствуясь лишь собственными выгодами и зачастую вступая въ
сдѣлки со своей совѣстью. Если въ душѣ его еще не окончательно
заглохъ голосъ правды, онъ всячески будетъ стараться заглушить его
всевозможными софизмами и ложными разсужденіями. Тутъ появятся
всѣ эти „Не я первый, не я послѣдній“, „Не нами началось, не нами
и кончится“, „Не обманешь, не продашь“, „Цѣль оправдываетъ сред-
ства“. При помощи этихъ тривіальныхъ и неискреннихъ словъ будетъ
лжецъ стараться найти извиненіе для своихъ неблаговидныхъ поступ-
ковъ и такъ или иначе скрасить ихъ. Но и это вскорѣ проходитъ:
лжецъ съ головокружительной быстротой катится внизъ по наклонной
плоскости, и одна ложь неизбежно влечетъ за собой много другихъ.
Недаромъ говоритъ народъ: „Коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть“.

Ложь открывается не сразу: часто люди нѣкоторое время насла-
ждаются тѣмъ, что они добыли нечестнымъ путемъ. «Богъ правду ви-
дитъ, да не скоро скажетъ». Но въ концѣ концовъ она обнаружится съ
полной неизбежностью. Какъ часто приходится наблюдать, что преступ-
никъ, совершившій какое нибудь злое дѣло, либо самъ выдаетъ себя,
либо обнаруживается случайно черезъ много лѣтъ послѣ своего поступка.
Въ этомъ случаѣ, страданія злодѣя еще тяжелѣе, такъ какъ годы счастья
и благосостоянія создаютъ для него мучительный контрастъ сравнитель-

но съ тѣмъ, что ему приходится переживать послѣ раскрытія преступленія.

Но и годы удачи не даютъ преступнику полного счастья. Мучительныя угрызенія совѣсти оставляютъ ихъ лишь на очень короткіе періоды. Вообще-же ему приходится переживать страданія, о которыхъ герой драматическихъ сценъ Пушкина „Скупой рыцарь“ говоритъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Иль скажетъ сынъ,
. что меня
И совѣсть никогда не грызла,—совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце,—совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Займодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяць, и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ».

Ни въ жизни ни въ литературѣ мы не видимъ ни одного преступника, который не испытывалъ бы самыхъ тяжелыхъ страданій совѣсти. И подчасъ эти мученія бываютъ такъ велики, что снимаютъ и смываютъ съ преступника всю его вину, особенно если прибавить къ нимъ вѣчный страхъ злодѣя, который постоянно трепещетъ, что его преступленіе будетъ обнаружено и раскрыто.

И всемірная и наша русская литература съ большою тщательностью разработала вопросъ о преступленіи и о томъ наказаніи, которое содержится уже въ самомъ фактѣ преступленія. Греческая трагедія дала намъ образцы двухъ преступниковъ поневолѣ: Ореста и Эдина, Шекспиръ остановился на аналогичной темѣ въ „Макбетѣ“, наконецъ, Пушкинъ далъ намъ „Годунова“. Остановимся на послѣднемъ произведеніи.

Основная мысль всей трагедіи выражена въ монологѣ «Достигъ я высшей власти»; она формулирована такъ:

„...Ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть!
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ тайной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда бѣда...

Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!“

Все было за Бориса: и высокій государственный умъ, и опытность въ управленіи государствомъ, приобретенная въ царствованіе его предшественниковъ Іоанна IV и Θεодора Іоанновича, и привязанность народа. Одного лишь не хватало ему: спокойствія души. Грѣхъ, совершенный Борисомъ для вступленія на престолъ, гнететъ его душу. Ему „тринадцать лѣтъ... сряду все снилося убитое дитя“, и, какъ только является вѣсть о самозванцѣ, имъ овладѣваетъ непривычная для него растерянность, беспомощность: онъ ясно чувствуетъ, что для него пришелъ часъ расплаты.

Да, часто бываетъ, что „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“, но онъ скажетъ ее, неизбежно, непремѣнно. Въ этомъ народъ былъ глубоко убѣжденъ и выразилъ свою увѣренность въ пословицахъ: „Правда свѣтлѣе солнца“, „Все минется,—одна правда останется“.

№ 137. „Правда свѣтлѣе солнца“.

(См. соч. № 136).

№ 138. „Все минется,—одна правда останется“.

(См. соч. № 136).

№ 139. Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Прямой и переносный смыслъ изреченій.

Изложеніе.

Слабость, неподготовленность и бѣдность, какъ отрицательныя условія крѣпости и увѣренности;

- а) беззащитность отъ жизненныхъ ударовъ,
- б) отсутствіе силъ и средствъ для положительной работы,
- в) оборонительное и наступательное положенія,
- г) линия наименьшаго сопротивленія,
- д) вліяніе слабости на нравственное состояніе.

Заключеніе.

На бѣднаго Макара всѣ шишки валятся.

Человѣчество владѣетъ прекраснымъ орудіемъ прогресса, владѣетъ словомъ. Но живая человѣческая рѣчь не есть нѣчто застывшее и неизмѣнное, напротивъ того, она характеризуется различными состояніями и формами у разныхъ народовъ и въ разные эпохи. Чѣмъ выше культурный уровень даннаго народа, тѣмъ его языкъ богаче и сложнѣе, такъ какъ языкъ въ полной мѣрѣ отражаетъ психологію народа, состояніе его духовныхъ и умственныхъ интересовъ. Съ усложненіемъ этихъ интересовъ и увеличеніемъ круга ихъ, возникаетъ необходимость въ способѣ ихъ выраженія, въ придачіи имъ того или другого словеснаго наименованія или мысленнаго выраженія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это ведетъ къ изобрѣтенію совершенно новыхъ словъ путемъ комбинацій звуковыхъ элементовъ, въ другихъ же случаяхъ, напротивъ, обходятся безъ созданія новыхъ комбинацій, но пользуются ранѣе существующими, причемъ это въ особенности имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ нуждающаяся во вѣншемъ проявленіи мысль нѣсколько сложна и настолько распространена, что не укладывается въ одноименное понятіе. Но пользуясь прежними комбинаціями словъ и выраженій, приходится придавать имъ другой смыслъ, вливать въ эти старыя формы новое содержаніе. Такимъ образомъ возникаетъ омонимы, которые могутъ существовать не только въ видѣ отдѣльныхъ словъ, но и въ видѣ цѣлыхъ предложеній. Особеннаго вниманія заслуживаетъ случай примѣненія чисто конкретныхъ понятій или сужденій для выраженія отвлеченной мысли, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ прямымъ и переноснымъ смысломъ словъ. Въ переносномъ характерѣ словъ и выраженій всегда содержится элементъ аллегоріи, присущій въ такой мѣрѣ, главнымъ образомъ, проявленіямъ народнаго генія пословицамъ, баснямъ, загадкамъ. Съ подобнымъ изреченіемъ, имѣющимъ глубокой скрытый, переносный смыслъ мы имѣемъ дѣло и въ настоящемъ изложеніи. Изреченіе: „гдѣ тонко, тамъ и рвется“, содержа въ себѣ и конкретное значеніе, особенно цѣнно, благодаря переносному своему смыслу, къ выясненію котораго мы теперь и перейдемъ.

Наше изреченіе гласитъ: „гдѣ тонко, тамъ и рвется“. Если понимать его въ прямомъ смыслѣ, то оно означаетъ, что если взять, нитку веревку или кусокъ какой нибудь матеріи, то они порвутся въ томъ мѣстѣ, гдѣ тоньше, такъ какъ это мѣсто можетъ оказать меньшее сопротивленіе разрушающей силѣ. Это неумолимый физическій законъ, простирающій свое вліяніе на всѣ физическія тѣла. Но переносный смыслъ изреченія позволяетъ намъ убѣдиться въ правильности его не только въ примѣненіи къ физическимъ тѣламъ, но и къ другимъ явленіямъ жизни, какъ индивидуальной, такъ и общественной. Понятіе

„тонко“ слѣдуетъ толковать въ смыслѣ слабости, неподготовленности и бѣдности въ чемъ либо: такое состояніе, разумѣется очень печально и чревато многими невыгодными послѣдствіями, въ частности, напримеръ, невозможность защиты своей дальнѣйшей неприкосновенности и крѣпости, слѣдствіемъ чего является, что «рвется», т.-е. установленный порядокъ или содержаніе продолжаютъ разрушаться и все больше терять изъ своей силы и вліянія. Итакъ, беззащитность, невозможность оказать противодѣйствіе разрушительнымъ силамъ оказываетъ свое огромное отрицательное вліяніе на состояніе лица или общества. Тяжесть этого отрицательнаго вліянія еще усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что благодаря неувѣренности и необезпеченности, въ которой приходится пребывать, отнимается возможность для творческой положительной работы. Въ удѣлъ достается въ лучшемъ случаѣ сохраненіе status quo, продолжительное пребываніе на точкѣ замерзанія, если не чистая потеря въ своей сущности и формѣ. Отсутствие силъ и средствъ для положительной, созидательной работы, порождаемое слабостью, бѣдностью и неподготовленностью, сразу переводитъ субъекта изъ наступательнаго положенія въ оборонительное. Ему нѣтъ возможности заботиться о неуклонномъ поступательномъ движеніи впередъ, когда опасность угрожаетъ существующему положенію, существующему порядку. А мы знаемъ, что наиболѣе выгодной является не оборонительная позиція, а наступательная. Если первая держитъ умъ и мысль субъекта въ подчиненномъ положеніи, принуждая считаться съ дѣйствіями и планами наступающаго, то вторая гарантируетъ полную свободу дѣйствій, широкую возможность для проявленія личной инициативы и использованія всѣхъ выгодъ положенія. Разрушительныя силы, встрѣчаясь на пути съ тѣми или иными препятствіями идутъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Сталкиваясь съ препонами на пути, онѣ склонны, испытавъ ихъ крѣпость, шадить лишь тѣ, съ которыми борьба или невозможна или затруднена, препоны же слабыя, незначительныя сметаются съ пути безъ всякой пощады, въ дѣйствительности, гдѣ тонко, гдѣ слабо, тамъ и рвется, тамъ процессъ разрушенія идетъ неудержимо впередъ. Слабый человѣкъ, не вооруженный противъ разрушительной волны, терпитъ неудачу. Каждая неудача, ослабляя организмъ, лишая его тѣхъ или другихъ органовъ, дѣлаетъ его еще болѣе податливымъ по отношенію къ разрушительнымъ вліяніямъ и перефразируя наше изреченіе, мы можемъ сказать, что, гдѣ становится тоньше или очень тонко, тамъ еще больше рвется. По пути разрушеніе охватываетъ и многія смежныя области, духъ человѣка падаетъ подъ вліяніемъ неудачъ, гаснутъ душевныя силы, а въ глубинѣ души воцаряется мракъ, которому нѣтъ просвѣта...

Передъ нами встаетъ жалкая фигура „бѣднаго Макара, на котораго всѣ шишки валятся“. Каждая новая „шишка“ повергаетъ его положеніе еще въ большій ужасъ, неудача за неудачей сыплется на его усталую голову. Нѣтъ силы и возможности укрыться и противождать грозной силѣ рока, которая не знаетъ пощады. Она дѣйствуетъ согласно физическому закону, что, гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Нелидовъ.

№ 140. Тихе ѣдешь—дальше будешь.

Русскія пословицы содержатъ много истинъ, вынесенныхъ народомъ изъ своего многолѣтняго опыта. Одна изъ такихъ истинъ выражена въ пословицѣ: „Тихе ѣдешь—дальше будешь“.—Смыслъ этой пословицы тотъ, что для достиженія какой-нибудь цѣли часто бываетъ необходима медленная работа, постепенное слѣдованіе по пути къ намѣченной цѣли.

И, дѣйствительно, всякое дѣйствіе требуетъ, во-первыхъ, известной постепенности, послѣдовательности и, во-вторыхъ, соблюденія известныхъ опредѣленныхъ условій. То и другое возможно лишь въ томъ случаѣ, если въ нашемъ распоряженіи имѣется достаточный промежутокъ времени. Нельзя провести успѣшно дѣло отъ начала до конца черезъ всѣ необходимыя ступени, если у насъ на это мало времени. Точно также необходима известная медленность въ дѣйствіи для того, чтобы мы могли дѣлать наше дѣло осмотрительно и не допускать никакихъ промаховъ и ошибокъ. Не выждавъ окончанія дѣла на одной изъ промежуточныхъ ступеней и перейдя къ слѣдующей, чтобы скорѣе окончить дѣло, мы часто губимъ безвозвратно самое дѣло.

Иногда огромное количество силы, затраченной въ слишкомъ короткій промежутокъ времени, приноситъ огромный вредъ взаимнѣ пользы, которую эта сила могла бы принести, если-бы затрата ея была произведена медленно и болѣе равномерно. Такъ, сильная буря ломаетъ вѣтряныя мельницы, и сильный проливной дождь губитъ хлѣбъ на поляхъ.

Мы встрѣчаемъ въ жизни много примѣровъ, когда излишняя торопливость губитъ затѣянное дѣло или отдаляетъ человѣка отъ цѣли, къ которой онъ стремится. Всѣмъ известенъ рассказъ о нетерпѣливомъ ребенкѣ, который, желая, чтобы его цвѣтокъ распустился скорѣе, расправилъ руками лепестки въ почкѣ; она, дѣйствительно, въ тотъ-же день распустилась, но сейчасъ-же погибла. Известенъ также рассказъ

про крестьянина, который, не обращая вниманія на то, что ось въ его телегѣ не въ порядкѣ, быстро мчался, чтобы скорѣе поспѣть въ городъ. Но ось перегорѣла и сломалась, и крестьянинъ не могъ поспѣть въ городъ не только въ тотъ день, но и на слѣдующій, между тѣмъ какъ при болѣе медленной ѣздѣ онъ благополучно доѣхалъ бы туда къ вечеру. То же самое бываетъ и въ развитіи человѣческаго характера и душевныхъ способностей. Въ романѣ „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкинъ вывелъ человѣка, который слишкомъ рано все узналъ, перечувствовалъ и испыталъ, и который поэтому вступаетъ въ жизнь разочарованнымъ, ни на что не способнымъ. Такимъ образомъ, хотя его готовили къ счастливой жизни, но сдѣлали его несчастнымъ человѣкомъ, преждевременно раскрывъ передъ нимъ всѣ отрицательныя стороны жизни, когда его недостаточно развитыя душевныя силы не могли противостоять имъ.

Во всякомъ дѣлѣ надо сообразоваться съ временемъ, необходимымъ для успѣшнаго его выполненія. И если, по пословицѣ „куй желѣзо, пока горячо“, необходимо во-время начинать дѣло, то, по пословицѣ «тише ѣдешь—дальше будешь», необходимо дѣлать это дѣло терпѣливо, не торопясь болѣе, чѣмъ того требуетъ дѣло.

1. Корикъ.

№ 141. Поспѣвшись, людей насмѣшись.

(См. соч. № 140).

№ 142. Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Значеніе нѣкоторыхъ цитатъ изъ басенъ И. А. Крылова.

Изложеніе.

Значеніе и польза спеціализаціи:

- а) обширность и многосторонность жизни человѣка и его дѣятельности;
- б) невозможность охватить все;
- в) опасность превращенія многосторонности въ дилетанство;
- г) продуктивность спеціализаціи;

- д) экономическое значение ея;
- е) раздѣленіе труда въ природѣ;
- ж) вредъ перемѣшиванія специальностей.

Заключение.

Отрицательныя стороны спеціализаціи.

Творчество нашего великаго баснописца Ивана Андреевича Крылова имѣло своимъ источникомъ произведенія народнаго духа, народный языкъ, народную психологію. Неудивительно, что его произведенія такъ глубоко проникли въ народное сознаніе, такъ какъ матеріалъ для своего творчества Крыловъ заимствовалъ изъ народнаго языка въ видѣ множества оборотовъ, изреченій, пословицъ. А въ свою очередь многія его изреченія, цитаты изъ его басенъ стали употребляться въ разговорной рѣчи и вошли въ составъ русскаго языка. Эти изреченія Крылова часто употребляются вмѣсто пословицъ и, надо сказать, что они почти не отличаются отъ народныхъ ни глубиной своей мысли, ни красотой внѣшней своей формы. Къ числу изреченій, наиболѣе глубокихъ по смыслу, относится также и приведенное въ заголовкѣ нашего разсужденія, къ разъясненію котораго мы и приступили.

Содержаніе словъ: бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а а сапоги тачать пирожникъ—сводится къ тому, чтобы дать каждому человѣку неизмѣнное правило дѣйствовать только въ той области, съ которой онъ знакомъ, которую изучилъ и твердо знаетъ. Другими словами—проводится мысль о необходимости спеціализироваться въ какой-нибудь опредѣленной области и строго ея придерживаться. Жизнь людей, усложняющаяся еще съ каждымъ годомъ, до такой степени обширна и многосложна, что не хватитъ силъ одного человѣка, чтобы изучить всѣ ея стороны, всѣ ея детали. Нѣтъ возможности охватить всю безпредѣльную ширь, растущей съ каждымъ годомъ, человѣческой культуры, которая, проникая во всѣ поры человѣческаго существованія, принимая различныя виды и формы, еще болѣе усложняется въ своемъ дальнѣйшемъ ростѣ. Для того, чтобы быть на мѣстѣ и дѣйствительно приносить пользу себѣ и людямъ, необходимо избрать какую-нибудь одну опредѣленную область, ее изучить, разработать и продолжать служить человѣчеству на избранномъ посту.

Есть нѣкоторые люди, которые считаютъ невозможнымъ избрать для себя одну область, а стремятся ко всеобщему знанію. Но справедливость требуетъ сказать, что подобные дѣятели въ массѣ своей не могутъ приносить той пользы, которую они должны были бы принести;

такъ какъ, являясь диллетантами, они судятъ обо всемъ съ точки зрѣнія своей расплывчатой и туманной диллетантской философіи, которая неспособна выдѣлить изъ себя элементы для положительной созидательной работы. Иное дѣло при избраніи человѣкомъ какой-нибудь опредѣленной специальности, въ которую онъ на извѣстное время замыкается, какую изучаетъ со всей возможною тщательностью. Такой человѣкъ, вооруженный, хотя и не очень обширными, но основательными и глубокими познаніями, можетъ дѣйствительно приносить пользу на своемъ посту. Русская пословица говоритъ: «дѣло мастера боится», но для того, чтобы дѣло боялось человѣка, онъ долженъ быть мастеромъ, т. е., дѣйствительнымъ знатокомъ своего дѣла, за которое онъ принимается и которое желаетъ вести. Но помимо того, что спеціализація является элементарнымъ условіемъ каждой работы, и даже если рѣчь заходитъ о продуктивности извѣстной, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, то и въ такомъ случаѣ преимущество необходимо отдать спеціалисту, у котораго всѣ данныя для побѣды надъ своимъ слабымъ противникомъ. Тѣ познанія и тотъ навыкъ къ извѣстной работѣ, которые имѣются у спеціалистовъ, создаютъ имъ неоспоримое преимущество. На этомъ принципѣ основывается, между прочимъ, и система раздѣленія труда, играющая столь выдающуюся роль въ экономической жизни народовъ. Безъ этой системы было бы невозможно завоеваніе тѣхъ выдающихся техническихъ успѣховъ и усовершенствованій, свидѣтелями которыхъ мы являемся теперь. Безъ раздѣленія труда человѣческая исторія возможно шла бы по совершенно иному пути, и мы не имѣли бы тѣхъ блестящихъ результатовъ процесса техники, которыми мы теперь пользуемся. Раздѣленіе труда въ сущности та же спеціализація и имѣетъ мѣсто, какъ въ жизни человѣческаго рода и отдѣльныхъ народовъ, такъ и въ природѣ вообще. И тамъ мы видимъ систематическое раздѣленіе труда, дающее прекрасные результаты. Напротивъ,—большой вредъ приносить пренебреженіе спеціализаціей, и такой образъ дѣйствій, когда сапожникъ начинаетъ печь пироги, а пирожникъ тачать сапоги.

Разумѣется, и спеціализація при узкомъ и педантическомъ ея примѣненіи можетъ имѣть отрицательныя стороны. Въ такомъ случаѣ она суживаетъ кругозоръ человѣка, замыкаетъ его всецѣло въ узкій кругъ его специальности, сушитъ его мозгъ, парализуетъ его стремленія. Это безусловно все отрицательныя явленія и противъ нихъ необходимо устремить нашу борьбу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
1. Различіе между человѣкомъ и животнымъ	3
2. Человѣкъ-животное общественное	4
3. Ты—человѣкъ! Постоянно взвѣшивай и обдумывай это	4
4. Назначеніе человѣка	6
5. Человѣкъ-вѣнецъ творенія	7
6. Во всякомъ званіи можно быть полезнымъ гражданиномъ	8
7. Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто	9
8. Вліяніе среды на личность	9
9. Интеллигентный человѣкъ—должникъ общества	12
10. Вліяніе личности на среду	13
11. Только живя въ обществѣ, человѣкъ можетъ быть вполне счастливымъ	16
12. «Хочешь людей изучить, въ сердце къ себѣ загляни»	19
13. Вліяніе семьи :	19
14. Воспитательное значеніе семьи	20
15. Значеніе воспитанія въ жизни человѣка	21
16. Вліяніе воспитанія на развитіе характера человѣка	23
17. Условія, способствующія умственному развитію человѣка	26
18. Развитіе достигается самодѣятельностью	29
19. Кого мы называемъ умнымъ человѣкомъ?	29
20. Сила уму уступить	30
21. Чужимъ умомъ не проживешь	37
22. Голова безъ ума, что фонарь безъ свѣчи	37
23. Не перомъ пишуть, а умомъ	37
24. Сила уму могила	38
25. Разумъ и разсудокъ	38
26. Талантъ и геній	39
27. «Истинный талантъ, платя дань вѣку, творить и для вѣчности»	44
28. Не зарывайте таланта своего въ землю	46
29. Кто вездѣ—тотъ нигдѣ	46

30. Положительное и отрицательное значеніе авторитетовъ	48
31. «Изучая жизнь великихъ людей, мы совершенствуемся сами»!	50
32. «Великихъ нѣтъ, но подвиги ихъ живы»	53
33. Значеніе великихъ людей для современниковъ и потомства	54
34. Великіе люди безсмертны	54
35. Значеніе памятниковъ, сооруженныхъ великимъ людямъ	54
36. По смерти слава хороша	56
37. «Народамъ миль и дорогъ тотъ, Кто спятъ ихъ мысли не дасть»	57
38. Что такое героизмъ, и какіе люди могутъ быть героями?	57
39. «Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ, Въ могилѣ буду я, но буду говорить»	60
40. Слово, какъ высшій даръ человѣка	60
41. Даръ слова—даръ Божій	64
42. Языкъ мой—врагъ мой	64
43. «Языкъ есть благодѣтельныйшій духъ природы»	66
44. «Языкъ—зеркало нравовъ»	66
45. Слово не воробей: вылетитъ—не поймаешь	67
46. Слово серебро, а молчаніе золото	67
47. Злословіе—откровенность злыхъ людей	67
48. Мать всякаго подвига есть мысль	67
49. Грѣшно бояться мысли и не довѣрять ей	68
50. Различіе человѣческихъ идеаловъ	68
51. Значеніе идеала въ жизни человѣка	70
52. Люди умирають—идеи живутъ	72
53. «Мысли и иллюзіи гибнутъ, факты остаются»	74
54. Значеніе для человѣка вѣры въ безсмертіе великихъ идей	74
55. Значеніе религіи въ жизни человѣка	75
56. Образовательное значеніе Евангелія	76
57. Съ вѣрою нигдѣ не пропадешь	86
58. Культивирующее значеніе христіанства	87
59. Мужество,—высшая добродѣтель человѣка, а повиновеніе—христіанина	87
60. Значеніе труда	87
61. Какія силы содѣйствуютъ человѣку въ его трудѣ	89
62. Въ трудѣ прогрессъ	90
63. Всякъ челоуѣкъ у дѣла познается	90

64. Безъ постояннаго труда нѣтъ истинно—великаго	90
65. Нужда остритъ разумъ, развиваетъ силы	90
66. Бѣдность и богатство—относительно вліянія ихъ на нрав- ственность	93
67. Лѣнь есть дочь богатства и мать бѣдности	37
68. Стыдъ тому, кто жизнь и время праздно тратитъ	98
69. Богатство служитъ умному и управляетъ глупцомъ	98
70. Бѣдность не порокъ	98
71. Нужда хитрѣе мудреца	98
72. Голь на выдумки хитра	98
73. Сытый голоднаго не разумѣетъ	98
74. Цѣнность времени	98
75. Величайшая изъ потерь—есть потеря времени	100
76. Время терпѣнью, Время трудамъ, Время ученью, Время гульбамъ	101
77. Надежды и воспоминанія въ жизни людей	101
78. Хорошія и дурныя стороны надежды	103
79. На Бога надѣйся, а самъ не плошай	103
80. Надежда—сонъ бодрствующаго человѣка	103
81. Воспоминаніе и надежда—утѣшенія въ бѣдствіяхъ	103
82. Скупость и бережливость	103
83. Истинное богатство не въ приобрѣтеніи, а въ сохраненіи	105
84. Блюди хлѣбъ про ѣду, а копѣйку про бѣду	105
85. Скупой богачъ бѣднѣе нищаго	105
86. Скупость—не глухость, бѣдность не порокъ	105
87. Здоровье—высшее благо	105
88. Береги здоровье смолоду	107
89. Mens sana in corpore sano	108
90. «Знакомыхъ тѣма, а друга нѣтъ»	108
91. Почему юность есть цвѣтущее время дружбы?	109
92. Съ разборомъ выбирай друзей!	110
94. Не по хорошему, милъ, а по милу хорошъ	112
95. Когда въ товарищахъ согласія нѣтъ, на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ	113
96. Значеніе согласія въ жизни людей	115
97. Единеніе—источникъ силы	118
98. «Ужъ изстари, не нынѣ, знать, Что въ согласіи всѣ вещи возрастаютъ»	118

99. Значеніе подражанія въ развитіи человѣка и народа	118
100. Наклонность къ подражанію развиваетъ людей	120
101. Тамъ нѣтъ бездушнаго подражанія, гдѣ говорятъ умъ и сердце	120
102. Значеніе обычая	120
103. Обычай—деспотъ межъ людей	121
104. Привычка и ея значеніе въ жизни	121
105. «Привычка свыше намъ дана, Замѣна счастья она»	123
106. Польза и вредъ уединенія	123
107. Уединеніе создаетъ генія	124
108. Любопытство и любознательность	124
109. Вниманіе и интересъ	126
109. «Все свое ношу съ собою» (Omnia mea mecum porto)	129
110. Вліяніе поэзіи на человѣка	131
111. Сущность поэзіи и ея воспитательное значеніе	134
112. Значеніе поэзіи въ дѣлѣ облагораживанія чувства и под- готовленія человѣка къ дѣйствительной жизни	134
113. Поэзія—небесной религіи сестра	134
114. Разумный смѣхъ—начало обновленія	134
115. Смѣйся рѣдко, не надъ многимъ и не много	138
116. Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся	138
117. Смѣяться не грѣшно надъ тѣмъ, что подлинно смѣшно	138
118. «Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста	138
119. Совѣсть наилучшая нравоучительная книга, какую мы имѣемъ и съ которой стоитъ почаще совѣтоваться	141
120. Самое строгое наказаніе за преступленіе заключается въ совѣсти	141
121. Велика сила спокойнаго человѣка	141
122. «Страданье нужно намъ: не испытавъ его, нельзя понять и счастья»	141
123. Не бывать бы счастью, да несчастье помогло	144
124. Страданія возвышаютъ душу	144
125. Натерпишься горя, узнаешь какъ жить	145
126. Не вкусивъ горькаго, не узнаешь и сладкаго	145
127. Всякъ своего счастья кузнецъ	145
128. Насколько счастье человѣка зависитъ отъ него самого	149
129. «Золото огнемъ искушается, а человѣкъ напастьми»	149
130. Насколько человѣкъ самъ творецъ своего счастья	149

131. Конецъ вѣнчаетъ дѣло	149
132. Добрый конецъ всему дѣлу вѣнецъ	151
133. Начиная дѣло, о концѣ помышляй	151
134. Куй желѣзо, пока горячо	151
135. Корень ученія горекъ, а плоды его сладки	153
136. «Неправдой свѣтъ пройдешь, да назадъ не вернешься» .	153
137. «Правда свѣтлѣе солнца»	157
138. «Все минется,—одна правда останется»	157
139. Гдѣ тонко, тамъ и рвется	157
140. Тихе ѣдешь—дальше будешь	160
141. Послѣшишь, людей посмѣшишь	161
142. Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги та- чать пирожникъ	161
